

Журнал индексируется базами данных

Russian Science
Citation Index

ABDC AUSTRALIAN
BUSINESS DEANS
COUNCIL

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

ECONBIZ
Find Economic Literature

CNKI 学术搜索
WORLD OF CNKI CNKI OF WORLD

ISSN 1994-5124

9 771994 512008 >

Т. 19 № 5 ОКТЯБРЬ 2024

ISSN 1994-5124

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
и Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

2024
Том 19 № 5 ОКТЯБРЬ

Οικονομία • Πολίτικα

ΟΙΚΟΝΟΜΙΑ • POLITIKA

ISSN 1994-5124

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям

5.2.1 — Экономическая теория (экономические науки)

5.2.2 — Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки)

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.4 — Финансы (экономические науки)

5.2.5 — Мировая экономика (экономические науки)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Том 19 № 5 октябрь 2024

Главный редактор

Сергей ДРОБЫШЕВСКИЙ, д. э. н., доцент, директор по научной работе, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара; заместитель директора по науке, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Абел АГАНБЕГЯН, д. э. н., профессор, академик РАН, заведующий кафедрой экономической теории и политики, РАНХиГС (Москва, Россия)

Андрей БЕЛЫХ, д. э. н., заместитель директора Центра прикладной истории, Институт общественных наук РАНХиГС (Москва, Россия)

Наталья ВОЛЧКОВА, к. э. н., профессор, Российская экономическая школа; проректор по научной работе Всероссийской академии внешней торговли, Министерство экономического развития Российской Федерации (Москва, Россия)

Марек ДОМБРОВСКИЙ, PhD (Econ.), профессор, Центр социально-экономических исследований (Варшава, Польша)

Лоуренс КОТЛИКОФ, PhD (Econ.), профессор, Бостонский университет (Бостон, США); Национальное бюро экономических исследований (Кембридж, США)

Юрий КУЗНЕЦОВ, к. э. н., ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов РФ (Москва, Россия)

Владимир МАУ, д. э. н., PhD (Econ.), профессор, главный научный сотрудник, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)

Александр РАДЫГИН, д. э. н., профессор, директор Института экономики, математики и информационных технологий, РАНХиГС (Москва, Россия)

Елена САРДАНАШВИЛИ, ответственный секретарь, АНО «Редакция журнала «Экономическая политика»» (Москва, Россия)

Андрей СИМОНОВ, PhD (Fin.), PhD (Sci.), профессор, Университет штата Мичиган (Ист-Лансинг, США); научный сотрудник, Центр по исследованиям в области экономической политики (CEPR) (Лондон, Великобритания)

Сергей СИНЕЛЬНИКОВ-МУРЫЛЕВ, д. э. н., профессор, главный научный сотрудник, Всероссийская академия внешней торговли, Министерство экономического развития Российской Федерации; научный руководитель, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)

Дэвид ТАРП, д. э. н., PhD (Econ.), ведущий научный сотрудник международной лаборатории исследований внешней торговли, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Россия)

Павел ТРУНИН, д. э. н., заместитель главного редактора, директор Центра изучения проблем центральных банков, РАНХиГС; руководитель научного направления «Макроэкономика и финансы», Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара (Москва, Россия)

Марина ТУРУНЦЕВА, к. э. н., заведующий лабораторией краткосрочного прогнозирования, Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара; заведующий лабораторией макроэкономического прогнозирования, РАНХиГС (Москва, Россия)

Ксения ЮДАЕВА, PhD (Econ.), советник председателя, член совета директоров, Центральный банк Российской Федерации (Москва, Россия)

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
и Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара

© АНО «Редакция журнала «Экономическая политика»», 2024

Оікономіа • Політика

OIKONOMIA • POLITIKA

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Издатель: АНО «Редакция журнала “Экономическая политика”».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР). Свидетельство ПИ № ФС77-25546.

Редакция журнала:

Исполнительный директор	Татьяна Куликова
Научный редактор	Евгения Антонова
Литературный редактор и корректор	Алена Владыкина
Технический редактор и верстальщик	Александр Зайцев
Редактор английских текстов	Екатерина Курдюкова

Позиция авторов представленных в номере статей не всегда совпадает с позицией издателей журнала.

Перепечатка, перевод, а также размещение материалов журнала «Экономическая политика» в Интернете только при согласовании с редакцией. При использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

EKONOMICHESKAYA POLITIKA

ECONOMIC POLICY (Moscow, Russian Federation)

Publisher: ANO Editorial Board of the Journal “Economic Policy”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (ROSKOMNADZOR).

PI certificate number FS77-25546.

Editorial staff:

Executive director	TATIANA KULIKOVA
Scientific editor	EVGENIA ANTONOVA
Literary editor and proofreader	ALENA VLADYKINA
Layout editor and designer	ALEXANDR ZAYTSEV
English language editor	EKATERINA KURDYUKOVA

The position of the authors represented in the papers does not always coincide with the position of the publishers of the journal. Reproduction, translation, and placement of the journal “Ekonomicheskaya Politika (Economic Policy)” on the Internet is allowed only in agreement with the publisher. A reference to the journal is required.

Published materials underwent the procedure of reviewing and expert selection.

EKONOMICHESKAYA POLITIKA
ECONOMIC POLICY (Moscow, Russian Federation)

Vol. 19 No. 5 October 2024

Editor-in-Chief

Sergey DROBYSHEVSKY, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Scientific Director,
Gaidar Institute for Economic Policy; Deputy Director of Research, Institute
of Applied Economic Research, RANEPA (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board

Abel AGANBEGYAN, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Academician, RANEPA
(Moscow, Russian Federation)

Andrei BELYKH, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Deputy Director
of the Center for Applied History, RANEPA (Moscow, Russian Federation)

Natalya VOLCHKOVA, Cand. Sci. (Econ.), Professor, New Economic School;
Vice Rector, Russian Foreign Trade Academy, Ministry of Economic Development
of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Marek DABROWSKI, PhD (Econ.), Professor, Center for Social
and Economic Research (Warsaw, Poland)

Laurence KOTLIKOFF, PhD (Econ.), Professor, Boston University (Boston, USA);
National Bureau of Economic Research (Cambridge, USA)

Yuriy KUZNETSOV, Cand. Sci. (Econ.), Financial Research Institute
of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

Vladimir MAU, Dr. Sci. (Econ.), PhD (Econ.), Professor, Chief of Research,
Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)

Alexander RADYGIN, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of the Institute of Economics,
Mathematics and Information Technologies, RANEPA (Moscow, Russian Federation)

Elena SARDANASHVILI, Executive Secretary, Editorial Board of the Journal
"Economic Policy" (Moscow, Russian Federation)

Andrei SIMONOV, PhD (Fin.), PhD (Sci.), Professor, Chairperson of the Finance
Department, Michigan State University (East Lansing, USA); Research Fellow,
Centre for Economic Policy Research (London, United Kingdom)

Sergey SINELNIKOV-MURYLEV, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Chief of Research,
Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development;
Research Director, Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)

David TARR, Dr. Sci. (Econ.), PhD (Econ.), Chief of Research, Institute
of Applied Economic Research, RANEPA (Moscow, Russian Federation)

Pavel TRUNIN, Dr. Sci. (Econ.), Deputy Editor-in-Chief, Director of the Center for Central
Banking Studies, RANEPA; Head of the Center for Macroeconomics and Finance,
Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russian Federation)

Marina TURUNTSEVA, Dr. Sci. (Econ.), Head of the Short-Term Forecasting Laboratory,
Gaidar Institute for Economic Policy; Head of the Macroeconomic Forecasting
Laboratory, RANEPA (Moscow, Russian Federation)

Ksenia YUDAEVA, PhD (Econ.), Adviser to the Governor, Member of the Board of Directors,
Central Bank of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

**The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration and the Gaidar Institute for Economic Policy**

СОДЕРЖАНИЕ

Бюджетная политика

Антон Силуанов
Роль бюджетной политики в обеспечении
финансового и технологического суверенитета страны 6

Мировая экономика

Александр Кнобель, Ольга Пономарева,
Владимир Седалищев
Торговая война США и Китая
и ее последствия для мировой экономики 30

Микроэкономика

Андрей Андреев, Вадим Грищенко, Мария Лымарь,
Дмитрий Орлов, Илья Шубин
Факторы формирования инфляционных ожиданий населения
(по данным обследования финансов домохозяйств) 54

Региональная экономика

Ирина Стародубовская, Даниил Ситкевич
Туризм и модернизация в республиках Северного Кавказа —
новые возможности догоняющего развития 84

Экономика образования

Mikhail Sorokin, Luyao Yu
The Role of Program and Project Management
in Increasing the Competitiveness of Russian Universities:
A Comparative Analysis Including China and India. 114

Международная торговля

Константин Бородин
Экспортный тариф на товарном рынке 150

История народного хозяйства

Алексей Баранов, Елена Гармашова,
Таисия Лопатина, Дарья Пунга
Хозяйственная жизнь города Севастополя
на рубеже XVIII–XIX веков 186

CONTENTS

Budgetary Policy

Anton Siluanov

The Role of Fiscal Policy in Ensuring the Financial
and Technological Sovereignty of the Country 6

Global Economy

Alexander Knobel, Olga Ponomareva, Vladimir Sedalishchev

Impact of Trade Wars on the Global Economy
and on the Macroeconomic and Sectoral Indicators
of the USA and China 30

Microeconomics

Andrey Andreev, Vadim Grishchenko, Maria Lymar,
Dmitry Orlov, Ilya Shubin

Factors in the Formation of Inflation Expectations as Recorded
in the Russian National Survey of Consumer Finance 54

Regional Economics

Irina Starodubrovskaya, Daniil Sitkievich

Tourism and Modernization in the Northern Caucasus Republics —
New Opportunities for Catch-up Development 84

Economics of Education

Mikhail Sorokin, Luyao Yu

The Role of Program and Project Management
in Increasing the Competitiveness of Russian Universities:
A Comparative Analysis Including China and India. 114

International Trade

Konstantin Borodin

Export Tariffs in Commodity Markets 150

History of the National Economy

Aleksey Baranov, Elena Garmashova,
Taisiya Lopatina, Darya Punga

The Economic Life of Sevastopol
During the Late 18th and Early 19th Centuries. 186

Бюджетная политика

Роль бюджетной политики в обеспечении финансового и технологического суверенитета страны

Антон Германович Силуанов

ORCID: 0000-0001-6821-7888

Доктор экономических наук, декан финансового факультета,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(РФ, 125993, Москва, Ленинградский пр., 49);
министр финансов Российской Федерации
(РФ, 109097, Москва, ул. Ильинка, 9)
E-mail: o0101@minfin.gov.ru

Аннотация

Обеспечение финансового и технологического суверенитета становится важным направлением экономических преобразований в современных условиях регионализации, нарушения цепочек создания стоимости и нерыночных торгово-финансовых ограничений. Бюджетно-налоговую и финансовую политику, обеспечивающую макроэкономическую стабильность и бесперебойность работы хозяйственного механизма, можно считать ключевыми составляющими финансового суверенитета страны. В настоящей статье особое внимание уделяется анализу реформ, проводившихся в течение последних десяти лет в России и позволивших создать одну из наиболее эффективных бюджетных систем в мире, снизив ее зависимость от нефтяной конъюнктуры и усилив ее контрциклические свойства. Ключевыми решениями в данном направлении стали модернизация бюджетных правил и повышение эффективности налоговой системы, в том числе налогового администрирования. Важность преобразований подтверждается успешным преодолением последствий пандемии коронавируса и беспрецедентного санкционного давления, а также обеспечением быстрой структурной перестройки российской экономики. Основными подходами к реализации бюджетной политики в кризисный период стали соразмерность бюджетной поддержки масштабам шоков, их адресный характер, сохранение приверженности стратегическим задачам и стимулирование структурных преобразований. С учетом наблюдаемых в настоящее время новых вызовов в работе описана среднесрочная модель развития российской экономики, важное место в которой отводится созданию необходимых условий для технологического развития, в том числе объясняется роль инструментов бюджетно-налоговой и финансовой политики, направленных на формирование долгосрочных источников финансирования, налоговых стимулов, точечных мер поддержки на различных стадиях технологического цикла. Подчеркивается важность дальнейших усилий по развитию независимой финансовой и платежной инфраструктуры, направленных на содействие свободной внешнеэкономической деятельности.

Ключевые слова: бюджетная политика, финансовый суверенитет, технологический суверенитет, бюджетное правило.

JEL: E62, O23.

Budgetary Policy

The Role of Fiscal Policy in Ensuring the Financial and Technological Sovereignty of the Country

Anton G. Siluanov

ORCID: 0000-0001-6821-7888

Dr. Sci. (Econ.), Dean of the Faculty of Finance, Financial University

Under the Government of the Russian Federation;^a

Minister of Finance of the Russian Federation,^b

e-mail: o0101@minfin.gov.ru

^a 49, Leningradskiy pr., Moscow, 125993, Russian Federation

^b 9, Il'inka ul., Moscow, 109097, Russian Federation

Abstract

Financial and technological sovereignty is becoming an important driver of the economic transformation in response to current trends toward regionalization, disruption of value chains, and non-market trade and financial restrictions. Fiscal and financial policies that promote macroeconomic stability and unencumbered operation of economic mechanisms can be considered key components of a country's financial sovereignty. This article concentrates on analysis of the reforms carried out in Russia over the previous ten years. These reforms have facilitated creation of one of the world's most effective state budget systems, reduction of dependence on oil price volatility, and enhancement of countercyclicality. Revising budget rules and increasing the efficiency of the fiscal system, including tax administration, were the key decisions that enabled these changes. The importance of the reforms has been confirmed by their success in counteracting the consequences of the COVID-19 pandemic and the pressure from unprecedented sanctions while also ensuring rapid changes in the structure of Russia's economy. During the crisis period, the principal ways of implementing budget policy adhered to four main principles: maintaining due proportionality of budget support to the scale of shocks, targeting support, holding fast to strategic objectives, and encouraging structural transformations. This article addresses the new challenges ahead by outlining a medium-term development model for the Russian economy. This model envisions establishment of the conditions essential for technological advancement. It also highlights the role of fiscal and financial policy instruments in creating long-term financing sources, offering tax incentives, and providing targeted support measures throughout various stages of the technological cycle. The importance of continuing efforts to develop an independent financial and payment infrastructure aimed at facilitating free foreign economic activity is also emphasized.

Keywords: fiscal policy, financial sovereignty, technological sovereignty, budget rule.

JEL: E62, O23.

Введение

Сегодня мы стали свидетелями радикальных изменений как в российской экономике, так и в мировой финансово-экономической системе в целом. Происходят масштабные сдвиги в направлениях торговых потоков, мировая финансовая и платежная системы преобразуются под воздействием новых цифровых технологий, неизбежны преобразования в энергетике и на транспорте, а также во многих других сферах экономики. Одновременно с этим после периода бурной глобализации усилилась регионализация и локализация, в особенности это касается критически важных товаров и технологий, продовольствия и энергоносителей. В целом возросло внимание правительств к необходимости повышения самостоятельности и независимости в принятии экономических решений.

Российская экономика находится в эпицентре глобальной трансформации, что заставляет внимательно проанализировать возникающие трудности и открывающиеся возможности и найти ответы на актуальные вызовы. Бюджетно-налоговая и финансовая политика занимают важное место в процессе указанных изменений, создавая необходимые условия и стимулы для устойчивого социально-экономического развития. В настоящее время представляется важным также определить и роль, которую российская бюджетная политика играет в обеспечении финансового и технологического суверенитета страны в рамках современной экономической модели.

Бюджетная система Российской Федерации совсем недавно прошла серьезный стресс-тест по преодолению пандемии коронавируса, что потребовало значительных усилий, направленных на укрепление системы здравоохранения и поддержку экономики. При этом сохранялась устойчивость государственных финансов, увеличение государственного долга было незначительным по сравнению с другими крупными экономиками. В последние два года возросла значимость бюджета в обеспечении национальной обороны в сочетании с сохранением макроэкономической стабильности и созданием благоприятных условий для развития экономики и общества.

Представляется важным проанализировать шаги, которые были предприняты для совершенствования российской бюджетной политики в течение последних лет, а также выявить ключевые результаты, которых удалось достичь. В первую очередь будут рассмотрены итоги бюджетных реформ, проведенных в ответ на санкционные и структурные шоки 2014–2015 годов, которые позволили сформировать действенную систему принципов и ин-

струментов макроэкономической стабилизации. Затем в статье проводится анализ функционирования бюджетной политики в сложных экономических условиях, начавшихся с пандемии 2020 года, а также формулируются подходы, позволившие бюджетной политике сыграть активную антикризисную роль в этот период. В третьей части статьи объясняется, как отдельные среднесрочные задачи, стоящие перед Правительством России, влияют на экономическую динамику. В частности, отдельно рассматривается комплекс реализуемых и планируемых Министерством финансов мер в рамках двух направлений: финансовой независимости и технологического суверенитета.

1. Итоги реформ по повышению бюджетной устойчивости в 2015–2019 годах

На протяжении всей современной истории России экономика страны развивалась в условиях регулярных внешних шоков, что требовало адекватных ответов со стороны бюджетной системы. Еще в 2004 году были введены бюджетные правила, регулирующие использование нефтегазовых доходов, и создан Стабилизационный фонд. Эта конструкция была призвана накапливать бюджетные резервы в «тучные годы», с тем чтобы использовать их в период неблагоприятной конъюнктуры. Параметры бюджетных правил, а также количество и состав нефтегазовых фондов в дальнейшем корректировались с учетом изменения экономических условий, а в отдельные моменты их действие временно приостанавливалось. Тем не менее в целом заложенная двадцать лет назад идеология остается краеугольным камнем российской бюджетной политики. Уже через несколько лет после своего создания, в период мирового кризиса 2008–2009 годов, она убедительно продемонстрировала свою эффективность [Кудрин, 2011].

Вслед за циклическими колебаниями последовали глобальные структурные сдвиги. Десять лет назад, в 2014 году, российская экономика столкнулась с несколькими внешними шоками [Гурвич, Прилепский, 2016]. На фоне «сланцевой революции» произошел быстрый рост предложения нефти на мировом рынке, что привело к падению цен на нефть, создав долговременные риски для доходной части российского бюджета. Помимо этого, впервые в отношении России были введены санкции, направленные главным образом на финансовый сектор. В ответ на эти вызовы в течение короткого периода был реализован комплекс бюджетно-налоговых реформ, которые позволили не только преодолеть трудности того времени, но и поддержать структурные преобразования в экономике, а также заложить фундамент эф-

фективной и стрессоустойчивой бюджетной системы, которую мы имеем сегодня.

Первым этапом начавшихся преобразований стал пятилетний период с 2015 по 2019 год, в течение которого удалось реализовать антикризисный пакет мер, провести бюджетную консолидацию, полностью адаптироваться к изменившимся условиям и обеспечить финансирование стратегически важных национальных целей развития. Отметим, что в 2014 году цена на российскую нефть марки *Urals*, балансирующая федеральный бюджет, была немногим ниже 100 долл./барр. Это означает, что объем принятых обязательств предполагал сохранение благоприятной конъюнктуры на товарных рынках, которую можно было наблюдать в предшествующий период. Но ситуация сложилась совершенно по-другому: цена нефти на мировом рынке упала более чем в два раза — со 105 долл./барр. в январе 2014 года до 46 долл./барр. в январе 2015-го. Однако реализация ответственной бюджетной политики позволила к 2019 году снизить балансирующую цену на нефть до 42 долл./барр. (ее последующее повышение связано с антикризисными мероприятиями, речь о которых пойдет ниже) (рис. 1).

Источники: Минфин России, Росстат.

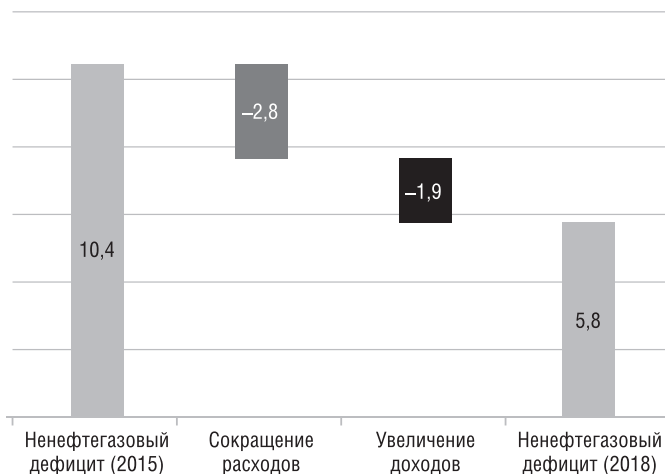
Рис. 1. Расходы консолидированного бюджета (правая шкала, % ВВП) и цена нефти, балансирующая бюджет (левая шкала, долл./барр.)

Fig. 1. Consolidated Budget Expenditures (right axis, % GDP) and Budget Oil Breakeven Price (left axis, USD/bbl)

На 2015–2016 годы пришелся период активной адаптации к новым условиям формирования бюджета, в первую очередь к ценам

на углеводороды. Для поддержки экономической активности бюджетная политика носила стимулирующий характер (дефицит консолидированного бюджета в 2015 и 2016 годах находился на уровне 3,4 и 3,7% ВВП соответственно против 1,1% ВВП в 2014 году). Обеспечить такую мягкую бюджетную политику в период падения доходов позволили накопленные в Резервном фонде средства. Одновременно с этим предпринимались усилия по сохранению финансовой стабильности, для чего, например, была проведена рекапитализация банковской системы с использованием облигаций федерального займа.

Следующим важным шагом стала реализация начатой в 2017 году программы бюджетной консолидации, структура которой была выбрана так, чтобы обеспечить долгосрочную устойчивость экономического роста. В ходе консолидации большая роль отводилась мерам по повышению эффективности расходов, что стало ключевым драйвером сокращения нефтегазового дефицита бюджета. Кроме того, за счет улучшения налогового администрирования удалось добиться роста доходов бюджета, не прибегая к пересмотру базовых налогов (рис. 2).

Источники: Минфин России, Росстат.

Рис. 2. Факторы изменения нефтегазового дефицита в ходе бюджетной консолидации (% ВВП)

Fig. 2. Factors in Changing the Non-oil and Gas Deficit During Fiscal Consolidation (% GDP)

Правительством предпринимался комплекс мер, касавшихся как управления бюджетными доходами, так и повышения результативности бюджетных расходов. Следует выделить два основных принципа, которых придерживалось Министерство финансов при

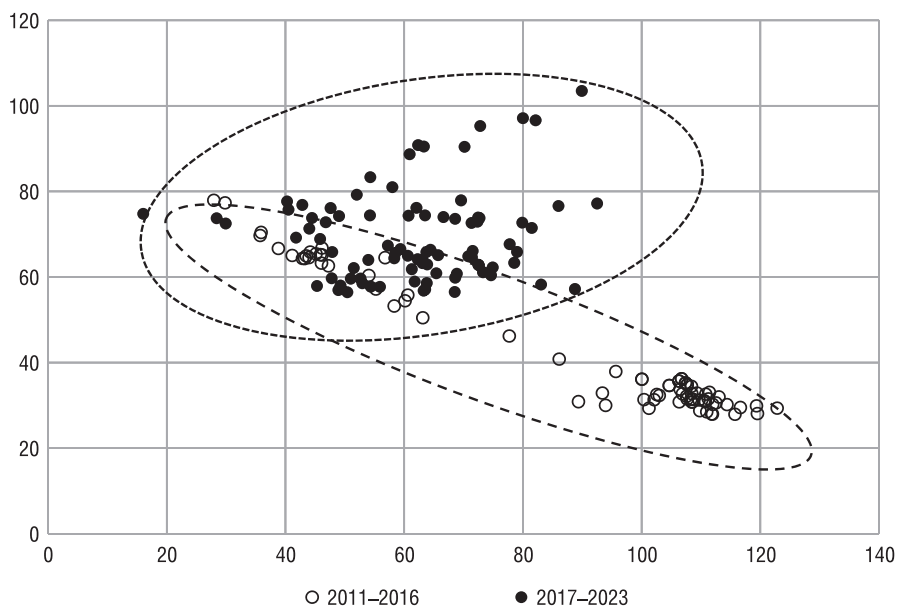
разработке бюджетной политики в связи с произошедшими структурными сдвигами, в первую очередь долговременным падением цен на нефть. Во-первых, как и ранее, не полагаться на конъюнктурные «сверхдоходы». Для институционализации этого принципа была разработана новая конструкция бюджетных правил, которая влечет за собой не только бюджетные, но и гораздо более широкие макроэкономические эффекты. Во-вторых, не повышать налоговую нагрузку на добросовестных налогоплательщиков (принцип фискальной нейтральности), пока существует потенциал для «обеления» экономики и повышения отдачи от государственных активов.

Новая конструкция бюджетных правил

В 2017 году были приняты переходные положения новой версии бюджетного правила, которые начали действовать с 2018 года. Согласно правилу расходы федерального бюджета не должны были превышать сумму ненефтегазовых доходов бюджета, базовых нефтегазовых доходов и процентных платежей по государственному долгу. Под базовыми нефтегазовыми доходами понималась та их часть, которая соответствовала цене на нефть в размере 40 долл./барр. в 2017 году с последующей индексацией на 2% ежегодно. То есть новое правило предписывало планировать бюджетные расходы исходя из достаточно консервативной оценки нефтяной цены, а не ее текущей конъюнктуры.

В том случае, если фактическая цена на нефть превышает базовую, образовавшиеся дополнительные нефтегазовые доходы используются для покупки иностранной валюты и направляются в Фонд национального благосостояния (ФНБ). Если же конъюнктура неблагоприятна, то валютные активы ФНБ могут быть проданы, а средства направлены в бюджет для поддержки расходов на уровне, запланированном при базовой цене на нефть.

Принятое новое бюджетное правило оказало значительное влияние на укрепление макроэкономической стабильности по нескольким каналам. В первую очередь оно улучшило контрциклические свойства бюджетной политики: уровень расходов бюджета должен оставаться стабильным и предсказуемым, несмотря на колебания цен на нефть. Помимо этого, за счет механизма покупки и продажи валютных активов в случае отклонения фактической цены от базовой заметно снизилось влияние нефтяных цен на курс рубля (рис. 3). Наконец, за счет выбора консервативной отсечки для базовой цены на нефть стала ослабевать зависимость бюджетной системы от нефтегазовых доходов.

Источники: Банк России, Argus.

Рис. 3. Динамика среднемесячных цен на нефть *Urals* (ось абсцисс, долл./барр.) и курса доллара (ось ординат, руб./долл.)

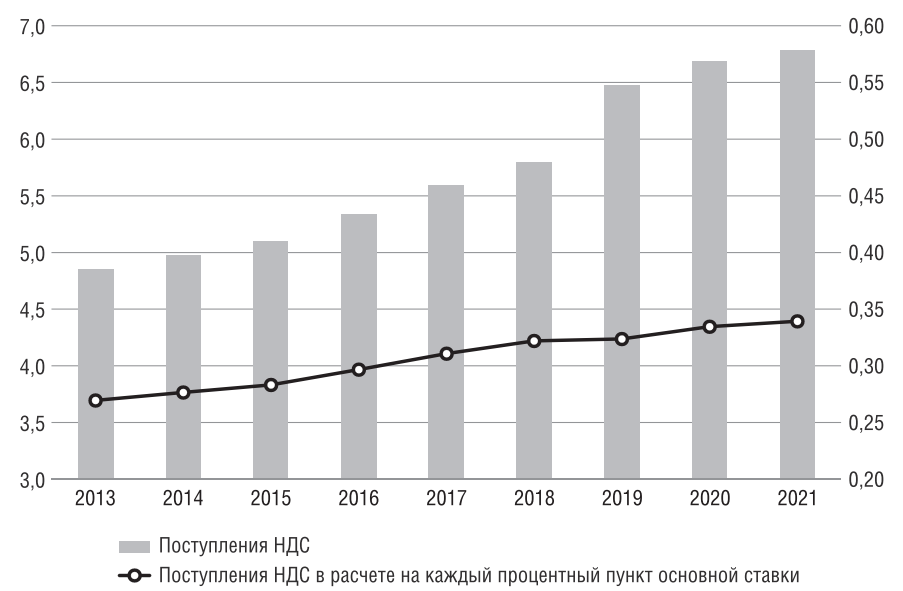
Fig. 3. Dynamics of Average Monthly *Urals* Oil Prices (x-axis, USD/bbl) and the Dollar Exchange Rate (y-axis, RUB/USD)

Эффективность налоговой политики

Второй важной задачей бюджетной консолидации стало увеличение ненефтегазовых доходов бюджета без повышения налоговой нагрузки на добросовестных налогоплательщиков. Для этого необходимо было улучшить качество налогового администрирования и вывести из тени потенциальных налогоплательщиков [Мишустин, 2016].

Одним из ключевых технологических решений стало внедрение системы АСК-НДС-2, которое позволило заметно повысить собираемость налога на добавленную стоимость (рис. 4). Были также введены системы прослеживаемости, в частности ЕГАИС, которая ограничила возможность реализации нелегально произведенного алкоголя в розничных магазинах. Наконец, были разработаны выгодные и удобные в применении налоговые режимы для индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан, такие как патентная система (внедрена еще в 2013 году) и налог на профессиональный доход (действует с 2019 года).

Таким образом, с одной стороны, выросло удобство налоговых сервисов, с другой — усилен контроль за налогоплательщиками с использованием информационных технологий. Основной же

Источники: Минфин России, Росстат.

Рис. 4. Динамика поступлений налога на добавленную стоимость (левая шкала, % ВВП) и поступлений НДС в расчете на каждый процентный пункт основной ставки (правая шкала, % ВВП)

Fig. 4. Dynamics of Value-Added Tax Receipts (left axis, % GDP) and Value-Added Tax Receipts per Percentage Point of Standard Tax Rate (right axis, % GDP)

смысл проводимых реформ заключался в обеспечении справедливого распределения налогового бремени между участниками экономической деятельности.

Помимо рассмотренных выше преобразований велась работа и по многим другим направлениям бюджетно-налоговой политики. В результате осуществленных реформ в 2019 году профицит консолидированного бюджета составил почти 2% ВВП, ненефтегазовый дефицит бюджета достиг самого низкого с 2007 года значения — 5,3% ВВП, государственный долг в конце года составил 12,5% ВВП (табл. 1). Таким образом, были не только преодолены

Т а б л и ц а 1

Параметры экономики и бюджета в 2015 и 2019 годах

T a b l e 1

Economic and Budget Parameters in 2015 and 2019

Показатель	2015	2019
Цена на нефть марки <i>Urals</i> (долл./барр.)	50,6	63,3
Дефицит (-) / профицит (+) консолидированного бюджета (% ВВП)	-3,4	1,9
Ненефтегазовый баланс (% ВВП)	-10,4	-5,3
Государственный долг (% ВВП)	12,5	12,5

Источники: Росстат, Минфин России.

вызовы структурной трансформации, осуществлена эффективная бюджетная консолидация, но и значительно расширено фискальное пространство, модернизированы механизмы финансирования стратегически важных задач развития страны.

2. Стресс-тест 2020–2023 годов

Кризисная ситуация, возникшая в период пандемии COVID-19, отличалась от предыдущих природой возникших шоков, в число которых вошли вынужденные ограничения на работу предприятий большинства отраслей, сокращение агрегированного внешнего и внутреннего спроса, необходимость резкого увеличения расходов на здравоохранение и падение цен на нефть (в марте — апреле 2020 года они снизились до 15 долл./барр. — самый низкий уровень с 1999 года, а с поправкой на уровень инфляции таких цен не было никогда в истории современной России). Большинство стран выделило на противодействие кризису рекордные бюджетные средства, намного превосходящие объем антикризисных пакетов во времена международного финансового кризиса 2008–2009 годов [Силуанов, 2021].

За 2020 год и первые четыре месяца 2021 года самый большой пакет прямой бюджетной поддержки¹ (25,5% ВВП–2020²), по оценкам МВФ, реализовали США [IMF, 2021]. Италия выделила самую большую сумму (35,3% ВВП–2020) на косвенную поддержку³, в Великобритании были значительными размеры обоих видов поддержки. В группе входящих в «Большую двадцатку» (G20) крупных стран с формирующимися рынками оба компонента антикризисной поддержки были существенно меньшими (табл. 2). Пакет прямой бюджетной поддержки в России соответствовал среднему показателю этой группы стран.

Государства, принявшие масштабные антикризисные программы, естественно, заплатили за это резким ростом государственно-го долга. Так, в США его размеры за 2020–2021 годы увеличились почти на 18 п.п. ВВП, превысив в результате уровень в 126% ВВП. Примерно на столько же процентных пунктов ВВП вырос уровень госдолга в целом по развитым странам. В России рост этого показателя был наименьшим среди стран «Большой двадцатки», за исключением Аргентины. Неожиданный вывод, который можно сделать, сравнивая масштабы бюджетной поддержки с потерями ВВП, состоит в том, что усилия правительств ряда стран далеко не всегда

¹ Эта категория включает компенсацию выпадающих бюджетных доходов и дополнительные расходы по сравнению с заложенными в бюджет показателями.

² ВВП–2020 обозначает объем ВВП в 2020 году.

³ Включает поддержку путем предоставления кредитов, проведения квазифискальных операций (таких как субсидирование кредитов) и предоставления кредитных гарантий.

давали ощутимый эффект. В правом столбце табл. 2 приведено отклонение фактического объема ВВП в 2020–2021 годах от объема, ожидавшегося перед началом пандемии⁴. Приведенные расчетные данные показывают, например, что в Великобритании и Италии, несмотря на исключительные по масштабам вливания бюджетных средств в экономику, потери ВВП намного превышали средние по сопоставимым странам. То же самое относится к Индии.

Причина такой ситуации видится в том, что уникальный характер шоков в период пандемии затруднял использование стандартных приемов антикризисной политики. В результате простая логика «чем больше поддержка экономики, тем лучше окажется ее состояние» в данном случае не сработала, и эффект антикризисной политики определялся не столько объемом бюджетной поддержки, сколько правильным выбором ее формы и направлений. В России при относительно умеренном масштабе антикризисного пакета потери ВВП оказались в числе наименьших среди стран «Большой двадцатки».

Т а б л и ц а 2

Размеры бюджетной поддержки и экономические последствия шоков в 2020–2021 годах

T a b l e 2

Amount of Budget Support and the Economic Consequences of Shocks, 2020–2021

Показатели	Объем антикризисной поддержки в период пандемии		Суммарный долг правительств всех уровней		Потери объема производства в 2020–2021
	прямая	косвенная	на конец 2021	изменение за 2020–2021	
	% ВВП–2020		% ВВП	п.п. ВВП	
Развитые страны, входящие в G20					
Великобритания	19,3	16,7	105,2	20,7	–10,2
Италия	10,9	35,3	149,9	15,7	–6,5
США	25,5	2,4	126,4	17,7	–2,7
Среднее по группе стран	15,3	15,7	118,4	14,8	–4,3
Формирующиеся рынки, входящие в G20 (без России)					
Бразилия	9,2	6,2	90,1	3,0	–4,1
Индия	4,1	6,2	83,8	8,7	–9,9
Саудовская Аравия	2,6	1,0	28,8	7,3	–5,3
Среднее по группе стран	5,0	3,7	71,6	9,8	–5,4
Россия	5,0	1,5	16,5	2,7	–2,8

Примечание. Для сопоставимости показателей для России величина бюджетной поддержки и государственного долга приводятся согласно оценкам МВФ.

Источник: расчеты по данным МВФ.

⁴ По данным прогнозов, содержащихся в регулярных докладах МВФ «Перспективы развития мировой экономики». <https://www.imf.org/en/publications/weo>.

В 2022 году против России были приняты беспрецедентные экономические санкции со стороны недружественных стран, включая ограничения на экспорт российских товаров и поставки в РФ многих видов продукции [Тимофеев, 2022]. Были введены ограничения на банковские трансакции, заблокированы резервные активы Банка России, номинированные в валютах западных стран, и т. д. Кроме того, ряд зарубежных компаний закрыл или вывел из России свои производства. Возникла необходимость выстраивать новые производственные и технологические цепочки в крайне сжатые сроки, что потребовало комплекса мер поддержки со стороны государства. Начался процесс структурной адаптации российской экономики.

Оценивая реализацию бюджетной политики в условиях двух последовавших друг за другом шоков, можно выделить подходы, которые сыграли важную роль в прохождении крайне турбулентного периода.

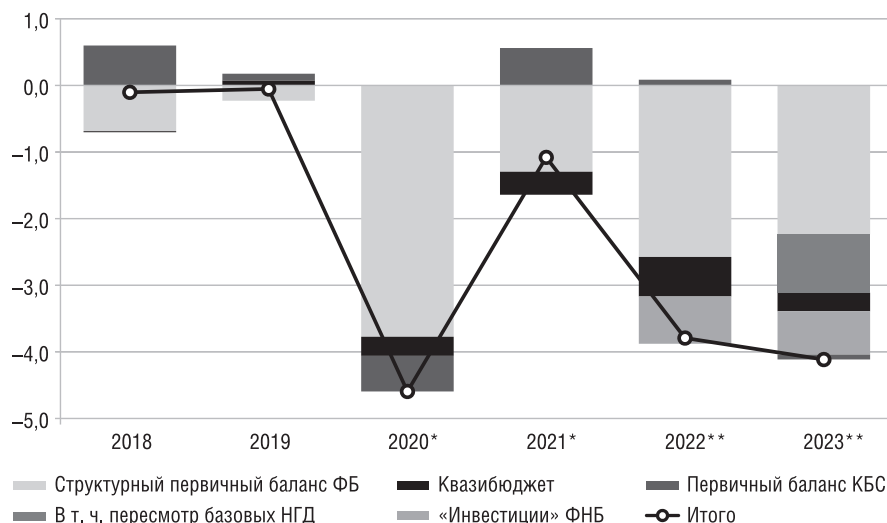
Соразмерность поддержки масштабу шока

Произошедшие в 2020 и 2022 годах экономические шоки были беспрецедентными по своим масштабам. Для того чтобы оказать соразмерное антикризисное воздействие и не допустить перехода экономики в кризисную спираль, требовался значительный бюджетный импульс. В 2020 году он составил 4,5% ВВП, а в 2022–2023 годах суммарно оценивается примерно в 8% ВВП (рис. 5).

Для финансирования структурного бюджетного дефицита⁵, образовавшегося в период борьбы с пандемией коронавируса, привлекались долговые и единовременные источники (например, перечисление в бюджет прибыли Банка России от продажи акций ПАО «Сбербанк»). Механизм бюджетного правила, в свою очередь, компенсировал выпадающие нефтегазовые доходы бюджета при ценах на нефть ниже базовой. В 2022 году на фоне внешнего санкционного давления и структурной перестройки экономики России функционирование бюджетного правила было приостановлено. Наряду с благоприятной нефтяной конъюнктурой это позволило поддержать население и экономику, благодаря чему экономика России показала себя в 2022 году значительно лучше, чем предсказывали западные аналитики.

Однако уже в 2023 году бюджетное правило снова начало функционировать, хотя и в несколько модифицированном виде. В условиях низкой предсказуемости не только цен, но и объемов добычи и экспорта углеводородов вместо базовой цены на нефть был

⁵ Под структурным бюджетным дефицитом в данном случае понимается дефицит бюджета при уровне доходов, соответствующем базовой цене на нефть в рамках бюджетного правила.

Примечания: 1. * — с корректировкой на «эмиссионные» доходы федерального бюджета (прибыль ЦБ от продажи пакета Сбербанка); ** — с корректировкой на «перенос» расходов с 2022 на 2023 год в размере ~1,5 трлн руб. 2. КБС — консолидированный бюджет субъектов Российской Федерации, НГД — нефтегазовые доходы.

Источник: оценки Минфина России.

Рис. 5. Размер бюджетного импульса в 2018–2023 годах (% ВВП)

Fig. 5. Amount of the Budget Stimulus, 2018–2023 (% GDP)

установлен фиксированный размер базовых нефтегазовых доходов. На основе рассчитанного Министерством финансов умеренно консервативного сценария развития нефтяного рынка он составил 8 трлн руб.⁶ Начиная с 2024 года бюджетное правило снова вернулось к использованию базовой цены на нефть, составившей 60 долл./барр. (именно этот уровень был принят в 2023 году для определения фиксированного в рублях объема базовых нефтегазовых доходов, что, по сути, позволило сохранить неизменным значение структурной нефтяной цены).

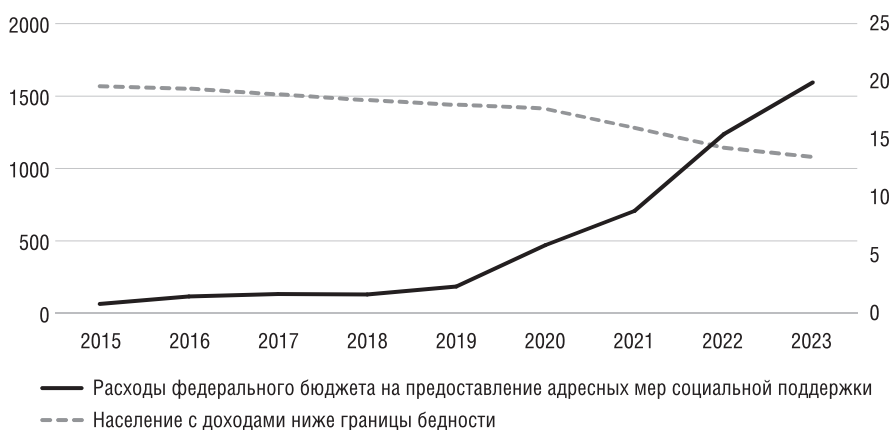
Адресный характер поддержки

Под термином «адресная поддержка» подразумевается, что ее получают в первую очередь наиболее нуждающиеся [Андреева и др., 2021]. Этот принцип уже стал доминирующим при назначении мер социальной поддержки. В кризисные периоды аналогичным образом должны отбираться и наиболее уязвимые сектора экономики, а приоритеты в определении структуры бюджетных

⁶ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов. Минфин России, 2022.

расходов должны устанавливаться с учетом характера вызовов. В 2020 году помимо мер социальной и экономической поддержки дополнительное финансирование необходимо было направить в сектор здравоохранения; в 2022 году выросла роль расходов на оборону и поддержку стратегических отраслей промышленности.

В период пандемии были повышены пособия по безработице, предусмотрены единовременные выплаты на детей, дополнительные пособия нуждающимся семьям с детьми, предоставлены кредитные каникулы и осуществлены другие меры. Аналогично в 2022–2023 годах акцент был сделан на поддержке доходов уязвимых категорий граждан, государство стремилось минимизировать риски, связанные с потерей работы, поддерживать доходы семей с детьми и пенсионеров. В результате с 2019 по 2022 год увеличивались расходы на адресные меры поддержки населения. Одновременно с этим произошло постепенное снижение на 25% числа людей с денежными доходами ниже границы бедности — с 18 млн человек в 2019 году до 13,5 млн человек в 2023 году (рис. 6).

Источники: Росстат, данные об исполнении федерального бюджета.

Рис. 6. Адресные меры социальной поддержки (левая шкала, млрд руб.) и численность населения с доходами ниже границы бедности (правая шкала, млн чел.)

Fig. 6. Targeted Social Support Measures (left axis, RUB bln) and the Number of People With Income Below the Poverty Line (right axis, mln)

В корпоративном секторе блок антикризисных мер включал в себя снижение налогов (в 2020 году — для малых и средних предприятий, в 2022 году — для технологических компаний, гостиничного сектора), меры по поддержанию ликвидности компаний (отсрочки по налогам и взносам, кредитам, арендным платежам), отраслевые субсидии. В 2020 году предоставлялись также прямые выплаты в виде грантов, а в условиях перестройки трансграничных торговых цепочек обнулялись отдельные ввозные пошлины.

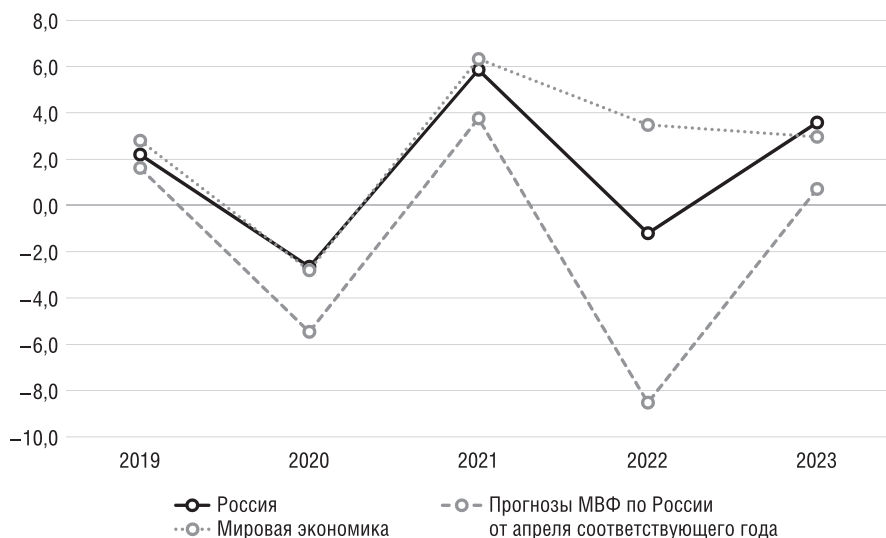
Благодаря адресному подходу удалось наиболее эффективным образом распорядиться доступными государству средствами на помощь экономике через различные каналы, которые прежде всего позволили поддержать спрос, сохранить занятость населения и работоспособность предприятий.

Сохранение приверженности стратегическим задачам и стимулирование структурных преобразований

Одновременно с дополнительными антикризисными мерами бюджетная политика в России была направлена на финансирование среднесрочных приоритетов, заключающихся в достижении национальных целей развития, что способствовало повышению потенциала экономики и качества жизни граждан.

Для придания дополнительного стимула развитию экономики производилось сокращение налоговой нагрузки по страховым взносам на малые и средние предприятия, технологические компании. Вместе с тем корректировка налоговой политики проводилась в направлении более справедливого распределения природной ренты (например, в части отдельных твердых полезных ископаемых, газового сектора) и повышения эффективности льгот в нефтедобыче.

Одним из самых заметных позитивных результатов экономической политики (и бюджетной политики как одной из ее ключевых

Источники: Росстат, МВФ.

Рис. 7. Реальные темпы роста российской и мировой экономики (% г/г)

Fig. 7. Real Growth Rates of Russian and Global Economies (% y/y)

составляющих) стало быстрое восстановление деловой активности и нормализация хозяйственных процессов. Отметим, что темпы роста российской экономики в течение последних пяти лет заметно опережали прогнозы, в том числе международных финансовых организаций. На момент подготовки настоящей статьи рост российского ВВП в 2023 году оценивался в 3,6%, что превышает темпы роста мировой экономики (рис. 7).

3. Бюджетная политика финансового и технологического суверенитета

В среднесрочной перспективе бюджетная политика России, скорее всего, будет по-прежнему формироваться в достаточно жестких условиях и при сохранении значительной степени неопределенности. В этой ситуации крайне важно сохранить концентрацию финансовых ресурсов на ключевых приоритетах и проводить политику, направленную на поддержание долгосрочной устойчивости экономической системы. Безусловными приоритетами бюджетной политики в 2024 году стали дальнейшее укрепление обороноспособности страны, выполнение обязательств государства перед военнослужащими и их семьями, интеграция новых регионов. Планируется завершить интеграцию новых субъектов Российской Федерации в систему межбюджетных отношений, также будут реализовываться программы их социально-экономического развития. Бюджетная политика при этом обеспечивала выполнение всех принятых на себя обязательств и сохранила социальную направленность. В частности, расходы «детского бюджета» в 2024 году составят 3 трлн руб., минимальный размер оплаты труда (МРОТ) вырос на 18,5%, превысив 19 тыс. руб.

Одновременно с решением первоочередных задач необходим системный взгляд на формирование модели экономики, способной сохранять устойчивость и конкурентоспособность в период глобальной трансформации, резкой перестройки торгово-финансовой системы, а также структурных вызовов, с которыми сталкивается наша страна. Для достижения этой цели необходимо применение комплексного подхода, позволяющего за счет усилий государства и общества стимулировать все ключевые факторы развития.

Современный экономический рост, с одной стороны, определяется основными производственными факторами, а с другой — его устойчивая долгосрочная траектория во многом зависит от повышения производительности труда и способности экономики создавать и внедрять новые технологические решения. Опираясь на это понимание, можно выделить основные направления поддержки такой модели развития:

- 1) улучшение демографической ситуации одновременно с развитием человеческого капитала;
- 2) повышение инвестиционной активности;
- 3) инновационное развитие, направленное на обеспечение технологического суверенитета и ускоренное внедрение результатов НИОКР;
- 4) улучшение внешнеторговой позиции (расширение несырьевого экспорта при сокращении зависимости от критического импорта);
- 5) реализация инфраструктурных проектов, которые повышают отдачу от всех указанных выше направлений развития.

В Послании Президента России Федеральному Собранию в феврале 2024 года сформулированы задачи, решение которых позволит перейти к описываемой модели развития, а также набор ключевых инструментов и мер поддержки⁷ (рис. 8).

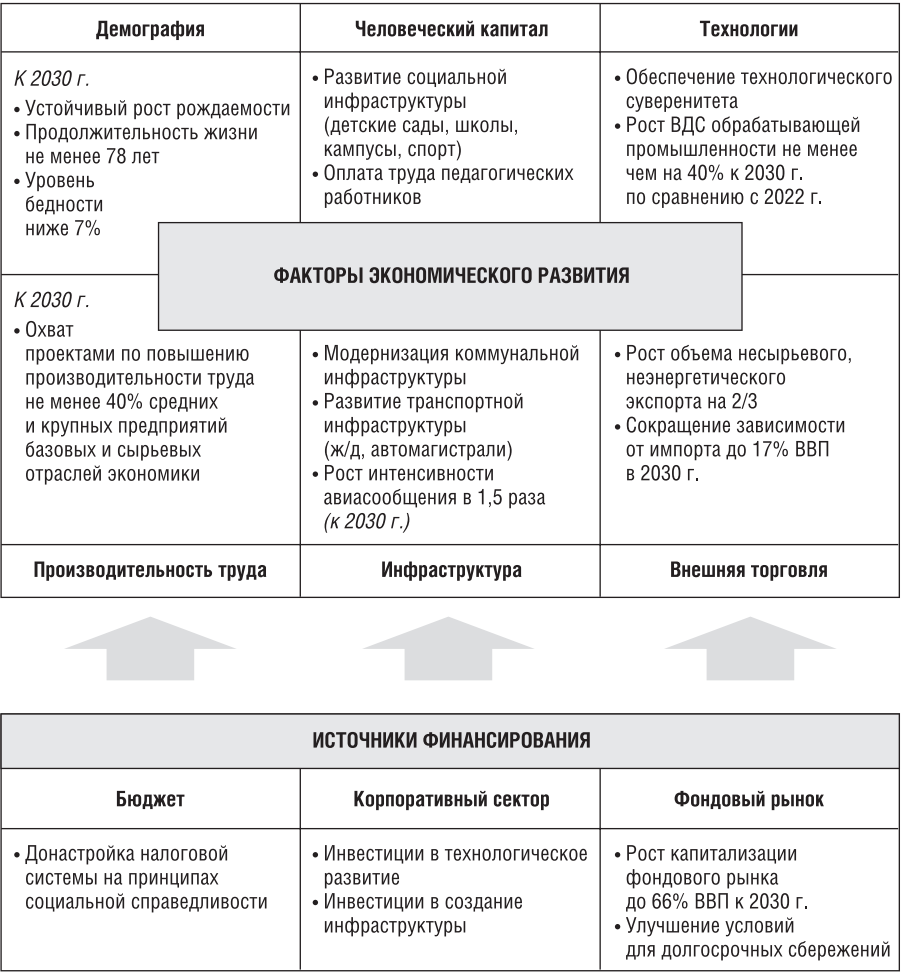
По многим из обозначенных направлений планомерная работа уже ведется в рамках достижения национальных целей развития, намеченных в 2018 году. В то же время резко возросла значимость не просто инновационного развития, а достижения технологического суверенитета, под которым, согласно новой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации (Стратегия НТР), понимается «способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовывать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически важных сферах деятельности государства и общества»⁸.

Стоит отметить, что внимание к обеспечению технологического суверенитета становится мировым трендом, вызванным усилением регионализации, торговыми войнами (в частности, экспортными ограничениями США в отношении Китая в части технологической продукции [Данилин, 2022]), нарушениями цепочек создания стоимости в период пандемии и, наконец, усилением геополитической напряженности и масштабным использованием экономических санкций.

К ключевым направлениям, важным для достижения технологического суверенитета, относятся, во-первых, инновационное развитие в наиболее чувствительных областях, таких как здравоохранение и продовольственная безопасность, во-вторых,

⁷ Послание Президента России Федеральному Собранию. 2024. <http://kremlin.ru/events/president/news/73585>.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Источник: составлено с учетом Послания Президента России Федеральному Собранию в 2024 году.

Рис. 8. Среднесрочная модель экономического развития

Fig. 8. Medium-Term Model of Economic Development

технологии, во многом определяющие производительность экономики в целом (средства производства, робототехника, транспорт, беспилотные системы, экономика данных, новые материалы и химическая продукция), и, наконец, глобально конкурентные продукты, в том числе в области космических, атомных и новых энергетических технологий⁹. Еще более широкий перечень сформулирован в упомянутой выше Стратегии НТР.

⁹ Послание Президента России Федеральному Собранию. 2024. <http://kremlin.ru/events/president/news/73585>.

Для Правительства России технологическое развитие — важнейший приоритет, рассматриваемый как комплексная задача, состоящая не только из вовлечения дополнительных ресурсов непосредственно в исследовательскую деятельность (к 2030 году вложения государства и бизнеса в нее должны составить не менее 2% ВВП), но и существенных улучшений во всех аспектах, начиная от подготовки инженерных и научных кадров до производства и реализации современной продукции (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Меры стимулирования различных стадий технологического цикла

T a b l e 3

Measures to Stimulate Various Stages of the Technological Cycle

Направление	Меры
Кадровый потенциал	Строительство университетских кампусов Повышение оплаты труда преподавателей фундаментальных дисциплин Капитальный ремонт общежитий вузов и университетов
Наука	Увеличение в два раза вложений в исследования и разработки Продление программы «Приоритет–2030» Реализация национальной стратегии по развитию искусственного интеллекта Расширение доступа к высокоскоростному интернету (за счет наращивания количества спутников)
Внедрение разработок в производство	Субсидии компаниям для проведения НИОКР Промышленная ипотека Создание новых промышленных технопарков (не менее 100 до 2030 года) Докапитализация Фонда развития промышленности
Спрос на технологическую продукцию	Повышенный коэффициент амортизации (200%) для затрат на российское оборудование и НИОКР Снижение зависимости от критического импорта (общий объем импорта не более 17% ВВП к 2030 году) Рост на 2/3 несырьевого, неэнергетического экспорта

Источник: составлено с учетом задач, сформулированных в Послании Президента России Федеральному Собранию.

Таким образом, конкретные меры, в рамках которых дополнительные ресурсы государства будут направлены на индустриальное и инновационное развитие российской экономики, уже определены. Для решения поставленных стратегических задач будут применяться хорошо зарекомендовавшие себя инструменты бюджетно-налоговой политики. В частности, будут запущены новые национальные проекты «Кадры» и «Экономика данных», ряд ранее принятых мер государственной поддержки будет продлен как минимум до 2030 года. Будут также развиваться инструменты среднесрочного бюджетного планирования, в том числе шестилетний перспективный финансовый план.

При этом для обеспечения устойчивой экономической трансформации решения в области фискальной и финансовой политики должны быть в первую очередь нацелены на формирование условий, необходимых для создания благоприятной созидательной среды, позволяющей решать задачи технологического развития.

С точки зрения финансовой политики приоритетом является обеспечение финансовыми ресурсами проектов, направленных на внедрение инновационных решений в производственную деятельность, а также на создание средств производства, отвечающих требованиям современного уровня технологического развития. Для этого помимо рассмотренных выше бюджетных мер необходимы активное привлечение частного капитала и эффективно функционирующий финансовый сектор. Задача государства в данном случае заключается в создании стимулов для дополнительного привлечения долгосрочных ресурсов в российскую финансовую систему («длинные деньги»). Повышение вовлеченности населения в инвестиционные процессы и растущая восприимчивость розничных инвесторов к новым инструментам указывают на значительный потенциал расширения долгосрочных сбережений граждан. Государство, в свою очередь, может способствовать увеличению доходности и снижению рисков долгосрочного инвестирования.

Так, с 1 января 2024 года начала действовать программа долгосрочных сбережений (ПДС). В рамках этой программы гражданам предлагается дополнительный инструмент сбережения в НПФ, причем на внесенные денежные средства можно будет получить единый налоговый вычет, а сами взносы застрахованы и софинансируются государством на адресной основе. Страховая сумма по добровольным накоплениям в НПФ достигнет 2,8 млн руб. Помимо этого, начал функционировать индивидуальный инвестиционный счет третьего типа (ИИС-3), который позволяет инвесторам более гибко использовать возможности получения налогового вычета. Новыми банковскими инструментами для обеспечения долгосрочных сбережений станут вложения в сберегательные сертификаты на срок от трех лет, по которым банки смогут предложить более выгодные процентные ставки, страховая сумма по ним будет также составлять 2,8 млн руб.

Ожидается, что указанные решения позволят добиться комплексного эффекта: формирования дополнительных ресурсов в финансовой системе, снижения процентных ставок в рамках проектного финансирования, а также создания дополнительных источников доходов граждан.

Другим важным условием повышения конкурентоспособности российской экономики, столкнувшейся с беспрецедентным санкционным давлением, в первую очередь должна стать беспре-

ребойность функционирования собственной финансовой сферы. Достижение финансового суверенитета предполагает технологическую и инфраструктурную независимость внутрироссийской финансовой системы. Этого во многом уже удалось достичь за счет создания собственной платежной системы «Мир», национальных расчетного депозитария и клирингового центра, российских рейтинговых агентств и других решений.

Также Российская Федерация будет содействовать развитию независимой мировой валютно-финансовой системы, которая позволит деполитизировать торговое и инвестиционное сотрудничество между заинтересованными сторонами. Во внешнеторговой деятельности по мере переориентации на взаимодействие России со странами БРИКС (их доля в торговом балансе России выросла с 20% в 2022 году до примерно 40% в начале 2024-го) быстро расширяется использование национальных валют. Доля юаня в российской торговле к началу 2024 года достигала 40%, российского рубля — более 30%, в то время как за два года до этого на евро и доллар приходилось более 90% всех расчетов [Обзор рисков финансовых рынков..., 2024]. Наряду с дальнейшим повышением использования национальных валют важной задачей становится создание технологичной системы международных расчетов (в качестве возможных решений следует рассмотреть многосторонний валютный клиринг или создание инфраструктур для расчетов «оптовыми» цифровыми валютами центральных банков) [Пономаренко, 2023].

Важным элементом комплекса стратегических задач экономического развития стала донастройка налоговой системы на принципах повышения справедливости, сбалансированности и роста инвестиционной активности. Увеличение прогрессивности НДФЛ затронет лишь малую долю наиболее обеспеченных граждан, в то время как для семей с детьми предоставлены дополнительные налоговые вычеты. При этом самая высокая ставка подоходного налога (22%) установлена на конкурентном по сравнению с мировым опытом уровне, что позволит снизить риски уклонения от его уплаты.

Часть изменений Налогового кодекса затронет корпоративный сектор. С одной стороны, повышена ставка налога на прибыль до 25% и увеличено рентное налогообложение тех отраслей, в которых уровень налоговой нагрузки и производимые капиталовложения в соотношении с рентабельностью деятельности заметно ниже, чем, например, в нефтяном секторе. С другой стороны, будет отменена курсовая экспортная пошлина, внедрен специальный федеральный инвестиционный налоговый вычет, а также увеличены коэффициенты амортизации для российского оборудования и разработок, что простимулирует фирмы увеличивать уровень инвестиций.

Российская налоговая система донастраивается таким образом, чтобы максимально соответствовать приоритетным средне- и долгосрочным задачам. Повышение рентных налогов в совокупности с инвестиционными стимулами увеличит конкурентоспособность промышленных секторов, рост которых подстегнет технологическое развитие экономики в целом. Аккумулированные в результате налоговых изменений денежные средства будут перераспределены в пользу наиболее нуждающихся категорий граждан, а также на поддержку тех стратегических отраслей, модернизация которых будет способствовать укреплению экономического суверенитета страны.

Заключение

Последовательные реформы бюджетно-налоговой системы, активизировавшиеся на фоне вызовов в 2014–2015 годах, направленные на преодоление внешних ограничений и зависимости от конъюнктуры на мировых рынках углеводородов, способствовали усилению стабилизирующих свойств проводимой макроэкономической политики, составляющей, по нашему мнению, основу финансового суверенитета страны. Позитивные структурные изменения в доходной части бюджета, следование бюджетному правилу, гибкость и оперативность принимаемых бюджетных решений позволили сохранить устойчивость государственных финансов в кризисных ситуациях, а также реализовать масштабные программы поддержки экономики и социальной сферы во время пандемии и в период глубоких преобразований последних лет.

Для повышения инновационного и производственного потенциала требуется как непосредственное привлечение ресурсов государства для развития инфраструктуры, финансирования фундаментальных исследований и образования, повышение капитализации институтов развития, так и создание необходимых условий, в том числе налоговых и финансовых, для вовлечения частного сектора в решения стратегических задач развития.

Обеспечение финансового и технологического суверенитета страны требует системности и комплексного понимания процессов инновационных изменений в экономике, инструментов контроля результативности проводимой политики, удовлетворения реальных потребностей общества и бизнеса. Результатом нового этапа изменений должно стать повышение конкурентоспособности России в ключевых технологических сферах и формирование инновационной модели экономического роста, основанной на внедрении инновационных решений и соответствующем повышении производительности.

Литература

1. Андреева Е. И., Бычков Д. Г., Феоктистова О. А. COVID-19 и антикризисная социальная поддержка // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 1. С. 28–38. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-28-38.
2. Гурвич Е., Прилепский И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 5–35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35.
3. Данилин И. В. От технологических санкций к технологическим войнам: влияние американо-китайского конфликта на санкционную политику и рынки высоких технологий // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 3. № 55. С. 212–217. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-13.
4. Кудрин А. Л. Пути модернизации российской экономики // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2011. № 4. С. 4–13.
5. Мишустин М. В. Эффективное налоговое администрирование: современный этап // Бюджет. 2016. № 11. С. 12.
6. Пономаренко А. А. Об основных механизмах международных расчетов в национальных валютах // Деньги и кредит. 2023. Т. 82. № 3. С. 35–47.
7. Силуанов А. Г. Повышение потенциала российской экономики в условиях глобальных посткризисных изменений // Финансы. 2021. № 6. С. 3–12.
8. Тимофеев И. Н. Политика санкций против России: новый этап // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 3. № 55. С. 198–206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11.
9. Обзор рисков финансовых рынков: информационно-аналитический материал. Февраль 2024. Банк России. № 2(83). 2024.
10. Strengthening the Credibility of Public Finances. International Monetary Fund Fiscal Monitor. October. 2021.

References

1. Andreeva E. I., Bychkov D. G., Feoktistova O. A. COVID-19 i antikrizisnaya sotsial'naya podderzhka [COVID-19 and Anti-crisis Social Support]. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 28-38. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-28-38. (In Russ.)
2. Gurvich E., Prilepskiy I. Vliyanie finansovykh sanktsiy na rossiyskuyu ekonomiku [The Impact of Financial Sanctions on the Russian Economy]. *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 5-35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35. (In Russ.)
3. Danilin I. V. Ot tekhnologicheskikh sanktsiy k tekhnologicheskim voynam: vliyanie amerikano-kitayskogo konflikta na sanktsionnuyu politiku i rynki vysokikh tekhnologiy [From Technological Sanctions to Tech Wars: The Impact of the US-China Conflict on Sanctioning Policies and the High-Tech Markets]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*, 2022, vol. 3, no. 55, pp. 212-217. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-13. (In Russ.)
4. Kudrin A. L. Puti modernizatsii rossiyskoy ekonomiki [Ways to Modernize the Russian Economy]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika [ETAP: Economic Theory, Analysis, Practice]*, 2011, no. 4, pp. 4-13. (In Russ.)
5. Mishustin M. V. Effektivnoe nalogovoe administrirovanie: sovremennyy etap [Effective Tax Administration: The Contemporary Phase]. *Byudzhel [Budget]*, 2016, no. 11, p. 12. (In Russ.)
6. Ponomarenko A. A. Ob osnovnykh mekhanizмах mezhdunarodnykh raschetov v natsional'nykh valyutakh [Currencies in International Settlements: Main Mechanisms]. *Dengi i kredit [Russian Journal of Money and Finance]*, 2023, vol. 82, no. 3, pp. 35-47. (In Russ.)
7. Siluanov A. G. Povyshenie potentsiala rossiyskoy ekonomiki v usloviyakh global'nykh postkrizisnykh izmeneniy [Increasing the Potential of the Russian Economy in the Context of Global Post-Crisis Changes]. *Finansy [Finance]*, 2021, no. 6, pp. 3-12. (In Russ.)

8. Timofeev I. N. Politika sanktsiy protiv Rossii: novyy etap [Policy of Sanctions Against Russia: A New Phase]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2022, vol. 3, no. 55, pp. 198-206. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-11. (In Russ.)
9. Obzor riskov finansovykh rynkov: informatsionno-analiticheskiy material [Overview of Financial Market Risks: Informational and Analytical Materials]. February 2024. *Bank of Russia*, no. 2(83), 2024. (In Russ.)
10. Strengthening the Credibility of Public Finances. *International Monetary Fund Fiscal Monitor*, October 2021.

Мировая экономика

Торговая война США и Китая и ее последствия для мировой экономики

Александр Юрьевич Кнобель

ORCID: 0000-0002-1712-9471

Кандидат экономических наук, руководитель международной лаборатории исследований внешней торговли, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: knobel@ranepa.ru

Владимир Викторович Седалищев

ORCID: 0000-0002-3197-4639

Кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник международной лаборатории исследований внешней торговли, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: Sedalischew-VV@ranepa.ru

Ольга Владимировна Пономарева

ORCID: 0000-0001-9031-086X

Старший научный сотрудник, Институт международной экономики и финансов, Всероссийская академия внешней торговли (РФ, 119285, Москва, Воробьевское шоссе, 6А)
E-mail: o.ponomareva@vavt.ru

Аннотация

Торговая война, инициированная США в отношении ряда торговых партнеров в 2017–2019 годах, стала важнейшим импульсом для развития процессов трансформации мировой экономики, которые мы наблюдаем в настоящее время. Ключевое противостояние развернулось между США и Китаем, возведение высоких тарифных барьеров на широкую номенклатуру товаров во взаимной торговле привело к ее сокращению. Обострившиеся тогда вопросы технологического взаимодействия между двумя странами сейчас стали ключевым треком продолжающегося конфликта. В статье рассматриваются торговые барьеры со стороны США, их содержание и уровень охвата торговых операций ограничениями, а также ответные действия других стран в ходе торговой войны, приводится обзор отдельных эмпирических исследований, посвященных последствиям этих мер для мировой экономики и отдельных стран. Авторы используют модель общего равновесия для моделирования эффектов торговой войны как на макроэкономическом, так и на отраслевом уровнях. Ключевыми целевыми рынками в анализе являются экономики США и Китая как наиболее вовлеченные в торговую войну. Результаты моделирования показали, что введение тарифных ограничений на взаимную торговлю связано с негативными эффектами для ВВП США и Китая, на отраслевом уровне в подавляющем большинстве показатели также отрицательные. Положительные эффекты по отдельным отраслям промышленности могут быть обусловлены более низкой степенью зависимости от облагаемого повышенными пошлинами импорта/экспорта или возможностью быстрой переориентации на альтернативных поставщиков/потребителей. Частичная переориентация торговли привела к позитивным эффектам для других стран — торговых партнеров США и Китая. В долгосрочном периоде наиболее значимым фактором взаимодействия США и Китая видится не действие повышенных тарифов, а последовательная политика двух стран по технологическому размежеванию, выводу наиболее чувствительных технологий из сферы внешне-экономической кооперации.

Ключевые слова: международная торговля, торговая политика, тарифы, дефицит торгового баланса, торговое соглашение.

JEL: C68, F17, F14.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Global Economy

Impact of Trade Wars on the Global Economy and on the Macroeconomic and Sectoral Indicators of the USA and China

Alexander Yu. Knobel

ORCID: 0000-0002-1712-9471

Cand. Sci. (Econ.), Head of the International
Laboratory of Foreign Trade Research,
Institute of Applied Economic Research,
RANEPA,^a e-mail: knobel@ranepa.ru

Vladimir V. Sedalishchev

ORCID: 0000-0002-3197-4639

Cand. Sci. (Phys., Math.), Lead Researcher,
International Laboratory of Foreign
Trade Research, Institute of Applied
Economic Research, RANEPA,^a
e-mail: Sedalishchev-VV@ranepa.ru

Olga V. Ponomareva

ORCID: 0000-0001-9031-086X

Senior Research Fellow, Institute
for International Economics and Finance,
Russian Foreign Trade Academy,^b
e-mail: o.ponomareva@vavt.ru

^a82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571,
Russian Federation

^b6A, Vorob'evskoe shosse, Moscow,
119285, Russian Federation

Abstract

The trade war initiated by the United States against some of its trading partners from 2017 to 2019 has become a crucial factor in the current transformation of the global economy. The main confrontation unfolded between the US and China, as the imposition of high tariff barriers on a wide range of goods in bilateral trade led to the contraction of trade flows. Technological rivalry between the two countries also fed the trade war that has now become a central aspect of the ongoing US-China economic conflict. The article examines the content and scope of the US trade war restrictions and the retaliation against them by other countries; and it provides an overview of specific empirical studies that trace out the consequences of these measures for the global economy and individual countries. The authors use a general equilibrium model to simulate the effects of the trade war at both the macroeconomic and sectoral levels. The primary markets analyzed are those of the US and China because their economies are the most deeply involved in the conflict. The modeling indicates that the tariff restrictions on bilateral trade have adverse effects on the GDP of both the US and China, and the majority of sectoral-level indicators are also negative. The positive effects on certain industrial sectors are due to less dependency on imports or exports subject to increased duties or to options for quickly redirecting trade flows to alternative suppliers and customers. The resulting partial reorientation of trade has had positive effects on other countries that are trading partners with the US and China. In the long term, the unwavering policy of technological decoupling between the US and Chinese economies is the most significant factor in the future course of their interactions. Both countries are trying to exclude the most sensitive technologies from economic cooperation and tend to impose non-tariff measures such as export controls more frequently than tariffs.

Keywords: international trade, trade policy, tariffs, trade balance deficit, trade agreement.

JEL: C68, F17, F14.

Acknowledgements

This article has been prepared as part of RANEPA's state-commissioned research program.

Введение

На фоне глобальной турбулентности последних лет, вызванной пандемией коронавируса, последовавшими за ней кризисом и новыми шоками для мировой экономической системы, связанными с СВО России на Украине и ответными ограничительными мерами со стороны отдельных стран, сюжеты торговой войны между США и Китаем в 2017–2019 годах в определенной степени поблекли. Торговое противостояние между двумя крупнейшими экономиками мира на время ушло на второй план в информационном пространстве, однако развивалось на протяжении последующих лет, приобрело новые черты и переросло в открытое промышленно-технологическое соперничество. Тарифы торговой войны, несмотря на заключение соглашения между США и Китаем, продолжают действовать. Актуальным остается вопрос о последствиях торговых ограничений — и не только макроэкономических, но и отраслевых.

1. Ключевые направления торговых войн 2017–2019 годов

Введению ограничений в отношении Китая со стороны США предшествовали внешнеторговые расследования в соответствии с законодательством США (Закон о расширении торговли 1962 года, секция 232, и Закон о торговле 1974 года, секция 301) и в целом оформление приоритетов американской торговой политики во время президентства Дональда Трампа. К последним были отнесены: укрепление суверенитета США, правоприменение законов США о торговле, расширение экспорта товаров и услуг, защита прав интеллектуальной собственности (далее — ИС). Были поставлены четкие цели инициирования торгового конфликта:

- защита интересов американских производителей на внутреннем рынке;
- перенос производственных мощностей на территорию США и увеличение рабочих мест внутри страны, решение проблемы перепроизводства в ряде секторов (в частности, в металлургической промышленности);
- сокращение дефицита торгового баланса с крупнейшими партнерами США (в первую очередь с Китаем);
- борьба с «несправедливыми» торговыми практиками и, соответственно, сдерживание экономического развития Китая (субсидии, манипулирование обменным курсом, нарушение прав ИС и пр.);

- реформирование ВТО: торговая война была призвана продемонстрировать невозможность оперативного разрешения проблем в рамках ВТО.

В итоге торговая война развернулась по нескольким направлениям. Соединенными Штатами были введены ограничения в виде либо повышения таможенных пошлин и установления тарифных квот, либо экспортного контроля. Ключевыми направлениями стали меры в отношении алюминия и стали и ответные действия на нарушение прав ИС и принудительный трансфер технологий американских компаний со стороны китайских партнеров. Меры США и торговых партнеров по двум указанным трекам торговой войны представлены в табл. 1.

Введение мер по треку защиты интеллектуальной собственности американских компаний было обусловлено результатами расследования в рамках Закона о торговле 1974 года, секция 301. Так, США обозначили, что в Китае регулирование иностранных инвестиций всегда было сопряжено с требованиями локализации и передачи технологий через создание совместных предприятий, где долгое время иностранный капитал не мог формировать доминирующую долю. После присоединения Китая к ВТО в 2001 году формулировки стали менее явными, но так или иначе были направлены на выстраивание промышленной политики на основе трансфера современных зарубежных технологий и контроля со стороны китайского партнера. В частности, 20% опрошенных в ходе расследования американских компаний заявили о принуждении к трансферу технологий (в 60% случаев запрос шел от государственных органов). 25% американских компаний — производителей микросхем заявили о требованиях со стороны Китая по формированию совместных предприятий и передаче технологий для получения доступа на рынок. Таким образом, США сделали вывод, что технологическое развитие китайских компаний было обусловлено несправедливыми нерыночными практиками со стороны китайских партнеров в лице как компаний, так и представителей власти с использованием административных рычагов. В качестве меры, корректирующей данную ситуацию, было принято решение ограничить доступ на американский рынок китайской продукции, а отечественные производители аналогичной продукции получили преимущество в результате такой политики.

Формирование перечня товаров, на которые повышались ставки импортного тарифа США, происходило с учетом критичности импорта из Китая. Основу первого списка 2018 года составили промежуточные товары, поставки которых представляют важность с точки зрения стабильности производственных процессов.

Меры США в ходе торговой войны и ответные шаги торговых партнеров США в 2018–2020 годах

US Trade War Restrictions and Retaliatory Responses of US Trading Partners From 2018 to 2020

Т а б л и ц а 1

Т а б л е 1

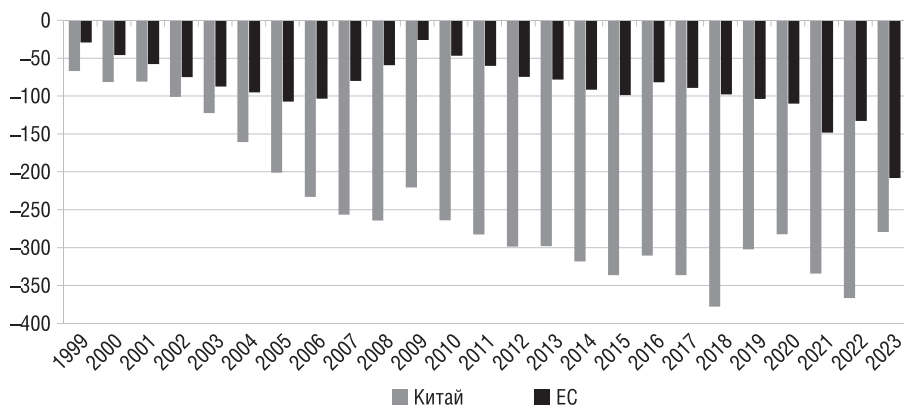
Сталь и алюминий	Интеллектуальная собственность
США - Повышение тарифов на сталь и алюминий в 2018 году (с учетом действующих страновых исключений: Австралия, Аргентина, Бразилия, Республика Корея) на 25 п.п. и 10 п.п. соответственно. С мая 2019 года отмена тарифов в отношении Мексики и Канады в связи с подписанием соглашения о создании новой зоны свободной торговли между США, Мексикой и Канадой (USMCA) и балансирующих мер. - Повышение США тарифов на изделия из стали (исключения: Австралия, Аргентина, Бразилия, Канада, Мексика, Республика Корея) и алюминия (исключения: Австралия, Аргентина, Канада, Мексика) в 2020 году. Итоговый охват: 41 млрд долл. в объемах торговли 2017 года до начала торговой войны (на 85% общего импорта стали и алюминия в 2017 году были повышены тарифы в 2018–2020 годах, около 2% совокупного импорта США).	Этап 1: обмен взаимным тарифными ограничениями летом 2018 года (ИС-1) - США повысили тарифы в отношении 34 млрд долл. импорта из Китая на 25%; - Китай ответил симметрично, повысив тариф на 25% в отношении 34 млрд долл. американского импорта; - США повысили тарифы на 25% в отношении 16 млрд долл. китайского импорта; - Китай ответил симметрично, повысив тариф на 25% в отношении 16 млрд долл. импорта из США. Этап 2: продолжение торговой войны, сентябрь 2018 года (ИС-2) - Повышение США тарифов на ~200 млрд долл. китайского импорта на 25%; - Китай повысил тарифы на ~60 млрд долл. американского экспорта в КНР (размер тарифов варьируется от 5 до 25%), имеет место повторное повышение ставок пошлин по ряду позиций ИС-1. Этап 3: дальнейшая эскалация после неудачи переговоров, сентябрь 2019 года (ИС-3) - США ввели дополнительные пошлины в размере 15% на 112 млрд долл. китайского импорта; - Китай ответил введением дополнительных пошлин и их повышением на 29 млрд долл. американского импорта. Итоговый охват: США: ~330 млрд долл., ~66% импорта из Китая; КНР: ~90 млрд долл., ~58% импорта из США.
Китай и другие страны - Повышение Китаем тарифов на 128 видов товаров из США (объем импорта в 2017 году — 3 млрд долл.), размер тарифов варьируется от 15 до 25%. - Повышение Мексикой тарифов на американские товары (объем импорта — 3,6 млрд долл. в 2017 году), размер тарифов — от 7 до 25%. - Повышение Турцией тарифов на товары из США (объем импорта — 1,8 млрд долл. в 2017 году), размер тарифов — от 4 до 140%. - Повышение тарифов ЕС на 3,2 млрд долл. американского импорта в 2017 году, размер дополнительных тарифов варьируется от 10 до 50%. ЕС ввел специальные защитные меры в отношении стали (тарифная квота — 25% на 23 продукта) на 200 дней. - Повышение Канадой тарифов на 12,8 млрд долл. американского импорта в 2017 году, размер дополнительных тарифов варьируется от 10 до 25%. - Повышение Россией тарифов на 80 видов товаров из США (импорт — 346 млн долл. в 2017 году). Итоговый охват: 25 млрд долл. импорта указанных стран из США в объемах торговли 2017 года (около 2% общего экспорта США).	

Источник: составлено авторами на основе данных из открытых информационных ресурсов.

В рамках взаимной торговли США и Китая по двум трекам торговой войны (металлы и интеллектуальная собственность) повышенные тарифы охватили около 66% американского импорта из Китая и около 58% американского экспорта в Китай. Средний уровень таможенного тарифа Китая в отношении США повысился на 13,5 п.п. (с 8,3% в 2017 году до 21,8% в 2019 году). Средний уровень таможенного тарифа США в отношении Китая вырос за этот же период на 17 п.п. (с 4 до 21%)¹.

2. Переориентация торговли США

Одним из ключевых аргументов для инициирования США торговых расследований был значительный дисбаланс во внешней торговле, при этом растущий дефицит торгового баланса сложился не только с Китаем, но и, например, с ЕС. Дефицит в торговле с Китаем после начала торговой войны заметно сократился, однако в 2021–2023 годах динамика была неоднозначная (рис. 1). При этом очевидным является рост дефицита в торговле с ЕС: в 2021–2023 годах его значения достигли максимальных отметок по сравнению с предшествующим двадцатилетием.

Источник: Bureau of Economic Analysis (BEA). <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services>.

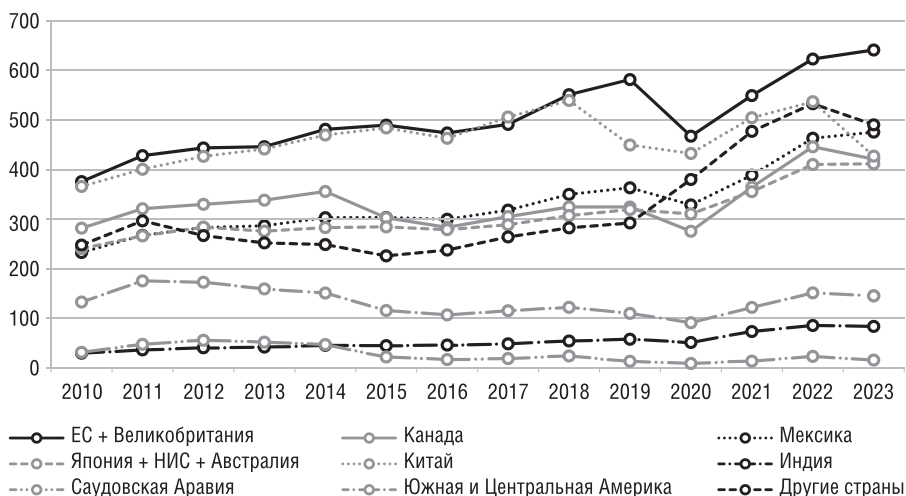
Рис. 1. Сальдо внешней торговли товарами США с Китаем и ЕС (млрд долл.)

Fig. 1. Balance of US Foreign Trade in Goods With China and the EU (USD bln)

Переориентация торговли, и в первую очередь импорта, происходила в процессе реализации новых стратегических приоритетов США в рамках внешнеэкономической деятельности. Значительным образом расширился импорт из Австралии, Великобрита-

¹ US-China Trade War Tariffs: An Up-to-Date Chart. <https://www.pii.com/research/piie-charts/2019/us-china-trade-war-tariffs-date-chart>.

нии, ЕС, Канады, Японии, а также из группы НИС — Гонконга, Кореи, Сингапура и Тайваня. Общие восстановительные процессы после пандемии привели к оживлению и в торговле с Китаем в 2021–2022 годах, однако уже в 2023 году динамика кардинально изменилась (рис. 2).

Источник: Bureau of Economic Analysis (BEA). <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services>.

Рис. 2. География и динамика товарного импорта США в 2010–2023 годах (млрд долл.)

Fig. 2. Change in US Merchandise Imports by Source From 2010 to 2023 (USD bln)

В 2024 году обострился вопрос тарифных ограничений, во многом такая ситуация может объясняться ходом президентской предвыборной кампании. В середине мая 2024 году были введены повышенные ставки тарифов на целый спектр импортируемых из Китая товаров. Тарифы были введены опять же в рамках секции 301 Закона о торговле 1974 года и затронули импортные поставки из Китая на сумму 18 млрд долл. Товарный охват предполагает включение наиболее высокотехнологичных позиций (полупроводников, электрических аккумуляторов, солнечных панелей, медицинского оборудования), а также металлов и критических минералов. Повышение ставок варьируется в широких пределах, максимальное значение достигает 75 п.п.² Политические мотивы в данном случае являются наиболее вероятным объяснением, особенно в свете того, что большинство существующих на

² Fact Sheet: President Biden Takes Action to Protect American Workers and Businesses From China's Unfair Trade Practices. <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/05/14/fact-sheet-president-biden-takes-action-to-protect-american-workers-and-businesses-from-chinas-unfair-trade-practices/#:~:text=The%20increase%20in%20the%20tariff,from%20unfairly%20priced%20Chinese%20imports.&text=The%20tariff%20rate%20on%20lithium,%25%20to%2025%25%20in%202026>.

сегодня исследований эффектов торговой войны, а также результаты расчетов, приведенные в настоящей статье, свидетельствуют о негативном воздействии подобных тарифных мер как на макроэкономические, так и на отраслевые показатели.

3. Обзор существующих исследований

Введение целого ряда ограничительных мер американской стороной и ответные действия со стороны торговых партнеров вызвали широкий интерес исследовательского сообщества и инициировали анализ сценариев и последствий торговых конфликтов, в первую очередь между США и Китаем. Более ранние работы были посвящены оценке различных сценариев развития торговой войны. Публикации последних лет посвящены уже известному положению дел между США и Китаем по итогам обмена тарифными ограничениями и приостановки этого процесса в связи с заключением сделки первой фазы — торгового соглашения по ряду вопросов внешнеэкономического взаимодействия, которую США и Китай подписали в 2020 году³.

В работе [Caceres et al., 2019] использована модель многосекторной торговли для анализа возможных сценариев развития внешнеторгового взаимодействия США с партнерами, в частности с Китаем. Рассматриваемые сценарии могут оказать существенное влияние не только на торговлю между США с Китаем, но и на экономику других стран, связанных с США. Авторы применяют современную модель вычислимого общего равновесия, представленную в статье [Caliendo et al., 2017].

Авторы [Caceres et al., 2019] моделируют сценарии изменения тарифных ограничений с использованием таблиц затраты — выпуск, охватывающих 165 стран и 17 секторов экономики, а также данных по тарифам. В статье количественно оцениваются последствия трех сценариев внешнеторгового взаимодействия США и Китая. Первый сценарий предполагает введение США тарифа в размере 25% на весь импорт транспортных средств и автозапчастей независимо от места их происхождения и симметричные ответные меры с учетом торгового баланса по статьям автомобильной продукции. В рамках второго сценария предполагается формирование торгового соглашения между США и Китаем и последующее уменьшение двустороннего дефицита вдвое за счет корректировки тарифных и нетарифных барьеров Китая по отношению к США и другим странам и сокращения экспорта электроники и других промышленных товаров из Китая в США.

³ United States-China Phase One Trade Agreement. <https://ustr.gov/phase-one>.

В соответствии с третьим сценарием напряженность между США и Китаем усиливается и обе страны вводят 25-процентный унифицированный тариф на все товары.

По результатам расчетов, представленных в исследовании [Saceres et al., 2019], ВВП США снижается во всех трех сценариях примерно на 0,2–0,3% после введения тарифов, ВВП Китая практически не меняется в рамках первого сценария, по третьему — сокращается на 0,5%, а по второму сценарию сокращение составляет от 0,1 до 0,4% в зависимости от реализации мер в отношении либо импортного тарифа, либо экспортных ограничений на поставки отдельных видов продукции в США (в случае увеличения закупок из США потери более значительные).

В секторальном разрезе последствия проанализированы для экономики США. Изменения в добавленной стоимости достаточно неоднородны и зависят от рассматриваемого сценария. Например, сельскохозяйственный сектор США заметно выигрывает от расширения экспорта в Китай в рамках торговой сделки. В то же время сценарии 1 и 3, предполагающие установление новых барьеров, связаны с потерями в большинстве секторов, в частности в сельском хозяйстве, добывающих отраслях, текстильной промышленности, химической промышленности, металлургии. Такая ситуация объясняется тем, что повышенные тарифы в США предполагают более сильное давление для американских фирм и потребителей, а новое равновесие связано с менее эффективными поставщиками и более высоким уровнем цен. Потери ВВП США в рамках второго сценария также объясняются изменениями на отраслевом уровне: одни отрасли выигрывают от расширения экспорта на китайский рынок, а другие, наоборот, страдают от нарушений в цепочках поставок различных товаров, на которые в соответствии со сценарием накладываются ограничения по поставкам из Китая в США.

В статье [Kawasaki, 2018] исследуется влияние торговых мер Китая и США на международную торговлю и экономику, при этом оценка проводится только в отношении введенных на момент подготовки публикации мер в отношении стали и алюминия. В этом исследовании экономическое влияние повышения тарифов оценивается с использованием базы данных Проекта анализа глобальной торговли (GTAP) десятой версии и статической версии модели GTAP.

В описываемой работе предполагается, что тарифы будут повышены на 25 п.п. на все металлы и металлопродукцию для всех стран, за некоторым исключением. По оценкам автора, при дополнительном 25-процентном импортном тарифе на все металлы и металлопродукцию из всех стран импорт этой продукции

в США сократится на 45,9%. Дефицит торгового баланса по металлам в США сократится на 59,4 млрд долл. за счет снижения импорта, а производство металла в стране увеличится на 9%. Но те секторы, которые используют металлы в качестве исходных и промежуточных материалов, вероятно, потеряют международную конкурентоспособность из-за растущих издержек производства. Так, например, экспорт автомобилей, электроники и другой техники из США, по оценкам, сократится на 3,4, 5,1 и 5,8% соответственно. Импорт по другим секторам США увеличится. Сокращение торгового дефицита США по всем отраслям оценивается в 1,3 млрд долл. Однако более высокие затраты на импорт отрицательно скажутся на реальных доходах и потреблении. Общий объем производства и реальный ВВП США сократятся на 0,2%. Таким образом, автор отмечает, что анализируемая мера защитит целевые секторы, но приведет к негативному влиянию на экономику страны на макроуровне. В случае Китая в результате повышения тарифов на металлы потери из-за сокращения экспорта составят 9,3 млрд долл., но общий негативный эффект для Китая по всем отраслям составит 1,0 млрд долл.

Еще одна работа, вышедшая в свет на пике развития торговых войн, — статья [Haruka, Shinichi, 2019], в которой также используется CGE-модель GTAP с одноименной базой данных девятой версии, охватывающей 140 регионов и 57 секторов. В работе были выделены США как инициатор торговой войны, Китай как ключевой оппонент, Канада, Мексика, Япония, а также другие страны, которые ввели прямые ответные тарифы против США. Факторы производства были объединены в «квалифицированный труд», «неквалифицированный труд», «земля», «капитал» и «природные ресурсы». Авторы сделали предположение, что капитальные товары имеют ограниченную мобильность. Было сформировано четыре возможных сценария развития торговой войны.

1. США вводят дополнительные тарифы для всех торговых партнеров: 25% на сталь и 10% — на алюминий. Другие страны предпринимают ответные меры путем введения тарифов.
2. США вводят дополнительные 25-процентные тарифы на товары на сумму 250 млрд долл., импортируемые из Китая. Китай вводит ответные тарифы в диапазоне от 5 до 25% в отношении импорта на сумму 110 млрд долл.
3. США вводят 25-процентные тарифы на импорт из Китая на сумму 267 млрд долл. Китай вводит ответные тарифы в размере 25% на импорт из США на сумму 20 млрд долл.

4. США вводят 25-процентные тарифы на автомобили и запчасти на сумму 360 млрд долл. Все другие страны предпринимают ответные меры, вводя аналогичное повышение тарифных ставок для импорта из США.

На момент проведения исследования сценарии 1 и 2 были уже реализованы. Сценарии 3 и 4 были объявлены США, но всё еще находились на стадии рассмотрения. В соответствии с результатами моделирования с учетом всех сценариев наиболее сильно пострадали США (ВВП сократился на 0,8%) и Китай (снижение ВВП на 0,7%). Далее следуют члены USMCA (Мексика и Канада) из-за негативного влияния на экономику США, с которой они тесно связаны. Однако в публикации [Haruka, Shinichi, 2019] отмечается, что значительный спад для США в основном обусловлен сценарием 4, который, как известно, не был имплементирован.

В сценариях 1 и 2 ВВП Китая и США сокращаются на 0,4 и 0,1% соответственно, что приводит к снижению мирового ВВП на 0,1%. Результаты моделирования сценария 3 показывают, что ВВП Китая сократится еще на 0,4%, ВВП США не изменится. Таким образом, авторы демонстрируют, что китайской экономике, вероятно, будет нанесен больший ущерб, чем экономике США.

Результаты исследования показывают, что экономические последствия масштабной торговой войны с реализацией всех четырех сценариев являются значительными для всего мира. Так, например, по оценкам [Haruka, Shinichi, 2019], мировой ВВП снизится на 0,2%.

Метаанализ исследований, посвященных оценке эффектов торговой войны на основе модели общего равновесия, проведенный в работе [Fajgelbaum, Khandelwal, 2021], свидетельствует о том, что негативные эффекты благосостояния не превышали 0,5% ВВП как для Китая, так и для США, при этом более значительные последствия наблюдались для Китая.

Недавние оценки, в основном также использующие модели общего равновесия, в целом не противоречат описанному выше. Среди них представляет интерес работа [Yang, 2023], в которой повышение тарифов на импорт из Китая рассматривается в рамках двух этапов, при этом первый раунд ограничений в основном направлен на промежуточные товары, а второй — в основном на потребительскую продукцию. Автор использует многострановую модель общего равновесия, которая базируется на двухэтапной модели Итона — Кортума, для количественной оценки эффектов этих двух раундов. Показано, что повышение тарифов на промежуточные товары из Китая ведет к негативным последствиям для американских предприятий, занимающихся переработкой и сбы-

том, меры приводят к сокращению объема производства, занятости и экспорта. Второй раунд оказал более сильное влияние на американских потребителей, поскольку привел к повышению цен на импортные потребительские товары. В работе также проведена оценка влияния торговой войны на благосостояние США, Китая и третьих стран (в частности, Вьетнама). Согласно результатам расчетов, с точки зрения совокупного реального дохода торговая война обходится Китаю в 35,2 млрд долл., или 0,29% ВВП, США — в 15,6 млрд долл., или 0,08% ВВП, а в случае Вьетнама формируется позитивный эффект на благосостояние в 402,8 млн долл., или 0,18% ВВП.

Наиболее очевидный недостаток обсуждавшихся выше работ состоит в том, что используемые в них CGE-модели калибровались на достаточно старых данных: большая часть использовала базу данных GTAP 10 с базовым 2014 годом, а за прошедшее с этого времени десятилетие структура мировой экономики претерпела значительные изменения. То же самое может быть сказано и про применяемые в экспериментах шоки тарифов: к моменту написания настоящей статьи ряд обсуждавшихся изменений тарифов утратил актуальность, так никогда при этом и не будучи имплементированным. Из менее заметных недостатков можно отметить отсутствие эндогенного обменного курса в CGE-моделях из рассматривавшихся ранее исследований, что до некоторой степени может искажать логику моделирования, если нас интересует, в частности, платежный баланс. Настоящая работа в этой связи является попыткой в некоторой степени преодолеть указанные проблемы.

4. Методология и входные данные

Для анализа макроэкономических и отраслевых эффектов торговой войны КНР и США мы использовали CGE-модель GLOBE v1 из работы [McDonald et al., 2007]. Подобные модели в настоящее время — стандартный инструмент для исследования последствий изменений тарифов в международной торговле⁴. Наш подход к моделированию был аналогичен подходу, описанному в статье [Кнобель, Седалищев, 2017], в части как подготовки данных для калибровки модели, так и выбора замыканий этой модели. Последние предполагали фиксированный запас труда в экономиках моделируемых регионов и возможность при необходимости ничем не ограниченной подстройки используемого количества капитала под текущие нужды. Это можно интерпретировать, —

⁴ Более подробно с более чем 60-летней историей моделей CGE можно познакомиться, например, в работе [Седалищев, 2023].

что и делалось в публикации [Кнобель, Седалищев, 2017], — как замыкание для оценки долгосрочных эффектов (период 4–6 лет) изменения тарифов.

У наиболее важной части входных данных GLOBE v1 — глобальной матрицы социальных счетов — базовый год был 2023-й. Отличия этой матрицы от используемой в [Кнобель, Седалищев, 2017] состояли в: (1) региональном и отраслевом разбиении; (2) использовании наиболее свежей базы данных GTAP (версия 11, базовый год 2017-й) в качестве донора структурных коэффициентов таблиц затраты — выпуск; (3) расчете средневзвешенных по стоимостным объемам торговли ставок тарифов для товаров модели в базовом 2023 году на основе национальных тарифных расписаний и статистики торговли товарами в соответствующей детализации; (4) применении процедуры устранения неизбежных незначительных расхождений в построенной базе данных взамен используемых по умолчанию в GLOBE v1, взятой из статьи [Седалищев, 2023].

Регионы в модели были следующими: пять стран ЕАЭС, Индия, Китай, США и остальной мир. Отраслевое/товарное разбиение отвечало номенклатуре GSC3, используемой в GTAP 11, за тем лишь исключением, что транспортные секторы wtp, atp и otp были агрегированы в единый транспортный сектор из-за невозможности в GLOBE v1 наличия двух и более секторов, создающих услуги, из которых складывается транспортная наценка, объясняющая разность CIF- и FOB-стоимостей импорта CGE-модели.

Источником данных по тарифам на импорт в 2023 году у стран ЕАЭС был ЕТТ ЕАЭС из системы «Консультант+». Данные по стоимостным объемам торговли стран ЕАЭС взяты с сайта Евразийской экономической комиссии. Тарифы Индии, Китая и США получены на уровне национальных тарифных линий с официальных сайтов национальных таможенных служб этих стран. Данные по торговле, нужные для нахождения средневзвешенных значений тарифов, в соответствующей национальной номенклатуре товаров извлечены из базы данных проекта TradeMap. Тарифы на импорт для региона «Остальной мир» взяты из соответствующей нашей модели агрегации регионов и отраслей базы данных GTAP 11. Значения основных макроэкономических показателей регионов модели и мира в целом (ВВП, совокупный экспорт/импорт, потребление и государственные расходы), как и в [Кнобель, Седалищев, 2017], почерпнуты из базы данных WITS Всемирного банка. При этом макроагрегаты для региона «Остальной мир» находились по остаточному принципу.

Построенная с перечисленными ранее модификациями входная база данных GLOBE v1 позволяет запускать CGE-модель в хо-

лостом режиме, воспроизводя базовое равновесие за ноль итераций, что является одной из стандартных проверок корректности глобальных матриц социальных счетов торговых CGE-моделей. Однако поскольку нас интересует оценка эффектов торговой войны КНР и США, то дополнительно необходимо было подготовить базу данных с изменениями тарифов на импорт, которые были имплементированы в CGE-модели при расчете нужных сценариев. Для подготовки этих данных мы опять использовали данные по торговле на уровне национальных тарифных линий, которые ранее привлекались для расчета в детализации товаров/отраслей модели, средневзвешенных по стоимостным объемам торговли значений тарифов. На этот раз были необходимы изменения средневзвешенного тарифа, для чего использовались перечни изменений тарифов на импорт у КНР и США в детализации на уровне национальных тарифных линий с официальных сайтов Главного таможенного управления КНР и администрации президента США соответственно.

5. Результаты моделирования эффектов торговой войны

Ход торговой войны между США, Китаем и другими торговыми партнерами США был разбит на четыре основных шага. На первом шаге (называемом далее «Металлы») моделировались повышение пошлин на сталь и алюминий со стороны США и ответные меры вовлеченных стран. Остальные шаги были названы ИС-1, ИС-2 и ИС-3, так как повышение пошлин на импорт со стороны США мотивировалось ответом на нарушения КНР прав на интеллектуальную собственность американских компаний.

В сценарии ИС-1 моделировалась одновременно следующая цепочка событий. США повысили тарифы в отношении 34 млрд долл. импорта из Китая на 25%, а Китай ответил симметрично, повысив тариф на 25% в отношении 34 млрд долл. американского импорта. Затем США повысили тарифы на 25% в отношении 16 млрд долл. китайского импорта, Китай ответил симметрично, повысив тариф на 25% в отношении 16 млрд долл. импорта из США. В сценарии ИС-2 рассматривалось повышение Соединенными Штатами тарифов на ~200 млрд долл. китайского импорта на 25% с последующим повышением тарифов Китаем на ~60 млрд долл. американского экспорта в КНР (размер тарифов варьировался от 5 до 25%). В сценарии ИС-3 моделировались изменения тарифов США и КНР за 2019–2023 годы.

Для идентификации затронутых торговой войной товарных групп использовались официальные документы, опубликованные Федеральным реестром США, а также Таможенной тарифной

комиссией Госсовета Китая. В текстах документов были представлены списки товарных групп с точностью до восьмого знака НТС и соответствующие им новые тарифы. Первоначальные значения тарифов были также взяты из официальных таможенных расписаний США и Китая.

В целях моделирования тарифы были агрегированы сначала с точностью до шестого знака. Агрегирование осуществлялось путем взвешивания с учетом объемов импорта. Данные об импорте были взяты с портала ИТС Trademap. Для перехода к классификатору ГТАР по тарифам использовалась таблица соответствия между шестизначными кодами и секторами ГТАР. Таблица соответствия является составной частью проекта ГТАР. При переходе тарифы были взвешены повторно по аналогичной процедуре.

В табл. 2 приведены результаты прогнозов модели эффектов торговой войны на ВВП. За счет перераспределения торговых потоков страны остального мира незначительно выигрывают от торгового противостояния Китая и США. По всем направлениям торговой войны для Китая зафиксированы более негативные последствия по сравнению с США. Сокращение ВВП Китая составляет 156 млрд долл., или 0,87%, США — 84 млрд долл., или 0,33%.

Т а б л и ц а 2

**Прогнозируемые эффекты на ВВП
от различных этапов торговой войны КНР и США (млрд долл.)**

T a b l e 2

**Projected Impact on GDP at Various Phases
of the US-China Trade War (USD bln)**

Регион	Металлы	ИС-1	ИС-2	ИС-3	Общее изменение
Китай	-1,8 (-0,01%)	-23,4 (-0,13%)	-44,9 (-0,25%)	-86,2 (-0,48%)	-156,3 (-0,87%)
США	-48,3 (-0,19%)	-5,1 (-0,02%)	-10,2 (-0,04%)	-20,4 (-0,08%)	-84,0 (-0,33%)
Остальной мир	+30,9 (+0,03%)	+8,0 (+0,01%)	+23,9 (+0,02%)	+15,6 (+0,02%)	+78,4 (+0,08%)
Весь мир	-20,2 (-0,02%)	-20,2 (-0,02%)	-30,3 (-0,03%)	-90,8 (-0,09%)	-161,4 (-0,16%)

Источник: расчеты авторов.

Прогнозируемые эффекты на торговлю Китая и США приведены в табл. 3. Меры США, которые были направлены на корректировку торгового баланса страны, привели к сокращению дефицита торгового баланса. Результаты расчетов демонстрируют, что это произошло за счет более существенного снижения импорта по сравнению с экспортом, по которому эффекты также негатив-

ные. В случае Китая ситуация обратная: экспорт сократился на величину, вдвое превышающую снижение по импорту.

Т а б л и ц а 3

**Прогнозируемые эффекты на торговлю Китая и США
от различных этапов торговой войны (млрд долл.)**

T a b l e 3

Projected Impact on US and Chinese Trade at Various Phases of the Trade War (USD bln)

Показатель	Металлы	ИС-1	ИС-2	ИС-3	Общее изменение
<i>Китай</i>					
Экспорт	-1,1 (-0,03%)	-14,9 (-0,40%)	-47,2 (-1,27%)	-159,3 (-4,29%)	-222,5 (-5,99%)
Импорт	-0,6 (-0,02%)	-19,8 (-0,63%)	-18,8 (-0,60%)	-56,8 (-1,81%)	-96,0 (-3,06%)
Изменение торгового баланса	-0,5	+4,9	-28,3	-102,6	-126,5
<i>США</i>					
Экспорт	-24,9 (-0,83%)	-11,4 (-0,38%)	-12,0 (-0,40%)	-51,5 (-1,72%)	-99,7 (-3,33%)
Импорт	-38,1 (-0,96%)	-12,3 (-0,31%)	-37,7 (-0,95%)	-101,5 (-2,56%)	-189,6 (-4,78%)
Изменение торгового баланса	+13,2	+0,9	+25,7	+50,0	+89,8

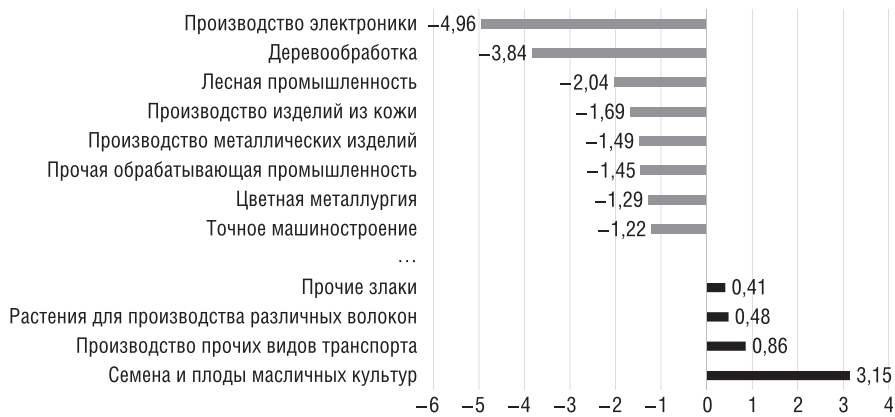
Источник: расчеты авторов.

В целом расчеты показывают, что в результате принятых решений торговые потоки будут перераспределяться с направления США — КНР на направление США — остальной мир и внутри остального мира, однако в целом объем торговли снизится. Общее влияние на мировую экономику прогнозируется слабо негативное, хотя прочие страны, за исключением США и Китая, в совокупности незначительно выигрывают от их торговой войны.

Прогнозируемые моделью изменения выпуска по отраслям экономики США и Китая отрицательные по подавляющему большинству секторов для обеих стран⁵. Так, негативная динамика наблюдается по 48 из 58 рассматриваемых отраслей Китая и по 50 — в случае США (рис. 3 и 4).

Положительные эффекты для отраслей США наблюдаются по производству электроники (+1,79%), металлических изделий (+0,33%) и прочей обрабатывающей промышленности, однако многие отрасли ощутили негативное влияние, среди них транспортное машиностроение, цветная металлургия, химическая промышленность.

⁵ Полный перечень отраслей США и Китая, которые вошли в анализ, с рассчитанными эффектами представлен в Приложении.

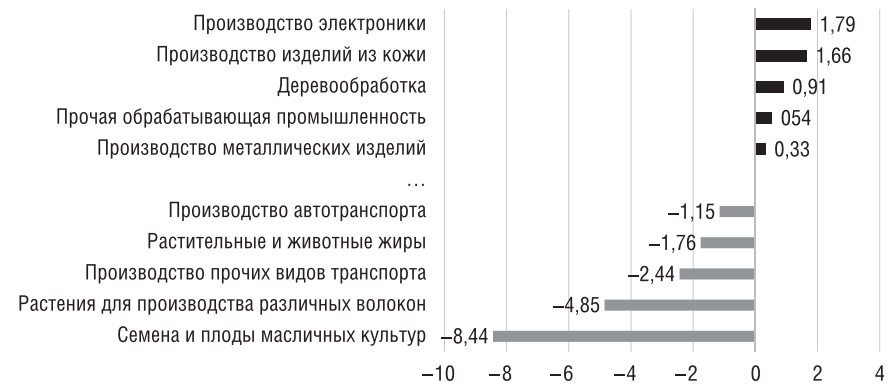

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3. Наиболее пострадавшие и выигравшие от торговой войны отрасли экономики США (изменения выпуска, % относительно 2023 года)

Fig. 3. Sectors of the US Economy Most Disadvantaged and Most Benefited by the Trade War (% change in output for 2023)

Негативные эффекты от торговой войны наблюдается по таким отраслям Китая, как черная (−0,86%) и цветная (−1,29%) металлургия, точное машиностроение (−1,22%) и производство электроники (−4,96%), отрасли лесоперерабатывающего комплекса (от −2 до −4%), производство металлических изделий (−1,49%), к выигрывающим — производство семян и плодов масличных культур (+3,15%) и другие секторы растениеводства.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 4. Наиболее пострадавшие и выигравшие от торговой войны отрасли экономики Китая (изменения выпуска, % относительно 2023 года)

Fig. 4. Sectors of the Chinese Economy Most Disadvantaged and Most Benefited by the Trade War (% change in output for 2023)

Позитивные эффекты в случае США сформировались не только в тех отраслях, которые были целями американской протекционистской политики, но и в тех, где американские компании в меньшей степени зависели от импорта промежуточных товаров и оборудования из Китая, попавших под ограничения, или смогли переориентировать закупки с китайских поставщиков на альтернативные направления. Однако, как показывают результаты моделирования, такие отрасли в меньшинстве.

В настоящее время тарифы торговой войны продолжают действовать в отношении Китая. По треку стали и алюминия США отменили действие дополнительных тарифных ограничений в отношении этой продукции из Канады и Мексики в связи с заключением обновленного соглашения НАФТА (USMCA) в 2019 году. В 2021–2022 годах США сформировали ряд секторальных сделок с ЕС (октябрь 2021 года), Японией (февраль 2022 года) и Великобританией (март 2022 года), заменив повышенные ставки таможенных пошлин на сталь и алюминий тарифными квотами с учетом исторических объемов торговли.

В 2020 году Китай и США подписали так называемую сделку первой фазы. Это соглашение можно считать знаковым, так как Китай официально согласился на ряд мер по совершенствованию своего законодательства. В частности, положения соглашения сделки первой фазы включали⁶:

- обязательства Китая модернизировать законодательство, затрагивающее вопросы защиты прав ИС (защита коммерческой тайны и конфиденциальной деловой информации, защита прав ИС фармацевтической отрасли, патенты и пр.);
- трансфер технологий должен базироваться на рыночной и добровольной основах, при этом ни одна из сторон не может оказывать давление на другую с целью принудительного трансфера;
- отмена нетарифных барьеров, применяемых по отношению к отдельным продовольственным и сельскохозяйственным товарам, происходящим из США;
- увеличение порога для участия американских фирм в капитале страховых компаний и банков, действующих на территории Китая, расширение деятельности платежных систем в области электронных платежей;

⁶ Economic and Trade Agreement Between the United States of America and the People's Republic of China. https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/US_China_Agreement_Fact_Sheet.pdf.

- отказ от манипуляции обменным курсом юаня в целях поддержки экспорта и обязательство публиковать ежемесячные данные по валютным резервам и форвардным позициям;
- соглашение с Китаем об увеличении им закупки трех групп американских товаров (промышленных, сельскохозяйственных и энергетических) на 200 млрд долл. в течение двухлетнего периода с 1 января 2020 года по 31 декабря 2021 года сверх базовых уровней 2017 года;
- институциональные механизмы для решения проблем и спорных вопросов по имплементации соглашения.

Проследить выполнение отдельных пунктов соглашения представляется достаточно проблематичной задачей, так как всё, что связано с совершенствованием законодательства, на практике сложно измерить с точки зрения фактической имплементации мер регулирования. Хронологически после заключения сделки первой фазы Китай провел значительную либерализацию доступа иностранных компаний на рынки банковских и страховых услуг, были отменены различные ограничительные требования к иностранным активам и количественные лимиты на иностранный капитал⁷. Однако такие меры распространялись не только на компании США и были запланированы еще до эскалации торговой войны 2018 года⁸. В связи с этим нельзя непосредственно относить эту линию либерализации к давлению со стороны США.

При том что в рамках сделки были сформированы обязательства по расширению торговли, тарифы торговой войны США и Китая остались в силе с возможностью формирования перечней исключений из действия повышенных ставок по запросам компаний. По итогам указанного периода Китай не смог реализовать взятые на себя обязательства по увеличению закупок американских товаров. Очевидным негативным фактором в этом случае стала пандемия коронавируса, начавшаяся сразу после подписания соглашения. В то же время, согласно расчетам экспертов Института международной экономики Петерсона, по категории сельскохозяйственных товаров показатели закупок американской продукции Китаем были близки к согласованным объемам, значительным было отставание по промышленным и энергетическим товарам⁹.

⁷ China Unveils 12 Measures to Further Open Its Banking and Insurance Sectors. <https://www.china-briefing.com/news/chinas-banking-insurance-sectors-opening-up-12-measures-unveiled/>.

⁸ Financial Liberalization in China: How Inbound Financial Institutions Should Strategize. https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/banking-and-capital-markets/ey-financial-liberalization-in-china.pdf.

⁹ US-China Phase One Tracker: China's Purchases of US Goods. <https://www.piie.com/research/piie-charts/us-china-phase-one-tracker-chinas-purchases-us-goods>.

Заключение

Результаты проведенного моделирования эффектов мер торговой войны, связанных с тарифными ограничениями, показали, что в целом экономики США и Китая испытывают негативные эффекты от торгового противостояния. Это продемонстрировано в настоящей работе расчетами на модели общего равновесия как на отраслевом, так и на общеэкономическом уровнях. Причиной является высокая степень взаимной зависимости и ориентации компаний на сформированные цепочки добавленной стоимости и торговой кооперации между США и Китаем; шоки значительных торговых ограничений в краткосрочной перспективе ожидаемо приводят к негативным эффектам.

Более значимыми и долгосрочными являются процессы технологического размежевания сфер международной кооперации между США и Китаем, которые развиваются в последнее время. Переориентация технологического и производственного взаимодействия происходит за счет мер нетарифного регулирования торговли обеими странами. В результате расширения применения инструментов экспортного контроля и масштабного субсидирования высокотехнологичных отраслей со временем могут сложиться более независимые технологические полюса, тяготеющие либо к США, либо к Китаю. Отправной точкой такого открытого противостояния вопреки устоявшимся нормам многостороннего регулирования международной торговли стала торговая война США и Китая в 2017–2019 годах, оформившая стратегический курс обеих стран на переориентацию существовавших форматов внешнего взаимодействия и кооперации.

Приложение

Прогнозируемые изменения выпуска отдельных отраслей и видов продукции в КНР и США относительно 2023 года (%)

Appendix

Projected Change in Chinese and US Output for 2023 (%)

Отрасли	КНР	США
Неочищенный рис	–0,31 (–1 млрд долл.)	–0,30 (–0 ¹ млрд долл.)
Пшеница и меслин	–0,29 (–0 млрд долл.)	–0,34 (–0 млрд долл.)
Прочие злаки	+0,41 (+1 млрд долл.)	–0,99 (–1 млрд долл.)
Овощи и фрукты	–0,13 (–1 млрд долл.)	–0,22 (–0 млрд долл.)
Семена и плоды масличных культур	+3,15 (+4 млрд долл.)	–8,44 (–4 млрд долл.)

П р о д о л ж е н и е п р и л о ж е н и я

Отрасли	КНР	США
Растения для производства сахара	–0,08 (–0 млрд долл.)	–0,38 (–0 млрд долл.)
Растения для производства различных волокон	+0,48 (+0 млрд долл.)	–4,85 (–0 млрд долл.)
Производство прочей продукции растениеводства	–0,65 (–0 млрд долл.)	–0,46 (–0 млрд долл.)
Коровы, овцы, козы и лошади	–0,79 (–1 млрд долл.)	–0,33 (–0 млрд долл.)
Производство прочей продукции животноводства	–0,15 (–1 млрд долл.)	–0,52 (–0 млрд долл.)
Сырое молоко	+0,14 (+0 млрд долл.)	–0,35 (–0 млрд долл.)
Шерсть и коконы шелкопряда	–0,41 (–0 млрд долл.)	–0,71 (–0 млрд долл.)
Лесная промышленность	–2,04 (–3 млрд долл.)	–0,06 (–0 млрд долл.)
Рыбная промышленность	–0,03 (–0 млрд долл.)	–0,60 (–0 млрд долл.)
Добыча угля	–0,36 (–2 млрд долл.)	–0,27 (–0 млрд долл.)
Добыча нефти	–0,27 (–3 млрд долл.)	–0,26 (–1 млрд долл.)
Добыча газа	+0,10 (+0 млрд долл.)	–0,23 (–0 млрд долл.)
Прочая добывающая промышленность	–0,96 (–8 млрд долл.)	–0,86 (–1 млрд долл.)
Мясные продукты из говядины	–0,59 (–0 млрд долл.)	–0,25 (–0 млрд долл.)
Прочие мясные продукты	–0,11 (–0 млрд долл.)	–0,31 (–0 млрд долл.)
Растительные и животные жиры	–0,57 (–2 млрд долл.)	–1,76 (–1 млрд долл.)
Молочные продукты	+0,18 (+0 млрд долл.)	–0,30 (–0 млрд долл.)
Очищенный рис	–0,04 (–0 млрд долл.)	–0,27 (–0 млрд долл.)
Сахар	–0,09 (–0 млрд долл.)	–0,23 (–0 млрд долл.)
Производство прочих пищевых продуктов	–0,14 (–2 млрд долл.)	–0,25 (–2 млрд долл.)
Производство напитков и табачных изделий	–0,09 (–0 млрд долл.)	–0,57 (–1 млрд долл.)
Текстильная промышленность	–0,38 (–3 млрд долл.)	–0,29 (–1 млрд долл.)
Производство одежды	–0,07 (–0 млрд долл.)	–0,18 (–0 млрд долл.)

П р о д о л ж е н и е п р и л о ж е н и я

Отрасли	КНР	США
Производство изделий из кожи	-1,69 (-7 млрд долл.)	+1,66 (+0 млрд долл.)
Деревообработка	-3,84 (-15 млрд долл.)	+0,91 (+5 млрд долл.)
Целлюлозо-бумажная промышленность	-0,69 (-5 млрд долл.)	-0,26 (-2 млрд долл.)
Производство нефтепродуктов	-0,32 (-6 млрд долл.)	-0,28 (-3 млрд долл.)
Химическая промышленность, производство резины и пластмассы	-0,94 (-34 млрд долл.)	-0,23 (-4 млрд долл.)
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	-0,60 (-9 млрд долл.)	+0,17 (+0 млрд долл.)
Черная металлургия	-0,86 (-18 млрд долл.)	-0,15 (-0 млрд долл.)
Цветная металлургия	-1,29 (-11 млрд долл.)	-1,05 (-4 млрд долл.)
Производство металлических изделий	-1,49 (-14 млрд долл.)	+0,33 (+2 млрд долл.)
Производство автотранспорта	-0,31 (-5 млрд долл.)	-1,15 (-11 млрд долл.)
Производство прочих видов транспорта	+0,86 (+4 млрд долл.)	-2,44 (-10 млрд долл.)
Производство электроники	-4,96 (-84 млрд долл.)	+1,79 (+20 млрд долл.)
Точное машиностроение	-1,22 (-51 млрд долл.)	+0,04 (+1 млрд долл.)
Прочая обрабатывающая промышленность	-1,45 (-9 млрд долл.)	+0,54 (+1 млрд долл.)
Производство и распределение электроэнергии	-0,42 (-4 млрд долл.)	-0,26 (-2 млрд долл.)
Распределение газа	+0,12 (+2 млрд долл.)	-0,01 (-0 млрд долл.)
Распределение воды	-0,11 (-0 млрд долл.)	+0,03 (+0 млрд долл.)
Всего товары	-0,89 (-290 млрд долл.)	-0,16 (-24 млрд долл.)
Строительство	-0,11 (-4 млрд долл.)	-0,59 (-19 млрд долл.)
Торговля и рестораны	-0,41 (-9 млрд долл.)	-0,17 (-9 млрд долл.)
Транспортные услуги	-0,58 (-13 млрд долл.)	-0,23 (-4 млрд долл.)
Услуги почты и связи	-0,36 (-2 млрд долл.)	-0,26 (-2 млрд долл.)
Финансовые услуги	-0,59 (-6 млрд долл.)	-0,18 (-5 млрд долл.)

О к о н ч а н и е п р и л о ж е н и я

Отрасли	КНР	США
Страхование	-0,28 (-1 млрд долл.)	-0,04 (-0 млрд долл.)
Бизнес-услуги	-0,46 (-7 млрд долл.)	-0,27 (-11 млрд долл.)
Рекреационные и прочие услуги	-0,06 (-0 млрд долл.)	-0,14 (-3 млрд долл.)
Государственное управление, образование, здравоохранение и оборона	+0,27 (+8 млрд долл.)	-0,08 (-6 млрд долл.)
Услуги домашних хозяйств	+0,04 (+0 млрд долл.)	-0,24 (-6 млрд долл.)
Всего услуги	-0,21 (-34 млрд долл.)	-0,21 (-65 млрд долл.)
Итого	-0,66 (-323 млрд долл.)	-0,19 (-89 млрд долл.)

Примечание. Нулевые значения в абсолютных показателях указывают на изменения менее 1 млрд долл. с отрицательной (-0) или положительной (+0) динамикой.

Источник: расчеты авторов.

Литература

1. Кнобель А. Ю., Седалищев В. В. Риски и выгоды для ЕАЭС от различных сценариев интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Экономическая политика. 2017. № 2. С. 72–85. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-03.
2. Седалищев В. В. Памяти Л. Йохансена: первая в мире CGE-модель и ее демонстрация на примере России. // Экономическая политика. 2023. № 4. С. 108–137. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-4-108-137.
3. Caceres C., Cerdeiro D., Mano R. Trade Wars and Trade Deals: Estimated Effects Using a Multi-Sector Model. Washington, DC: International Monetary Fund, 2019.
4. Caliendo L., Feenstra R., Romalis J., Taylor A. Theory and Evidence for the Last Two Decades of Tariff Reductions. London: VOX CEPR, 2017.
5. Fajgelbaum P., Khandelwal A. The Economic Impacts of the US-China Trade War. NBER. Working Paper No w29315. 2021.
6. Haruka Y., Shinichi N. A CGE Analysis on Trade War. Tokyo: Japan Center for Economic Research, 2019.
7. Kawasaki K. Economic Impact of Tariff Hikes — A CGE Model Analysis. Tokyo: National Graduate Institute for Policy Studies, 2018.
8. McDonald S., Thierfelder K., Robinson S. Globe: A SAM Based Global CGE Model Using GTAP Data. Annapolis: United States Naval Academy, 2007.
9. Yang Zh. The US-China Trade War and Global Value Chains. Washington, DC: World Bank, 2023.

References

1. Knobel A. Yu., Sedalishchev V. V. Riski i vygody dlya EAES ot razlichnykh stsenariiev integratsii v Aziatsko-Tikhookeanskom regione [Risks and Benefits for the EAEU From Various Integration Scenarios in the Asia-Pacific Region]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2017, no. 2, pp. 72–85. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-03. (In Russ.)
2. Sedalishchev V. V. Pamyati L. Johansena: pervaya v mire CGE-model' i ee demonstratsiya na primere Rossii [In Memory of L. Johansen: The World's First CGE Model and Its Illustration Using Russia as an Example]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2023, no. 4, pp. 108–137. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-4-108-137. (In Russ.)

3. Caceres S., Cerdeiro D., Mano R. *Trade Wars and Trade Deals: Estimated Effects Using A Multi-Sector Model*. Washington, DC, International Monetary Fund, 2019.
4. Caliendo L., Feenstra R., Romalis J., Taylor A. *Theory and Evidence for the Last Two Decades of Tariff Reductions*. London, VOX CEPR, 2017.
5. Fajgelbaum P., Khandelwal A. The Economic Impacts of the US-China Trade War. *NBER*, Working Paper no. w29315, 2021.
6. Haruka Y., Shinichi N. *A CGE Analysis on Trade War*. Tokyo, Japan Center for Economic Research, 2019.
7. Kawasaki K. *Economic Impact of Tariff Hikes - A CGE Model Analysis*. Tokyo, National Graduate Institute for Policy Studies, 2018.
8. McDonald S., Thierfelder K., Robinson S. *Globe: A SAM Based Global CGE Model Using GTAP Data*. Annapolis, United States Naval Academy, 2007.
9. Yang Zh. *The US-China Trade War and Global Value Chains*. Washington, DC, World Bank, 2023.

Микроэкономика

Факторы формирования инфляционных ожиданий населения (по данным обследования финансов домохозяйств)

Андрей Валентинович Андреев

ORCID: 0009-0001-1901-7086

Начальник отдела
регионального мониторинга,
департамент денежно-
кредитной политики,
Банк России (РФ, 107016,
Москва, Неглинная ул., 12)
E-mail: andreevav@cbr.ru

Мария Сергеевна Лымарь

ORCID: 0000-0002-5769-7713

Ведущий экономист отдела
макрэкономических
и финансовых исследований,
департамент исследований
и прогнозирования,
Банк России (РФ, 107016,
Москва, Неглинная ул., 12)
E-mail: lymarms@cbr.ru

Илья Андреевич Шубин

ORCID: 0000-0002-0593-8466

Консультант отдела
регионального мониторинга,
департамент денежно-
кредитной политики,
Банк России (РФ, 107016,
Москва, Неглинная ул., 12)
E-mail: shubinia@cbr.ru

Вадим Олегович Грищенко

ORCID: 0000-0003-0613-6892

Начальник отдела
макрэкономических
и финансовых исследований,
департамент исследований
и прогнозирования,
Банк России (РФ, 107016,
Москва, Неглинная ул., 12)
E-mail: grishchenkovo@cbr.ru

Дмитрий Александрович Орлов

ORCID: 0000-0003-3792-9086

Главный экономист отдела
регионального мониторинга,
департамент денежно-
кредитной политики,
Банк России (РФ, 107016,
Москва, Неглинная ул., 12)
E-mail: orlovda@cbr.ru

Аннотация

Для оперативной оценки инфляционных ожиданий населения Банк России использует результаты опросов, ежемесячно проводимых ООО «инФОМ». Более полную картину взаимосвязей между инфляционными ожиданиями, потребительским и финансовым поведением индивидов способны продемонстрировать данные пятой волны Всероссийского обследования домохозяйств по потребительским финансам (далее — ОФД), в которую впервые были внесены вопросы об инфляционных ожиданиях. В статье сравниваются результаты ОФД и опросов ООО «инФОМ», анализируются причины неоднородности инфляционных ожиданий по данным ОФД и изучаются возможные каналы влияния ожиданий на поведение индивидов. Сравнительный анализ двух опросов показывает, что инфляционные ожидания по различным социально-демографическим подгруппам в ОФД во всех случаях смещены вверх по сравнению с данными опросов ООО «инФОМ». При этом инфляционные ожидания в рассматриваемых опросах неоднородны. Основные причины такой гетерогенности — социально-демографические факторы, материальное положение и ожидания относительно ситуации в экономике, а также уровень финансовой грамотности респондентов. Так, более низкие инфляционные ожидания характерны для молодых людей и людей среднего возраста с более высоким доходом и более высоким уровнем финансовой грамотности. В то же время решения респондентов ОФД относительно потребления и приобретения финансовых активов в зависимости от уровня инфляционных ожиданий вполне рациональны. Те, кто предполагает более высокую инфляцию, склонны больше тратить и меньше сберегать. Полученные результаты служат еще одним аргументом необходимости поддержания ценовой и финансовой стабильности, а также повышения уровня финансовой грамотности населения.

Ключевые слова: сберегательное и потребительское поведение индивидов, опросы домохозяйств, финансовая грамотность.

JEL: E21, C43, C82, D8.

Содержание настоящей статьи отражает личную позицию авторов. Результаты исследования являются предварительными и публикуются с целью стимулировать обсуждение и получить комментарии для дальнейшей доработки материалов. Их не следует рассматривать как официальную позицию Банка России или указание на официальную политику или решения регулятора. Любые ошибки в данном материале являются исключительно авторскими. Авторы выражают благодарность Т. Шеловановой и В. Зверевой за ценные комментарии.

Microeconomics

Factors in the Formation of Inflation Expectations as Recorded in the Russian National Survey of Consumer Finance

Andrey V. Andreev

ORCID: 0009-0001-1901-7086

Head of the Regional Monitoring Unit, Monetary Policy Department, Bank of Russia,^a
e-mail: andreevav@cbr.ru

Maria S. Lymar

ORCID: 0000-0002-5769-7713

Lead Economist of the Macroeconomic and Financial Unit, Research and Forecasting Department, Bank of Russia,^a
e-mail: lymarms@cbr.ru

Ilya A. Shubin

ORCID: 0000-0002-0593-8466

Consultant to the Regional Monitoring Unit, Monetary Policy Department, Bank of Russia,^a
e-mail: shubinia@cbr.ru

Vadim O. Grishchenko

ORCID: 0000-0003-0613-6892

Head of the Macroeconomic and Financial Unit, Research and Forecasting Department, Bank of Russia,^a
e-mail: grishchenkovo@cbr.ru

Dmitry A. Orlov

ORCID: 0000-0003-3792-9086

Head Economist of the Regional Monitoring Unit, Monetary Policy Department, Bank of Russia,^a
e-mail: orlovda@cbr.ru

^a 12, Neglinnaya ul., Moscow, 107016, Russian Federation

Abstract

The Bank of Russia uses monthly InFOM survey data to provide a quick estimate of household inflation expectations. A more complete picture of the interrelationships between inflation expectations and the consumer and financial behavior of individuals can be derived from data in the fifth iteration of the Russian National Household Survey of Consumer Finance (Survey of Household Finance — SHF), which for the first time included questions about inflation expectations. This paper compares the results of these surveys, analyzes the reasons for variation of inflation expectations in the SHF, and studies possible ways in which these expectations influence individual behavior. Comparison of the InFOM and SHF data shows that the amount of inflation expected by various socio-demographic groups in the SHF is always higher than in the InFOM survey. However, the inflation expectations in these surveys are not otherwise uniform. Such factors as socio-demographic characteristics, financial situation, perceptions of economic conditions, and the financial literacy of members in a household are the main factors that cause inflation expectations to differ. For example, lower inflation expectations are more typical for young people with higher income and greater financial literacy. The SHF respondents' decisions about consumption and acquisition of financial assets are nevertheless quite rational. Those who expect higher inflation tend to spend more and at a faster pace while saving less. The results obtained here constitute another argument for maintaining price and financial stability as well as for increasing the financial literacy of the population.

Keywords: consumer and financial behavior of individuals, household survey data, financial literacy.

JEL: E21, C43, C82, D8.

Disclaimer and Acknowledgements

The views expressed in this report are solely those of the authors. The findings are preliminary and have been published to stimulate discussion and invite feedback for possible improvements to the study. The contents and findings of this study should not be construed or quoted in any publications as the official position of the Bank of Russia or as an indication of its official policy or decisions. Any errors in this material are solely those of the authors. The authors would like to express their gratitude to T. Shelovanova and V. Zvereva for valuable insights and comments.

Введение

Инфляционные ожидания домохозяйств в течение последних десятилетий находятся в центре внимания центральных банков. Ожидания индивидов относительно будущего уровня цен могут влиять на их выбор между потреблением и сбережениями, направления инвестирования компонентов богатства и взятие на себя финансовых обязательств. Это было отчасти учтено в моделях, используемых центральными банками при принятии решений в области денежно-кредитной политики. Так, положения теории межвременного выбора индивидов — неотъемлемая часть новокейнсианских структурных моделей. В то же время с эмпирической точки зрения вопрос о наличии тесной взаимосвязи между инфляционными ожиданиями и решениями домохозяйств остается открытым [D'Acunto et al., 2019; Vellekoop, Wiederholt, 2019], поскольку инфляционные ожидания последних можно считать лишь ограниченно рациональными [Grishchenko et al., 2023].

Тем не менее центральные банки, особенно в рамках режима таргетирования инфляции, стремятся управлять инфляционными ожиданиями экономических субъектов для достижения ценовой стабильности [D'Acunto et al., 2023; Karlova et al., 2020]. В этой связи необходимо понимать факторы, которые лежат в основе формирования инфляционных ожиданий и могут оказывать влияние на принятие экономических решений индивидами, в частности решений о потреблении и сбережении.

Попытки понять природу инфляционных ожиданий населения предпринимаются во многих исследованиях [Armantier et al., 2015; Coibion et al., 2022; D'Acunto et al., 2023; Link et al., 2023; Malmendier et al., 2015; Weber et al., 2022], однако исчерпывающий набор факторов, определяющий ожидаемую инфляцию репрезентативного домохозяйства, до сих пор не установлен. Социально-демографические факторы, уровень материального положения, информационный канал (СМИ, социальные сети) — это основные факторы формирования инфляционных ожиданий, обозначенные в литературе. При этом ожидания в отношении будущей инфляции могут различаться даже у схожих по вышеперечисленным факторам домохозяйств из-за разных источников информации, на которые они полагаются, или из-за альтернативных «моделей экономики», которых они придерживаются [Conrad et al., 2022].

Более того, реакция индивидов на рост цен различна. Не все из них имеют представление об экономическом смысле понятий ин-

фляции и инфляционных ожиданий и связи между ними, не все обращают внимание на рост цен на товары и услуги с одинаковой долей внимания и с одной и той же периодичностью, что также способствует гетерогенности инфляционных ожиданий [Conrad et al., 2022].

Основным источником оценок инфляционных ожиданий домохозяйств служат опросы. В разных странах центральные банки стараются проводить регулярные опросы, включающие вопросы об ожиданиях индивидов относительно уровня цен в будущем.

В Банке России есть два источника такого рода данных — ежемесячные опросы ООО «инФОМ» и обследование финансов домохозяйств (далее — ОФД), которое проводится раз в два года. Последний источник благодаря большому массиву разносторонних вопросов анкеты, характеризующих различные аспекты личности респондента, дает возможность проанализировать связь инфляционных ожиданий у разных групп респондентов с широким кругом переменных.

Так, авторы настоящей статьи анализируют распределение инфляционных ожиданий населения в зависимости от уровня их финансовой грамотности, впервые выполненное на российских данных. Также в настоящей работе выявлена связь инфляционных ожиданий с такими социально-демографическими факторами, как пол, возраст, материальное положение, а также со сберегательным и потребительским поведением индивидов, что согласуется с результатами более ранних исследований [Coibion et al., 2020; D'Acunto et al., 2019; Kaplan, Schulhofer-Wohl, 2017; Vellekoop, Wiederholt, 2019].

Работа имеет следующую структуру: в первом разделе представлен сравнительный анализ двух основных источников оценок инфляционных ожиданий российских домохозяйств — ОФД и ООО «инФОМ»; во втором перечислены факторы неоднородности инфляционных ожиданий по данным ОФД; в третьем разделе рассмотрены каналы влияния инфляционных ожиданий на поведение индивидов согласно данным ОФД; в четвертом методами регрессионного анализа исследуется взаимосвязь между инфляционными ожиданиями и представленными в предыдущих разделах факторами.

1. Сравнительный анализ ОФД и опроса ООО «инФОМ»

ОФД проводится с 2013 года с периодичностью раз в два-три года. Первые четыре волны опроса (2013, 2015, 2018, 2020 годы)

курировало Министерство финансов Российской Федерации. Впоследствии обследование перешло в ведение Банка России. В опросники пятой волны (2022 год) были добавлены вопросы, представляющие интерес для Банка России. Они касались, в частности, финансовой грамотности, цифровых активов и инфляционных ожиданий респондентов. В ходе пятой волны ОФД были опрошены более 12 тыс. респондентов из более чем 6 тыс. домохозяйств в 32 субъектах Российской Федерации. Опрос проводился в период с марта по сентябрь, около 70% анкет было получено в мае-июне. Координацию и реализацию всех волн обследования, включая полевые работы, осуществляло ООО «Демоскоп».

Одно из преимуществ ОФД состоит в том, что значительная¹ часть домохозяйств принимала участие в нескольких раундах обследования (лонгитюдность). Данные ОФД дают возможность исследовать динамику финансовых и нефинансовых активов домохозяйств, их финансовые обязательства, доходы и расходы, разные аспекты потребительского и финансового поведения и закономерности его изменений².

Для оперативного мониторинга и анализа инфляционных ожиданий и потребительских настроений Банк России использует результаты опроса, ежемесячно проводимого ООО «инФОМ». В каждом опросе принимают участие около 2 тыс. респондентов из 55 субъектов Российской Федерации. Обследование включает в себя вопросы об оценке фактической инфляции и инфляционных ожиданиях на разных временных горизонтах (месячном, годовом, трехлетнем, с 2023 года также на пятилетнем); вопросы, позволяющие оценить потребительское настроение, о сберегательном и кредитном поведении, а также об использовании финансовых инструментов и особенностях финансового поведения³. Оба опроса — ОФД и ООО «инФОМ» — репрезентативны для Российской Федерации в целом.

Инфляционные ожидания в рассматриваемых опросах неоднородны. Они зависят от пола, возраста, уровня образования и других социально-демографических показателей (распределения, медианы по подгруппам и методология их расчета приводятся в Приложении 1).

¹ Достижимость ранее опрошенных (в 2020 году) домохозяйств составила 81,8%. Всероссийское обследование домохозяйств по потребительским финансам (5-я волна). Технический отчет. Банк России, 2023. http://www.cbr.ru/Content/Document/File/145684/method_t.pdf.

² См. подробнее: https://cbr.ru/ec_research/vserossiyskoe-obsledovanie-domokhozyaystv-potrebitel-skim-finansam/.

³ https://www.cbr.ru/Content/Document/File/59814/FOM_meth.pdf.

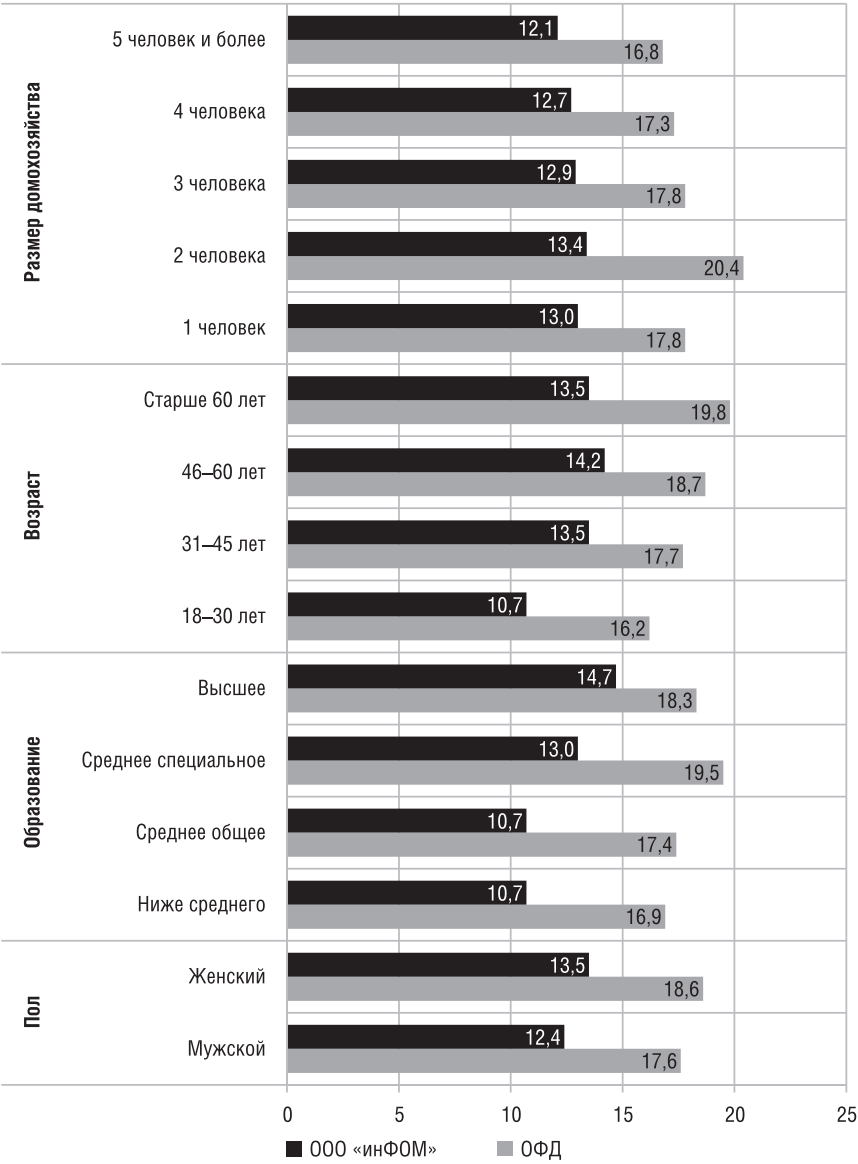
Хотя опросы содержат близкие по формулировкам вопросы об инфляционных ожиданиях, уровень последних по данным ОФД в целом несколько выше, чем по данным опросов ООО «инФОМ». Такое расхождение может быть вызвано несколькими причинами. Главная из них состоит в том, что анкета опроса ООО «инФОМ» изначально составлена с целью наиболее точного измерения именно инфляционных ожиданий. Вопросы, предшествующие вопросу об ожидаемой инфляции, направлены в том числе на то, чтобы заставить респондента вдумчиво отнестись к высказываемому им суждению о текущей и будущей динамике цен. Из-за такой структуры анкеты результаты опроса ООО «инФОМ» показывают более обдуманные оценки инфляционных ожиданий. Мы считаем этот опрос наиболее эффективным инструментом для их измерения.

В то же время, хотя измерение инфляционных ожиданий не является основной целью ОФД, разносторонность его анкеты дает возможность для более широкого анализа ожиданий, в том числе их распределения и относительных уровней у разных групп респондентов. Другой причиной расхождения в уровнях инфляционных ожиданий, измеряемых опросами ООО «инФОМ» и ОФД, является то, как задается соответствующий вопрос и какие варианты ответов он предполагает: в ОФД респонденты указывают конкретное числовое значение инфляционных ожиданий, которое, как правило, кратно 5 или 10^4 . Респонденты, вероятно, округляют свои ожидания в большую сторону [Manski et al., 2010]. В опросе ООО «инФОМ» респонденты при ответе на вопрос об инфляционных ожиданиях выбирают из заданных в анкете интервалов⁵, что удобнее для респондентов и снижает число незначимых ответов на вопрос [Coibion et al., 2020].

Тем не менее тенденции в распределениях инфляционных ожиданий по разным подгруппам респондентов в целом по данным опроса ООО «инФОМ» и по данным ОФД совпадают (рис. 1–3): значение коэффициента корреляции между медианами инфляционных ожиданий по разным подгруппам респондентов составляет 0,87. Можно говорить о том, что закономерности, полученные на основе данных ОФД, могут быть распространены и на данные, получаемые из опроса ООО «инФОМ».

⁴ Во всем последующем анализе расчет значений инфляционных ожиданий, в том числе медианных, по данным ОФД производился на основе ответов на вопрос K74: «На сколько процентов, по Вашему мнению, вырастут цены в течение следующих 12 месяцев?» — без учета выбросов (то есть без учета инфляционных ожиданий, значения которых больше 150%).

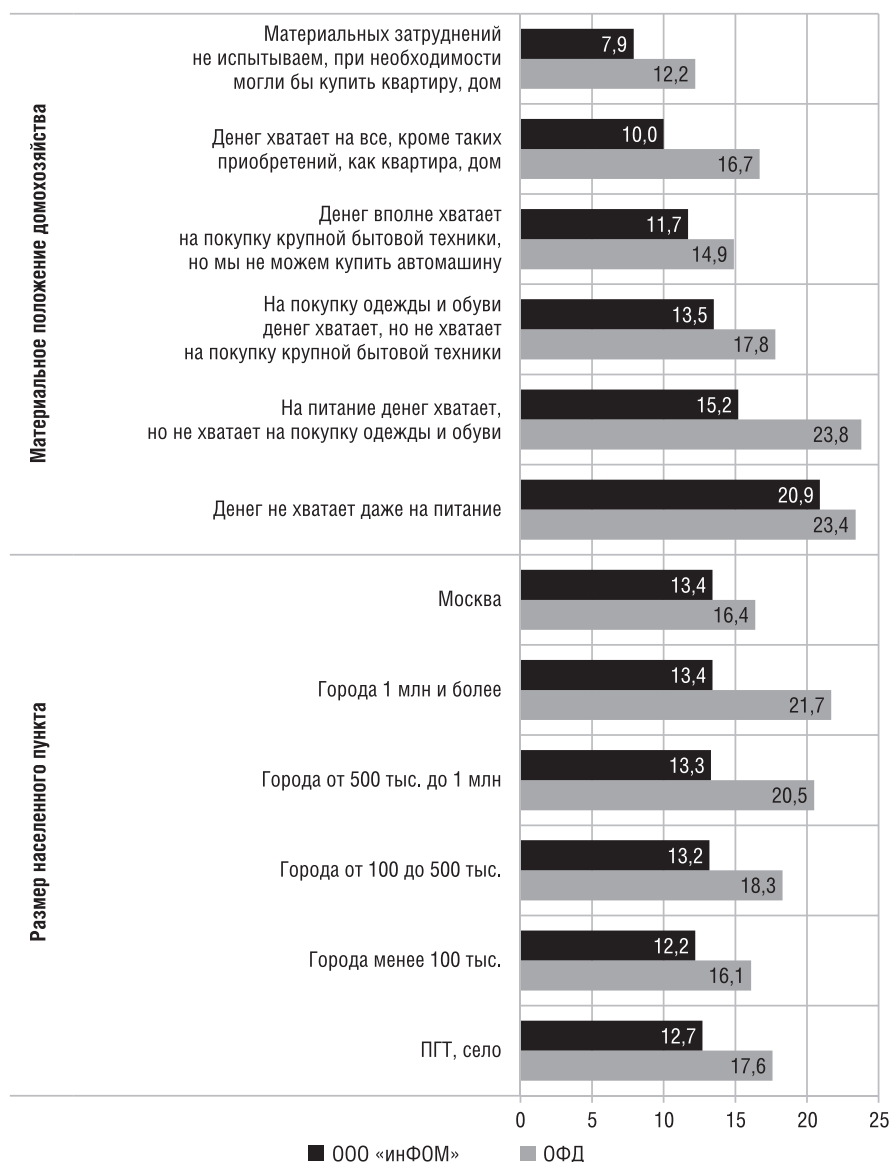
⁵ Интервалы в анкете опроса ООО «инФОМ»: 2% и менее, 3–5%, 6–8%, 9–12%, 13–16%, 17–20%, 21–25%, 26–30%, 31–40%, 41–50%, 51% и более.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 1. Средние значения медиан инфляционных ожиданий по ежемесячным опросам 000 «инФОМ» за март — сентябрь 2022 года и медианы ОФД в 2022 году в зависимости от социально-демографических факторов (через 12 мес., % г/г)

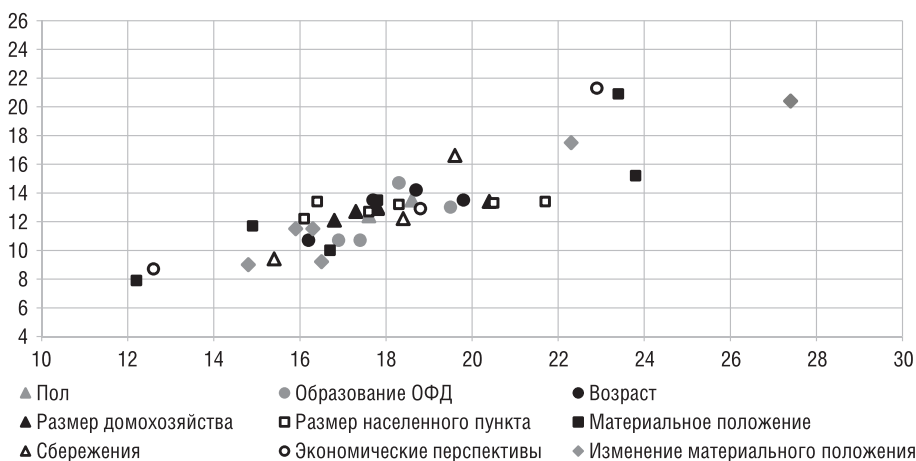
Fig. 1. Average Median Inflation Expectations From the Monthly InFOM Surveys for March Through September 2022 and Median Inflation Expectations for the Next Year From the 2022 SHF by Socio-Demographic Characteristics (% y/y)

Источник: расчеты авторов.

Рис. 2. Средние значения медиан инфляционных ожиданий по ежемесячным опросам ООО «инФОМ» за март — сентябрь 2022 года и медианы ОФД в 2022 году в зависимости от социально-демографических факторов (через 12 мес., % г/г)

Fig. 2. Average Median Inflation Expectations From the Monthly InFOM Surveys for March Through September 2022 and Median Inflation Expectations for the Next Year From the 2022 SHF by Socio-Demographic Characteristics (% y/y)

Примечание. Каждая точка на графике соответствует медианам инфляционных ожиданий для той или иной социально-демографической подгруппы (респонденты, сгруппированные по полу, возрасту, уровню образования, размеру домохозяйства, размеру населенного пункта, материальному положению домохозяйства, а также по ответам на вопросы о сбережениях, оценке текущего изменения и перспектив личного материального положения, оценке экономических перспектив страны), то есть одна точка отображает показатели по одной подгруппе.

Источник: расчеты авторов.

Рис. 3. Соотношение медиан инфляционных ожиданий по данным опроса ОО «инФОМ» (ось ординат) и ОФД (ось абсцисс) у разных подгрупп респондентов в зависимости от социально-демографических факторов (через 12 мес., % г/г)

Fig. 3. The Relationship Between Median Inflation Expectations Across Various Groups of Respondents in the InFOM Survey (y-axis) and SHF (y-axis) Based on Socio-Demographic Characteristics (for the next 12 months, % y/y)

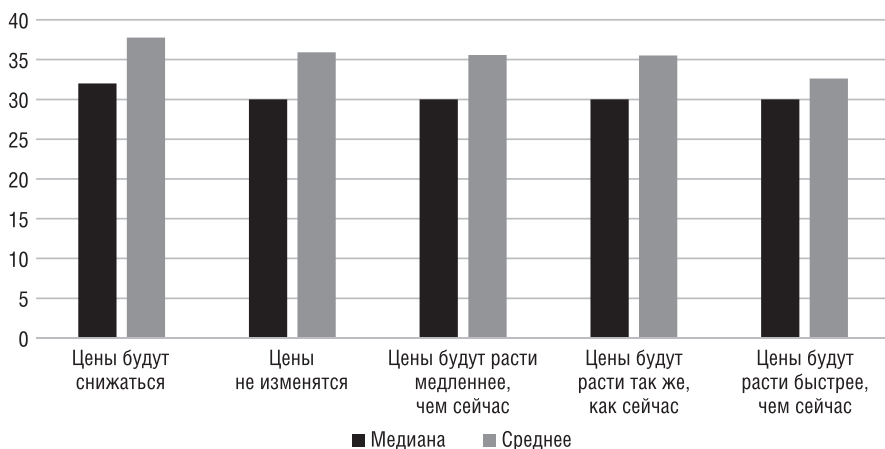
2. Факторы неоднородности инфляционных ожиданий в ОФД

Основными причинами неоднородности (гетерогенности) инфляционных ожиданий в ОФД являются социально-демографические факторы, материальное положение и ожидания его изменения.

В среднем инфляционные ожидания выше у женщин, чем у мужчин. Эта тенденция также соответствует мировому опыту и может объясняться тем, что женщины чаще совершают регулярные покупки продуктов питания и прочих товаров повседневного спроса [D'Acunto et al., 2021]. Самые низкие инфляционные ожидания у наиболее молодых респондентов. Это может объясняться как большим оптимизмом в отношении будущих доходов, так и тем, что эта группа во взрослом состоянии не застала период высокой инфляции 1990-х годов и, соответственно, им в меньшей степени свойственно завышение оценок будущей инфляции. Выводы об увеличении инфляционных ожиданий с возрастом также представлены в работах [Blanchflower, MacCoille, 2009; D'Acunto et al., 2023; Fritzer, Rumler, 2015; Rumler, Valderrama, 2019]. По дан-

ным опросов ОФД и ООО «инФОМ», инфляционные ожидания выше у людей с более высоким уровнем образования (высшим или средним специальным), чем у респондентов с более низким (средним общим или ниже среднего), что противоречит тенденциям, отмеченным в литературе. При этом инфляционные ожидания почти не коррелируют с размером и типом населенного пункта, составом семьи, географией проживания.

Также выявлено, что респонденты с низким уровнем дохода (те, кому, по их словам, не хватает денег на покупку еды, одежды и бытовой техники) имеют инфляционные ожидания примерно в два раза выше, чем те, кто материальных затруднений не испытывает (см. Приложение 1) [Angelico, Di Giacomo, 2019; Vellekoop, Wiederholt, 2019]. Кроме того, чем хуже респонденты оценивают перспективы изменения собственного материального положения, тем выше их инфляционные ожидания. Это объясняется тем, что менее обеспеченные несут больший ущерб от инфляции⁶. В то же время, согласно ОФД, связь между инфляционными ожиданиями и материальным положением неустойчива. Корреляция обнаруживается в качественных вопросах об инфляционных ожиданиях либо уровне материального положения (рис. 4). Если же респондентов просят привести количественные оценки будущей инфляции и материального положения, связь отсутствует. Это можно объяснить большей достоверностью качественных оценок в подобных опросах [Das et al., 2019].

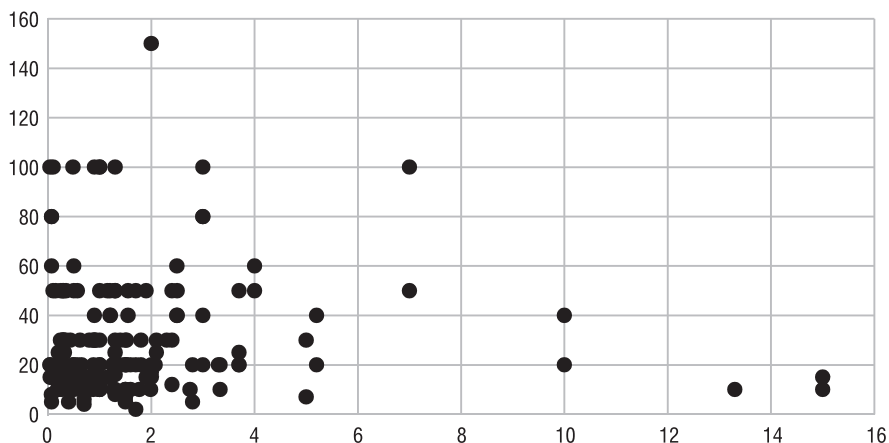
Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 4. Инфляционные ожидания респондентов в зависимости от располагаемого дохода (тыс. руб./мес.)

Fig. 4. Inflation Expectations by Disposable Income (RUB thsnd/month)

⁶ Этот сюжет был подробно рассмотрен в «Основных направлениях денежно-кредитной политики» на 2018-й и период 2019–2020 годов в Приложении 3, посвященном влиянию инфляции на социальное неравенство. [https://cbr.ru/Content/Document/File/87367/on_2018\(2019-2020\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/87367/on_2018(2019-2020).pdf).

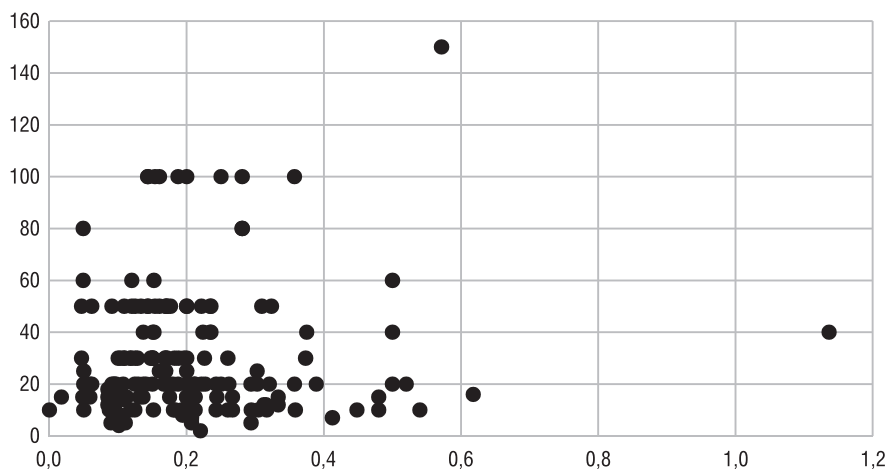
Кроме того, инфляционные ожидания не зависят от номинальных задолженностей, сумм кредитов, платежей по кредитам и от их долей в доходе. В качестве характерных примеров ниже приведены данные по задолженности по ипотеке и доле ипотечных платежей в доходе (рис. 5, 6). С уровнем инфляционных ожиданий они не связаны.

Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 5. Инфляционные ожидания респондентов (ось ординат, %) в зависимости от суммы задолженности по ипотеке (ось абсцисс, млн руб.)

Fig. 5. Inflation Expectations (y-axis, %) by Amount of Mortgage Debt (x-axis, RUB mln)

Примечание. На графике одна точка соответствует одному респонденту (всего имеют задолженность по ипотеке 190 чел.).

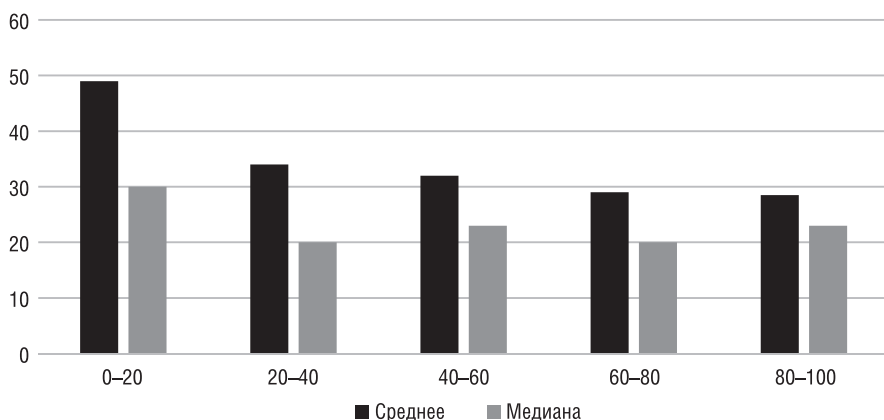
Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 6. Инфляционные ожидания (ось ординат, %) в зависимости от доли платежа по ипотеке в доходе

Fig. 6. Inflation Expectations (y-axis, %) by Fraction of Income Payable for Mortgage

Связь между инфляционными ожиданиями и ситуацией в экономике, полученная на данных ОФД, отражает специфику российских кризисов, в развитии которых большую роль исторически играли шоки со стороны предложения. Согласно данным ОФД, чем хуже респонденты оценивают перспективы экономики и собственного благосостояния, тем выше их инфляционные ожидания.

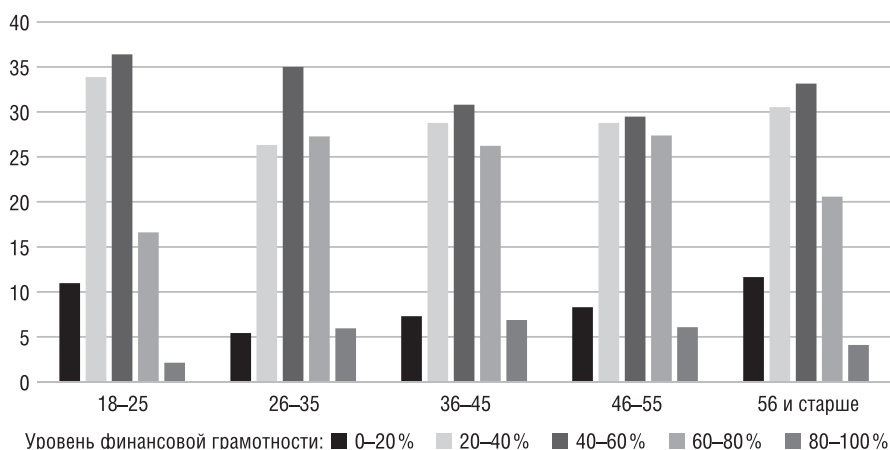
Данные ОФД позволяют также оценить связь между инфляционными ожиданиями и финансовой грамотностью. Они показывают, что финансовая грамотность респондентов не связана с их материальным положением, но влияет на формирование инфляционных ожиданий: чем выше финансовая грамотность, тем ниже инфляционные ожидания (рис. 7). Финансовая грамотность оценивалась исходя из количества правильных ответов на вопросы соответствующего блока анкеты. Был построен индекс финансовой грамотности, принимающий значения от 0 до 100% (подробнее о методологии построения индекса см. в Приложении 2). Наиболее высокие инфляционные ожидания у респондентов, которые дали меньшее количество правильных ответов на вопросы по финансовой грамотности, то есть с более низким уровнем финансовой грамотности, что согласуется с выводами исследований [Bruine de Bruin et al., 2010; Rumler, Valderrama, 2019]. Что касается распределения уровней финансовой грамотности по возрастным группам, то для каждой когорты оно близко к нормальному, то есть для каждой возрастной группы среднее значение уровня финансовой грамотности на промежутке от 40 до 60% встречается чаще всего (рис. 8).

Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 7. Инфляционные ожидания (ось ординат, %) в зависимости от уровня финансовой грамотности (ось абсцисс, %)

Fig. 7. Inflation Expectations (y-axis, %) by Degree of Financial Literacy (x-axis, %)

Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 8. **Финансовая грамотность** (ось ординат, % респондентов) **по возрастным группам** (ось абсцисс, лет)

Fig. 8. **Financial Literacy** (y-axis, % respondents) **by Age Group** (x-axis)

В целом у респондентов ОФД повышенные инфляционные ожидания (по сравнению с инфляционными ожиданиями аналитиков и финансовых рынков), они серьезно обеспокоены ростом цен на товары и услуги и испытывают пессимизм относительно ситуации в экономике.

3. Каналы влияния инфляционных ожиданий на поведение индивидов по данным ОФД

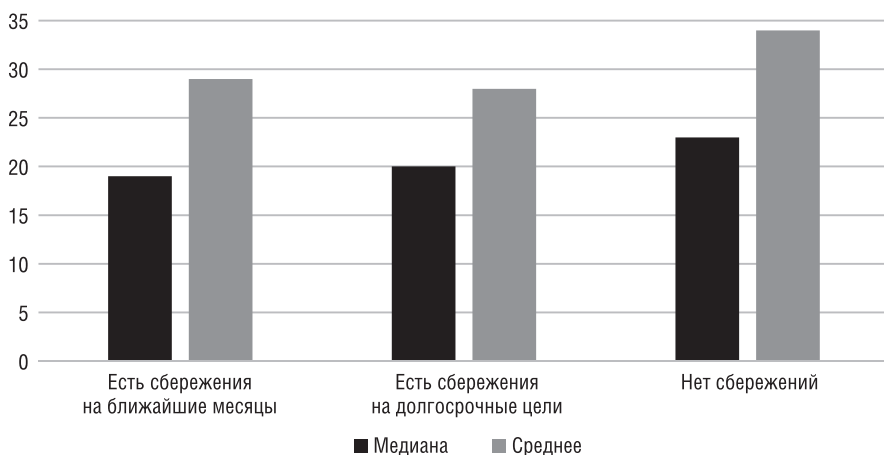
Центральным банкам важно идентифицировать факторы, под влиянием которых формируются инфляционные ожидания тех или иных субъектов экономики. Принципиальное значение для реализации денежно-кредитной политики имеет то, в какой мере инфляционные ожидания субъектов экономики определяют их действия — потребительские и инвестиционные решения.

В структурных макроэкономических моделях, используемых центральными банками, инфляционные ожидания части агентов можно считать рациональными. Это означает, что такие агенты владеют продвинутыми техниками прогнозирования макроэкономических показателей и у каждого есть собственная модель экономики, записанная в виде системы уравнений. Такие агенты активно сглаживают свое потребление во времени.

На практике инфляционные ожидания весьма далеки от модельного идеала, особенно ожидания домохозяйств. В терминологии

новокейнсианских моделей с гетерогенными агентами (HANK) существенная часть респондентов ОФД является нерикардиянскими индивидами, то есть по тем или иным причинам не могут накапливать богатство, не используют сбережения для сглаживания своего дохода, а их потребление более чувствительно к трансфертам, чем к процентным ставкам [Aguiar et al., 2019]. Тем не менее респонденты могут, по крайней мере внешне, вести себя рационально, например больше тратить, когда инфляция выше. Данные ОФД дают примеры такого рода.

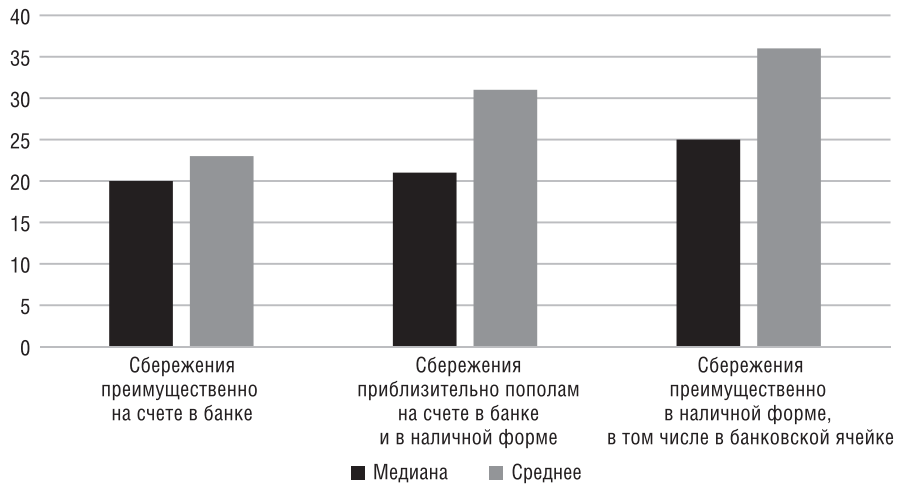
Как отмечалось выше, менее обеспеченные респонденты ОФД тратят свои доходы в основном на продукты питания, цены на которые в периоды высокой макроэкономической волатильности растут быстрее, чем индекс потребительских цен. Это приводит к тому, что персональная инфляция, рассчитанная по такой корзине для данной группы респондентов, оказывается выше, чем инфляция согласно индексу потребительских цен, как, например, летом 2022 года, когда проводилось обследование. В результате у менее обеспеченных респондентов остается меньше денег для сбережений, а воспринимаемая и ожидаемая инфляция оказываются для них выше. В то же время люди с высокими инфляционными ожиданиями из числа тех, кто делает сбережения, предпочитают держать свои накопления в высоколиквидной форме, то есть в форме наличных. Всё это говорит о том, что чем быстрее обесцениваются деньги, тем меньше у респондентов желания и возможностей сберегать (рис. 9–11).

Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 9. Инфляционные ожидания в зависимости от цели сбережений (%)

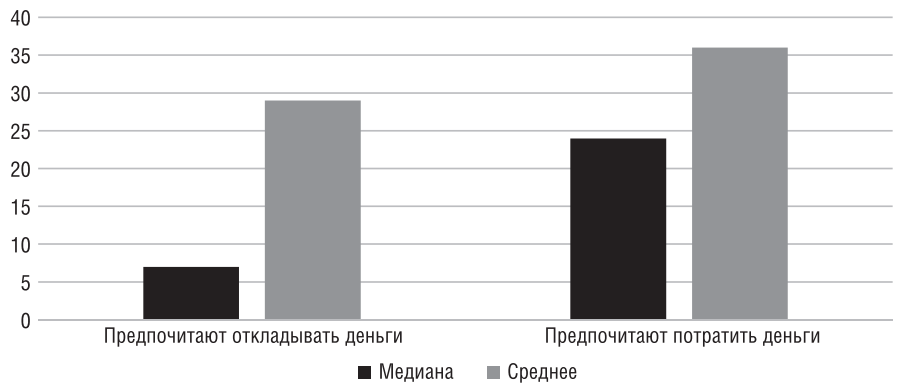
Fig.9. Inflation Expectations by Purpose for Savings (%)

Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 10. Инфляционные ожидания в зависимости от формы сбережений (%)

Fig. 10. Inflation Expectations by Form of Savings (%)

Источник: расчеты авторов по данным ОФД.

Рис. 11. Инфляционные ожидания в зависимости от варианта использования свободных денег (%)

Fig.11. Inflation Expectations by Options for Uncommitted Funds (%)

Согласно данным ОФД, респонденты с низкими доходами склонны ожидать более высокую инфляцию, больше тратят и меньше сберегают. Такое поведение, в свою очередь (с учетом того, что привлечение кредитов трактуется статистикой как отрицательные сбережения), приводит к меньшим доходам в будущем. Кроме того, связь высоких инфляционных ожиданий респондентов с более высокими текущими, а не будущими расходами может указывать на работу механизма межвременного замещения [Rondinelli, Zizza, 2020; Weber et al., 2022].

В данном случае взаимосвязи между сбережениями, доходами и инфляционными ожиданиями можно интерпретировать следующим образом. Наиболее выражен прямой эффект: у респондентов с низкими доходами нет возможности сберечь, у них получается отложить меньше денег либо они не могут их откладывать вовсе. В результате их сбережения остаются низкими.

Кроме того, может присутствовать и косвенный эффект: наличие возможности сберечь при отсутствии желания это делать. У респондентов гипотетически могут оставаться непотраченные средства, но они предпочитают больше тратить, имея повышенные инфляционные ожидания. В результате их сбережения также оказываются меньше. Таким образом, респонденты с невысокими доходами попадают в «плохое равновесие». В этих условиях Банк России может воздействовать на другие факторы формирования инфляционных ожиданий: продолжать проводить последовательную денежно-кредитную политику, направленную на поддержание ценовой и финансовой стабильности, и способствовать повышению финансовой грамотности респондентов.

4. Регрессионный анализ

На основе данных ОФД было оценено влияние вышеупомянутых факторов на инфляционные ожидания индивидов. Базовое уравнение регрессии в качестве объясняющих переменных включало в себя все факторы инфляционных ожиданий (см. Приложение 1). Результирующий список переменных, которые были оставлены в модели после проведения теста Вальда, представлен в табл. 1. Оцениваемое регрессионное уравнение имеет следующий вид:

$$\ln(IE_i) = \text{const} + \sum_j \beta_j V_{ji} + \varepsilon_i,$$

где $j = 2, \dots, 14$, ε_i — ошибки модели.

В табл. 2 представлены результаты оценки модели методом наименьших квадратов. Бóльшая часть гипотез, выдвинутых ранее на основе анализа описательных статистик, подтверждается оценками коэффициентов регрессии. Так, более высокие инфляционные ожидания характерны для людей более старшего по сравнению с когортой 18–25 лет возраста, а более низкие инфляционные ожидания действительно наблюдаются у людей с более высоким доходом, которые положительно оценивают как прошлую, так и будущую динамику своего материального положения, а также позитивно оценивают тенденции экономики страны в целом. У людей с более низкими инфляционными ожиданиями в среднем выше уровень финансовой грамотности, также они

Т а б л и ц а 1

Описание используемых переменных

T a b l e 1

Variables		
Название переменных	Описание	Тип
IE	Инфляционные ожидания	Количественная
V2	Возрастная группа (базовая категория: 18–25 лет)	Категориальная
V3	Уровень образования (базовая категория: среднее и ниже)	Категориальная
V4	Тип населенного пункта (базовая категория: город)	Категориальная
V5	Пол респондента (базовая категория: женский)	Категориальная
V6	Уровень материального положения (базовая категория: денег нет даже на питание)	Категориальная
V7	Оценка того, какими будут следующие пять лет для экономики страны (базовая категория: плохими)	Категориальная
V8	Оценка того, как изменилось материальное положение домохозяйства за последний год (базовая категория: существенно ухудшилось)	Категориальная
V9	Оценка изменения материального положения домохозяйства в течение следующего года (базовая категория: скорее ухудшится)	Категориальная
V10	Оценка респондентом того, насколько хорошее сейчас время для сбережений (базовая категория: плохое)	Категориальная
V11	Оценка респондентом того, как в настоящее время лучше распоряжаться свободными деньгами: откладывать деньги или их потратить (базовая категория: откладывать)	Категориальная
V12	Накапливать личные сбережения преимущественно для того, чтобы потратить их в ближайшие несколько месяцев, или для долгосрочных целей (базовая категория: нет сбережений)	Категориальная
V13	В какой форме лучше хранить сбережения (базовая категория: преимущественно в наличной форме, в том числе в банковской ячейке)	Категориальная
V14	Уровень финансовой грамотности респондента	Количественная

Источник: составлено авторами.

предпочитают откладывать свободные средства на долгосрочные цели, а хранению наличных предпочитают счет в банке. Также получено, что люди с высшим образованием имеют инфляционные ожидания на 6,4 п.п. выше, чем люди со средним образованием и ниже. Как уже было отмечено, данный факт, полученный для российских домохозяйств, не согласуется с результатами зару-

Т а б л и ц а 2

Факторы формирования инфляционных ожиданий

T a b l e 2

Factors in Formation of Inflation Expectations

Переменная	Зависимая переменная: $\log(IE)$
<i>Возраст</i>	
V2 26–35 лет	0,112** (0,054)
V2 36–45 лет	0,015 (0,054)
V2 46–55 лет	0,050 (0,054)
V2 56 лет и старше	0,062 (0,051)
<i>Уровень образования</i>	
V3 Высшее и неполное высшее	0,064** (0,032)
V3 Среднее специальное	0,018 (0,033)
<i>Тип населенного пункта</i>	
V4 Село	0,168*** (0,034)
<i>Пол</i>	
V5 Мужской	0,038 (0,026)
<i>Уровень материального положения</i>	
V6 Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить автомашину	–0,275*** (0,081)
V6 Денег хватает на всё, кроме таких приобретений, как квартира, дом	–0,162* (0,088)
V6 На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви	0,011 (0,078)
V6 На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники	–0,162** (0,076)
<i>Оценка респондентом того, какими будут следующие пять лет для экономики страны</i>	
V7 Не хорошими, но и не плохими	0,026 (0,030)
V7 Хорошими	–0,112*** (0,038)
<i>Изменение материального положения домохозяйства за последний год</i>	
V8 Осталось без изменения	–0,543*** (0,072)
V8 Улучшилось	–0,487*** (0,078)
V8 Ухудшилось	–0,507*** (0,070)
<i>Изменение материального положения домохозяйства в течение следующего года</i>	
V9 Останется без изменения	–0,361*** (0,033)
V9 Скорее улучшится	–0,396*** (0,047)

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 2

Переменная	Зависимая переменная: $\log(IE)$
<i>Насколько хорошее сейчас время для сбережений</i>	
V10 Ни хорошее, ни плохое	0,012 (0,029)
V10 Хорошее	-0,064 (0,040)
<i>Как лучше использовать свободные деньги</i>	
V11 Потратить деньги	0,038 (0,028)
<i>Цели сбережений</i>	
V12 На ближайшие месяцы	-0,043 (0,034)
V12 На долгосрочные цели	-0,077** (0,035)
<i>Форма сбережений</i>	
V13 Преимущественно на счете в банке	-0,149*** (0,037)
V13 Приблизительно пополам на счете в банке и в наличной форме	-0,119*** (0,034)
<i>Финансовая грамотность</i>	
V14 Уровень финансовой грамотности	-0,002*** (0,001)
Constant	4,174*** (0,110)
Число наблюдений	4426
R^2	0,120
Скорректированный R^2	0,115
Остаточная стандартная ошибка	0,837 (df = 4398)
F-статистика	22,275*** (df = 27; 4398)

Примечание. 1. В скобках указаны робастные стандартные ошибки. 2. Уровни значимости коэффициентов: * — $p < 0,1$; ** — $p < 0,05$; *** — $p < 0,01$.

Источник: составлено авторами.

бежных исследований. Возможно, это связано с тем, что широкая доступность высшего образования России не гарантирует его высокого качества. Кроме того, завышенные инфляционные ожидания могут иметь люди с качественным, но не экономическим высшим образованием. Чтобы понять, стабильна ли эта тенденция во времени и отражает ли она особенности российского образования, необходимо исследовать аналогичную взаимосвязь в последующих опросах. В регрессионном анализе, в отличие от статистического, появилась значимая взаимосвязь инфляционных ожиданий и типа населенного пункта: люди, проживающие в сельской местности, ожидают, что уровень будущей инфляции окажется в среднем на 16,8 п.п. выше, чем горожане.

Расхождения в выводах статистического и регрессионного анализов в первую очередь связаны с выборками, для которых были выявлены те или иные взаимосвязи. Так, выборка, на которой

оценивалась регрессия, сократилась в результате преобразования первичных данных (удаление незначимых ответов, таких как «затрудняюсь ответить», и т. д.) и содержит меньше наблюдений, чем представлено в каждом из вопросов в Приложении 1. Таким образом, статистики считаются по каждой переменной в отдельности и имеют больше наблюдений, чем в выборке, на которой оценивалась регрессия. Тем не менее в выводах мы будем опираться именно на оценки регрессии как на более точные результаты.

Заключение

В работе проведен статистический и регрессионный анализ показателей инфляционных ожиданий, представленных в ОФД. Основными факторами формирования инфляционных ожиданий оказались социально-демографические характеристики, показатель материального положения и показатель ожидания его изменения. Так, результаты анализа показали, что инфляционные ожидания в среднем ниже у людей с более высоким доходом. Более того, было выявлено, что чем хуже индивид оценивает перспективы своего будущего материального положения, тем выше его инфляционные ожидания.

Также была проанализирована взаимосвязь оценок ожидаемой инфляции с показателем финансовой грамотности. Для каждого респондента был рассчитан индекс финансовой грамотности на основе вопросов, выявляющих экономическую и математическую подготовку индивида. В результате получилось, что инфляционные ожидания респондентов снижаются с ростом уровня его финансовой грамотности.

Показано, что инфляционные ожидания респондентов связаны с их сберегательным и потребительским поведением. С одной стороны, у респондентов с более высокими инфляционными ожиданиями в среднем сбережения отсутствуют. Они предпочитают тратить деньги, вместо того чтобы сберегать их. Также они предпочитают хранить деньги в ликвидной форме — наличными, в то время как индивиды с низкими инфляционными ожиданиями хранят деньги преимущественно на счете в банке. С другой стороны, такое поведение индивидов может говорить о недостаточном доходе для откладывания денег в сберегательных целях, что также согласуется с выводом о том, что наиболее высокие инфляционные ожидания у респондентов с более низким уровнем материального положения.

В целом решения респондентов ОФД относительно потребления и приобретения финансовых активов в зависимости от уровня инфляционных ожиданий вполне рациональны. Анализ данных обследования показал, что более высокие инфляционные

ожидания могут транслироваться в потребительское и сберегательное поведение индивидов. Полученные результаты служат еще одним аргументом в пользу необходимости поддержания ценовой и финансовой стабильности, а также повышения уровня финансовой грамотности населения.

Для получения более точной модели в дальнейшем анализе возможно добавление такого регрессора, как текущее восприятие инфляции респондентами, а также других макропеременных. Что касается зависимой переменной — оценки инфляционных ожиданий, то интерпретация оценок этого показателя также требует дополнительного исследования и более детальной проработки. И использованные в статье количественные оценки инфляционных ожиданий принадлежат непрофессиональным прогнозистам — домохозяйствам, поэтому могут быть смещены. Для минимизации проблемы со смещением оценок и сокращением выборки в результате отсутствия реакции на вопросы, предполагающие количественный ответ, в дальнейших исследованиях в качестве зависимой переменной было бы полезно использовать более понятные для респондентов качественные оценки ожидаемой инфляции или количественные оценки, заданные в виде интервалов.

Приложение 1

Распределения инфляционных ожиданий респондентов в опросах ООО «инФом» и ОФД

Appendix 1

Distribution of Respondents' Inflation Expectations in the InFOM Survey and SHF

Расчет медиан по данным ОФД (табл. П1 и П2), если не указано иное, проводился по интервалам. Ответы респондентов разбивались на те же интервалы и использовалась та же методика расчета, что и в опросе ООО «инФом»⁷.

Для проверки полученных выводов о различии инфляционных ожиданий было проведено тестирование гипотез о равенстве медиан у подгрупп респондентов по возрасту, материальному положению, ожиданиям относительно личного материального положения на год вперед, ожиданиям относительно экономической ситуации в стране на пять лет, располагаемому доходу, форме и цели сбережений и по уровню финансовой грамотности. Для результатов ОФД гипотеза о равенстве медиан отвергается по первым четырем вопросам. Для остальных вопросов гипотеза о равенстве медиан от-

⁷ Методика расчета медианных значений инфляционных ожиданий приведена в Приложении 1 Краткого отчета ООО «инФом».

Т а б л и ц а П 1

Table A 1

Медианы инфляционных ожиданий по подгруппам респондентов: свод опросов (часть 1)

Median Inflation Expectations Across Various Groups of Respondents (Part 1)

Показатель	Варианты ответов	ОФД (март — сентябрь 2022)			Опрос ООО «инФОМ» (в среднем за март — сентябрь 2022)			Разность в уровнях инфляционных ожиданий, ОФД — ООО «инФОМ» (п.п.)
		ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	соотношение по подвыборке содержательных ответов (%)	ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	соотношение по подвыборке содержательных ответов	
Пол	Мужской	17,6	2711 (22)	41	12,4	807 (40)	45	5,2
	Женский	18,6	3864 (32)	59	13,5	673 (33)	55	5,1
Образование	Ниже среднего	16,9	1225 (10)	19	10,7	72 (4)	6	6,2
	Среднее общее	17,4	1415 (12)	22	10,7	311 (15)	23	6,7
	Среднее специальное	19,5	1730 (14)	26	13,0	574 (28)	40	6,5
	Высшее	18,3	2199 (18)	33	14,7	523 (26)	32	3,6
Возраст	18–30 лет	16,2	542 (4)	8	10,7	357 (18)	21	5,5
	31–45 лет	17,7	1142 (9)	17	13,5	434 (22)	27	4,2
	46–60 лет	18,7	3013 (25)	46	14,2	339 (17)	23	4,5
	старше 60 лет	19,8	1878 (15)	29	13,5	350 (17)	29	6,3
Размер домохозяйства	1 чел.	17,8	771 (6)	19	13,0	287 (14)	21	4,8
	2 чел.	20,4	1371 (11)	33	13,4	425 (21)	29	7,0
	3 чел.	17,8	955 (8)	23	12,9	330 (16)	23	4,9
	4 чел.	17,3	640 (5)	15	12,7	258 (13)	16	4,6
	5 чел. и более	16,8	416 (3)	10	12,1	167 (8)	11	4,7

Продолжение таблицы П 1

Показатель	Варианты ответов	ОФД (март — сентябрь 2022)			Опрос ООО «инФОМ» (в среднем за март — сентябрь 2022)			Разность в уровнях инфляционных ожиданий, ОФД — ООО «инФОМ» (п.п.)
		ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	соотношение по подвыборке содержательных ответов (%)	ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	соотношение по подвыборке содержательных ответов	
Размер населенного пункта	ПГТ, село	17,6	1296 (11)	20	12,7	416 (21)	29	4,9
	Город с насе- лением менее 100 тыс. чел.	16,1	1233 (10)	19	12,2	297 (15)	20	3,9
	Город с насе- лением от 100 до 500 тыс. чел.	18,3	1025 (8)	16	13,2	285 (14)	19	5,1
	Город с населением от 500 тыс. до 1 млн чел.	20,5	1287 (11)	20	13,3	144 (7)	10	7,2
	Город с населением 1 млн чел. и более	21,7	946 (8)	14	13,4	203 (10)	13	8,3
Материальное положение домохозяйства	Москва	16,4	779 (6)	12	13,4	135 (7)	9	3,0
	Денег не хватает даже на питание	23,4	235 (2)	4	20,9	113 (6)	8	2,5
	На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви	23,8	1378 (11)	21	15,2	302 (15)	23	8,6

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы П 1

Показатель	Варианты ответов	ОФД — сентябрь 2022)			Опрос ООО «инФОМ» (в среднем за март — сентябрь 2022)			Разность в уровнях инфляционных ожиданий, ОФД — ООО «инФОМ» (п.п.)
		ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	соотношение по подвыборке содержательных ответов (%)	ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	соотношение по подвыборке содержательных ответов	
Материальное положение домохозяйства (окончание)	На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники	17,8	3169 (26)	49	13,5	531 (26)	35	4,3
	Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить автомашину	14,9	1132 (9)	17	11,7	275 (14)	18	3,2
	Денег хватает на всё, кроме таких приобретений, как квартира, дом	16,7	513 (4)	8	10,0	204 (10)	12	6,7
	Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы купить квартиру, дом	12,2	44 (1)	1	7,9	46 (2)	3	4,3

Источник: составлено авторами.

Т а б л и ц а П 2

Т a b l e A 2

Медианы инфляционных ожиданий по подгруппам респондентов: свод опросов (часть 2)

Median Inflation Expectations Across Various Groups of Respondents (Part 2)

Вопрос	Варианты ответов	ОФД (март — сентябрь 2022)		Опрос ООО «инФОМ» (в среднем за март — сентябрь 2022)		Разность в уровнях инфляционных ожиданий, ОФД — ООО «инФОМ» (п.п.)
		ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	
Хорошее ли сейчас время, чтобы делать сбережения?	Плохое	19,6	2415 (20)	16,6	579 (29)	3,0
	Ни хорошее, ни плохое	18,4	2854 (23)	12,2	442 (22)	6,2
	Хорошее	15,4	1085 (9)	9,4	357 (18)	6,0
Хорошее ли сейчас время для крупных покупок для дома?	Плохое			15,7	674 (33)	
	Не хорошее, но и не плохое			11,7	557 (28)	
	Хорошее			9,2	172 (9)	
Для крупных покупок в кредит или в долг сейчас в целом хорошее время?	Плохое	17,0	3757 (31)			
	Ни хорошее, ни плохое	21,1	2065 (17)			
	Хорошее	17,5	548 (5)			
Какими будут следующие 5 лет для экономики?	Плохими	22,9	2164 (18)	21,3	229 (11)	1,6
	Не хорошими, но и не плохими	18,8	2481 (20)	12,9	581 (29)	5,9
	Хорошими	12,6	1237 (10)	8,7	446 (22)	3,9
Изменилось ли материальное положение за год?	Ухудшилось	22,3	2560 (21)	17,5	519 (26)	4,8
	Осталось без изменений	16,3	3088 (25)	11,5	740 (37)	4,8
	Улучшилось	16,5	902 (7)	9,2	204 (10)	7,3

Вопрос	Варианты ответов	ОФД (март — сентябрь 2022)		Опрос ООО «инФОМ» (в среднем за март — сентябрь 2022)		Разность в уровнях инфляционных ожиданий, ОФД — ООО «инФОМ» (п.п.)
		ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	ожидаемая инфляция через 12 месяцев (% г/г)	количество ответивших (в скобках — доля от всех респондентов (%))	
Как изменится материальное положение в следующем году?	Скорее ухудшится	27,4	1780 (15)	20,4	345 (17)	7,0
	Останется без изменения	15,9	3433 (28)	11,5	554 (27)	4,4
В какой форме сейчас лучше хранить сбережения?	Скорее улучшится	14,8	864 (7)	9,0	364 (18)	5,8
	На счете в банке			11,7	547 (27)	
	Частично в банке, частично в наличной форме			12,9	196 (10)	
	В наличной форме			13,3	511 (25)	
Тем людям, у которых есть сбережения, в какой форме сейчас лучше их хранить?	В другой форме			15,6	110 (5)	
	Преимущественно на счете в банке	17,5	1993 (16)			
	Приблизительно пополам на счете в банке и в наличной форме	18,3	2720 (22)			
	Преимущественно в наличной форме, в том числе в банковской ячейке	16,5	1319 (11)			

Примечание. С целью сопоставимости результатов по двум опросам расчет медианных значений инфляционных ожиданий производился на основе следующих вопросов из индивидуальной анкеты: К73. Как, по Вашему мнению, в целом изменятся цены на продукты питания, непродовольственные товары и услуги в течение следующих 12 месяцев? К74. На сколько процентов, по Вашему мнению, вырастут цены в течение следующих 12 месяцев?

Источник: составлено авторами.

вергается как минимум для крайних категорий, имеющих наибольшее и наименьшее значение инфляционных ожиданий. В вопросе о варианте использования свободных денег было проведено тестирование о равенстве средних значений и получено статистически значимое различие между средними значениями в двух подгруппах. Для опроса ООО «инФОМ» тестирование проводилось для волн опросов, пересекающихся с датами проведения ОФД (март — сентябрь 2022 года), а также для предшествующего периода с июня 2021 по февраль 2022 года. По результатам тестирования гипотеза о равенстве медиан отвергается по всем указанным волнам опроса и всем вопросам, кроме вопроса о возрасте. Для разных групп респондентов по возрасту гипотеза о равенстве медиан не отвергается только в апреле и марте 2022 года.

Приложение 2

Методология построения индекса финансовой грамотности для ОФД

Appendix 2

Methodology of the SHF Financial Literacy Index

Для определения уровня финансовой грамотности респондентов оценивались их ответы на 13 вопросов: 9 по экономической грамотности и 4 — по математической грамотности. В табл. ПЗ включены вопросы, которые, по мнению авторов, в наибольшей степени характеризуют способность респондентов принимать рациональные экономические решения. Итоговый индекс финансовой грамотности рассчитывался как отношение набранных баллов к числу вопросов, на которые был дан ответ. При этом если в вопросе Т21 респондентом был выбран вариант ответа: «Никогда не приобретал(а) финансовых услуг, требующих подписания договора», — то для таких респондентов данный вопрос не учитывался.

Таблица ПЗ

Список вопросов для оценки уровня финансовой грамотности респондентов

Table A3

Questions for Measuring Financial Literacy

Формулировка вопроса	Экономическая/ математическая грамотность	Оценка
Т2. Как Вы думаете, что из перечисленного страхуется государственной системой страхования вкладов?	Экономическая	1 балл за правильный ответ
Т3. Какова максимальная сумма вклада в российском банке, которая полностью застрахована государством?	Экономическая	1 балл за правильный ответ

Продолжение таблицы ПЗ

Формулировка вопроса	Экономическая/ математическая грамотность	Оценка
Т4. Выберите утверждение, которое, с Вашей точки зрения, является верным. Как связаны доходность и риск?	Экономическая	1 балл за правильный ответ
Т5. Скажите, пожалуйста, как Вы думаете, что такое ключевая ставка? Выберите один ответ	Экономическая	1 балл за правильный ответ
Т6. Скажите, пожалуйста, Вы следите за тем, как изменяются ставки по кредитам населению?	Экономическая	1 балл за ответ «Да» при условии, что в Т7 — правильный ответ
Т7. Как Вы считаете, по сравнению с тем, что было 2 года тому назад, ставки по кредитам стали ниже, не изменились или стали выше?	Экономическая	1 балл за правильный ответ
Т8. Скажите, пожалуйста, Вы следите за тем, как изменяются проценты по вкладам в банках для населения?	Экономическая	1 балл за ответ «Да» при условии, что в Т9 — правильный ответ
Т9. Как Вы считаете, по сравнению с тем, что было 2 года тому назад, проценты по вкладам для населения стали ниже, не изменились или стали выше?	Экономическая	1 балл за правильный ответ
Т21. Какое из утверждений больше всего соответствует тому, как Вы обычно подписываете договоры при приобретении финансовых услуг в банках, страховых компаниях, пенсионных фондах, управляющей компании и в ПИФ и т. п. Например, открываете счет, берете кредит, покупаете страховку или приобретаете другие финансовые услуги	Экономическая	1 балл за правильный ответ (варианты 3 или 4 — правильные)
Т22. Итак, предположим, что Вы положили 100 000 руб. на счет в банк на 2 года под 8% в год. Сколько денег будет на Вашем счете через 2 года, если Вы не будете снимать деньги со счета или пополнять свой счет?	Математическая	1 балл за правильный ответ
Т24. Представьте себе, что год назад Вы положили деньги на счет со ставкой 8% в год, а уровень инфляции за год составил 10%. Как Вы думаете, сегодня на деньги, которые есть на Вашем счете, в среднем можно купить больше, меньше или столько же товаров и услуг, что и год назад?	Математическая	1 балл за правильный ответ
Т25. Предположим, что за 2022 год Ваш доход вырастет в 2 раза, но при этом также в 2 раза вырастут цены на все товары и услуги. Как Вы думаете, Вы сможете купить больше, меньше или столько же товаров и услуг, как в 2021 году?	Математическая	1 балл за правильный ответ

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы П 3

Формулировка вопроса	Экономическая/ математическая грамотность	Оценка
T26. Предположим, что Вы увидели телевизор одной и той же модели на распродаже в двух разных магазинах. Первоначальная цена телевизора в каждом из магазинов составляла 10 000 руб. В одном магазине предлагается скидка в 1500 руб. с первоначальной цены, а в другом — 10% с первоначальной цены. Что выгоднее — скидка в 1500 рублей или в 10%?	Математическая	1 балл за правильный ответ

Источник: составлено авторами.

References

1. Aguiar M. A., Bils M., Boar C. Who Are the Hand-To-Mouth? *NBER*, Working Paper no. 26643, 2020.

2. Angelico C., Di Giacomo F. Heterogeneous Inflation Expectations and Forecast Errors Across the Income Distribution: The Role of Memory. *SSRN*, Working Papers no. 3369121, 2019.

3. Armantier O., Bruine de Bruin W., Topa G., Van Der Klaauw W., Zafar B. Inflation Expectations and Behavior: Do Survey Respondents Act on Their Beliefs? *International Economic Review*, 2015, vol. 56(2), pp. 505-536. DOI: 10.1111/iere.12113.

4. Blanchflower D. G., MacCoille C. The Formation of Inflation Expectations: An Empirical Analysis for the UK. *NBER*, Working Paper no. 15388, 2009.

5. Bruine de Bruin W., Vanderklaauw W., Downs J. S., Fischhoff B., Topa G., Armantier O. Expectations of Inflation: The Role of Demographic Variables, Expectation Formation, and Financial Literacy. *Journal of Consumer Affairs*, 2010, vol. 44(2), pp. 381-402. DOI: 10.1111/j.1745-6606.2010.01174.x.

6. Coibion O., Gorodnichenko Y., Kumar S., Pedemonte M. Inflation Expectations as a Policy Tool? *Journal of International Economics*, 2020, vol. 124, pp. 1-27. DOI:10.1016/j.jinteco.2020.103297.

7. Coibion O., Gorodnichenko Y., Weber M. Monetary Policy Communications and Their Effects on Household Inflation Expectations. *Journal of Political Economy*, 2022, vol. 130(6), pp. 1537-1584. DOI: 10.1086/718982.

8. Conrad C., Enders Z., Glas A. The Role of Information and Experience for Households' Inflation Expectations. *European Economic Review*, 2022, vol. 143. DOI: 10.1016/j.euroecorev.2021.104015.

9. D'Acunto F., Hoang D., Paloviita M., Weber M. IQ, Expectations, and Choice. *The Review of Economic Studies*, 2023, vol. 90(5), pp. 2292-2325.

10. D'Acunto F., Malmendier U., Ospina J., Weber M. Exposure to Grocery Prices and Inflation Expectations. *Journal of Political Economy*. 2021, vol. 129(5), pp. 1615-1639.

11. D'Acunto F., Malmendier U., Ospina J., Weber M. Salient Price Changes, Inflation Expectations, and Household Behavior. *SSRN*, Working Papers no. 3373120, 2019. DOI: 10.2139/ssrn.3373120.

12. D'Acunto F., Malmendier U., Weber M. What Do the Data Tell Us About Inflation Expectations? *NBER*, Working Paper no. 29825, 2023, pp. 133-161.

13. Das A., Lahiri K., Zhao Y. Inflation Expectations in India: Learning From Household Tendency Surveys. *International Journal of Forecasting*, 2019, vol. 35(3), pp. 980-993. DOI: 10.1016/j.ijforecast.2019.03.007.

14. Fritzer F., Rumler F. Determinants of Inflation Perceptions and Expectations: An Empirical Analysis for Austria. *Monetary Policy & the Economy*, 2015, vol. 1, pp. 11-26.

15. Grishchenko V. O., Gasanova D. I., Fomin E. V., Korenyak G. V. Visible Prices and Their Influence on Inflation Expectations of Russian Households. *Bank of Russia*, Working Papers no. 117, 2023.
16. Kaplan G., Schulhofer-Wohl S. Inflation at the Household Level. *Journal of Monetary Economics*, 2017, vol. 91, pp. 19-38. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2017.08.002.
17. Karlova N. A., Puzanova E. V., Bogacheva I. V., Morozov A. G. How Are Inflation Expectations of Enterprises Formed: Survey Results. *Studies on Russian Economic Development*, 2020, vol. 31(5), pp. 522-532. DOI: 10.1134/S1075700720050093.
18. Link S., Peichl A., Roth C., Wohlfart J. Information Frictions Among Firms and Households. *Journal of Monetary Economics*, 2023, vol. 135, pp. 99-115. DOI: 10.1016/j.jmoneco.2023.01.005.
19. Manski C. F., Molinari F. Rounding Probabilistic Expectations in Surveys. *Journal of Business & Economic Statistics*, 2010, vol. 28(2), pp. 219-231.
20. Rondinelli C., Zizza R. Spend Today or Spend Tomorrow? The Role of Inflation Expectations in Consumer Behaviour. *Bank of Italy*, Temi di Discussione Working Paper no. 1276, 2020. DOI:10.32057/0.TD.2020.1276.
21. Vellekoop N., Wiederholt M. Inflation Expectations and Choices of Households. *Leibniz Institute for Financial Research*, SAFE Working Paper no. 250, 2019. DOI:10.2139/ssrn.3383452.
22. Weber M., D'Acunto F., Gorodnichenko Y., Coibion O. The Subjective Inflation Expectations of Households and Firms: Measurement, Determinants, and Implications. *Journal of Economic Perspectives*, 2022, vol. 36(3), pp. 157-184. DOI:10.1257/jep.36.3.157.

Региональная экономика

Туризм и модернизация в республиках Северного Кавказа — новые возможности догоняющего развития

Ирина Викторовна Стародубровская

ORCID: 0000-0002-7073-5905

Кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник,
Центр региональных исследований
и урбанистики, Институт прикладных
экономических исследований,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82)
E-mail: irinavstar@gmail.com

Даниил Андреевич Ситкевич

ORCID: 0000-0002-6498-1747

Кандидат экономических наук,
младший научный сотрудник, Центр
региональных исследований и урбанистики,
Институт прикладных экономических
исследований, Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
(РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82);
научный сотрудник лаборатории
институционального анализа, экономический
факультет, МГУ им М. В. Ломоносова
(РФ, 119991, Москва, Ленинские Горы, 1/46)
E-mail: dasitkevich@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется влияние туристического бума на процессы догоняющего развития на Северном Кавказе. Рассматривается реакция на рост туристического спроса модернизации сверху, предполагающей ведущую роль государства в развитии отстающих регионов, и модернизации снизу, основанной на ключевой роли рыночно ориентированного частного бизнеса. Анализ показывает, что обе модели достаточно адекватно отреагировали на новые возможности и вызовы, связанные с туристическим бумом. Государственные институты развития способствовали наращиванию мощности управляемых ими горнолыжных курортов, показывающих гораздо лучшую динамику, чем курорты без единой управляющей компании. Частный бизнес смог практически с нуля создать сектор экскурсионных и этнотуров, обеспечить разнообразие туристических аттракций и приспособление услуг к запросам отдыхающих. Для повышения качества обслуживания туристов и борьбы с оппортунистическим поведением контрагентов бизнесом были задействованы новые институциональные инструменты. Две модели модернизации демонстрируют также симбиотические взаимосвязи: растущие горнолыжные курорты активно привлекают частный бизнес, предприниматели корректируют допущенные при планировании курортов ошибки. В то же время в условиях растущего спроса проявляются и свойственные данным моделям слабости. Так, ответственный за северокавказский туризм институт развития пока не нашел оптимальных инструментов координации деятельности с органами управления окружающих курорты территорий и частным бизнесом. Государство также не полностью справляется с задачей формирования условий для успешного развития частного бизнеса, особенно если это требует инвестиций или управленческого вмешательства на уровне выше регионального.

Ключевые слова: экономическое развитие, индустрия гостеприимства, институты развития, горнолыжные курорты, малый бизнес.

JEL: L52, O25, R58.

Regional Economics

Tourism and Modernization in the Northern Caucasus Republics — New Opportunities for Catch-up Development

Irina V. Starodubrovskaya

ORCID: 0000-0002-7073-5905

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher,
Center for Regional Research
and Urbanism, Institute of Applied
Economic Research RANEPA,^a
e-mail: irinavstar@gmail.com

Daniil A. Sitkevich

ORCID: 0000-0002-7073-5905

Cand. Sci. (Econ.), Researcher,
Center for Regional Research and Urbanism,
Institute of Applied Economic Research RANEPA;^a
Researcher, Laboratory of Institutional Analysis,
Lomonosov Moscow State University,^b
e-mail: dasitkevich@gmail.com

^a 82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571,
Russian Federation

^b 1–46, Leninskie Gory, Moscow, 119234,
Russian Federation

Abstract

The article analyzes the impact of the tourism boom on catch-up development in the Northern Caucasus and examines how “modernization from above,” which emphasizes the state’s role in improving underdeveloped regions, and “modernization from below,” which sees the role of market-oriented private business as crucial, accommodate the increasing demand for tourism. Both models have responded quite effectively to the new opportunities and challenges presented by the tourism boom. State institutions charged with development have contributed to increased capacity at the ski resorts under their management, which have shown significantly better results than resorts that do not operate under a single company. Private business, however, was able to create a market for excursions and ethno-tours almost from scratch by providing a variety of tourist attractions and adapting services to tourists’ requirements. In order to improve the quality of tourism and counteract opportunistic behavior by contractors, businesses have applied new institutional tools. The two modernization models also exhibit some symbiotic relationships. For example, expanding ski resorts attract private businesses while entrepreneurs often compensate for mistakes made in planning resorts. Nevertheless, the weaknesses of these models when stressed by growing demand are also evident. In one instance, the development institute responsible for Northern Caucasus tourism has not yet found optimal ways to coordinate its activities with the authorities of the districts adjacent to the resorts or with private businesses. The state is also not fully capable of promoting successful development of private business, especially if this requires investment or administrative intervention above the regional level.

Keywords: economic development, hospitality industry, development institutions, ski resorts, small business.

JEL: L52, O25, R58.

Acknowledgements

This study has been undertaken as part of the 2024 research plan of RANEPA.

Введение

Обеспечение догоняющего развития северокавказских регионов не просто требует рутинных практических действий, но и предполагает решение ряда сложных концептуальных задач. Еще на этапе разработки Стратегии развития СКФО в начале 2010-х годов один из авторов настоящей статьи предложил использовать в качестве теоретической рамки для анализа процессов догоняющего развития две модели: модернизация сверху и модернизация снизу. Эти модели различаются своими исходными допущениями, а именно пониманием основных драйверов экономического развития и роли государства в стимулировании модернизации. Модернизация сверху исходит из того, что в регионах недостаточно внутреннего потенциала для догоняющего развития и его возможно обеспечить лишь за счет крупных инвестиций извне. В рамках этой модели государство само определяет приоритеты и устанавливает стимулы и правила игры для крупных инвесторов, которые рассматриваются как его основные партнеры, обеспечивающие позитивные сдвиги на экономически отсталых территориях. Модернизация снизу опирается на развитие бизнеса, в том числе мелкого и среднего, в самих регионах догоняющего развития, и этот бизнес самостоятельно формирует предпринимательские проекты, ориентируясь на рыночные стимулы. Однако это не означает, что государство в рамках описанной модели не играет существенной роли. Только эта роль принципиально иная — не служить демиургом развития, но создавать наиболее благоприятные условия для предпринимательства и снимать барьеры на пути его роста.

Оценке практики реализации, перспектив и сравнительной эффективности данных моделей были посвящены две статьи [Стародубровская и др., 2021; Стародубровская, Ситкевич, 2022]. Настоящая работа продолжает серию публикаций по этой проблематике. Ее основной исследовательский вопрос — оценка реакции в рамках модернизации сверху и модернизации снизу на резкое увеличение спроса в сфере туризма. Взрывной рост туристического спроса выступил своеобразным внешним шоком, проверкой того, насколько альтернативные модели модернизации способны оперативно приспосабливаться к новым условиям, использовать появившиеся возможности, отвечать на непривычные вызовы — их сравнительная эффективность в статье оценивается именно с этой точки зрения. Гибкость и адаптивность — важнейшие характеристики моделей догоняющего развития, которые многое могут сказать об их результативности.

1. Туризм и модернизация: обзор литературы

Влияние развития индустрии гостеприимства на модернизационные процессы является широко обсуждаемой в научной и экспертной литературе темой. Связано это в первую очередь с тем, что туристический сектор способствует экономическому развитию. Так, анализ на страновых данных демонстрирует положительную причинно-следственную связь между количеством туристов, темпами роста ВВП [Brida et al., 2016] и объемом внешних инвестиций [Sokhanvar, Jenkins, 2021]. Индустрия гостеприимства также способствует росту объемов выпуска в иных сегментах экономики в рамках эффекта туристического мультипликатора. Этот эффект проявляется в целом ряде секторов: от сельского хозяйства, текстильной отрасли и строительства [Balaguer, Cantavella-Jordá, 2002] до производства высокотехнологичных товаров, необходимых для создания туристического продукта [Cai et al., 2019].

В контексте модернизации особенно важно, что позитивные последствия развития индустрии гостеприимства наиболее ярко проявляются в странах с низким и средним уровнями дохода. Если в развитых странах исследователи ассоциируют рост туристического сектора с ухудшением качества рабочей силы [Di Liberto, 2013] и отмечают слабый эффект туристического мультипликатора [Aratuo, Etienne, 2019], то в менее экономически благополучных странах наблюдаются другие тенденции. Здесь создание туристического продукта является перемещением вверх по цепочке добавленной стоимости [Balaguer, Cantavella-Jordá, 2002]; индустрия гостеприимства положительно влияет на средний уровень квалификации рабочей силы [Adamou, Clerides, 2010], чем могут пользоваться и другие предприятия сферы услуг.

Модернизационный потенциал индустрии гостеприимства проявляется не только в ускоренном экономическом развитии, но и в социальных трансформациях. Так, с одной стороны, туризм может способствовать изменению потребительских предпочтений местных жителей и заимствованию ими образа жизни туристов из развитых стран [Yu et al., 2016]. С другой стороны, появление индустрии гостеприимства создает условия для активизации локальной идентичности, что способствует совершению коллективных действий, например инициации и реализации проектов по развитию городских пространств [Scheyvens, 1999]. Рост турпотока создает также стимулы для обновления городской среды — от реконструкции улиц до появления сервисного бизнеса в бывших промзонах [Kim, Kim, 2021]. При этом далеко не все эффекты от роста туристического потока эксперты считают позитивными

для модернизирующихся обществ. В частности, развитие индустрии гостеприимства может быть связано с повышением уровня имущественного неравенства (те, кто обслуживают туристический сектор, начинают зарабатывать больше остальных) [Ghosh, Mitra, 2021], ростом числа конфликтов между туристами и местными жителями, вызванных культурными различиями [Archer et al., 2004], увеличением загруженности дорог и объемов мусора [Mateu-Sbert et al., 2013].

Учитывая описанные ранее положительные эффекты от развития туризма, многие государства закономерно рассматривают индустрию гостеприимства как один из возможных драйверов развития и модернизации, а поддержку туристического сектора — как приоритет экономической политики. При этом представленные в литературе примеры демонстрируют, что далеко не все меры поддержки отрасли ведут к долгосрочным положительным результатам. Так, практика выявила недостаточную эффективность следующих мер.

- Поддержка спроса. Субсидирование цен на турпутевки может оказать умеренное позитивное влияние на количество отдыхающих в периоды катаклизмов, например стихийных бедствий или эпидемий [Matsuura, Saito, 2022]. Однако в ситуациях, когда этот инструмент государственной политики применяется вне чрезвычайных ситуаций, он демонстрирует свою неэффективность — количество отдыхающих не растет, а государственные субсидии лишь замещают расходы домохозяйств.
- Создание с нуля новых мест притяжения туристов. В научной литературе распространено мнение, что государству не под силу формирование новых центров притяжения отдыхающих: потребители экскурсионных туров предпочитают аутентичные исторические достопримечательности, а создание новых природных красот невозможно [Wray, 2009]. Что касается строительства новых пляжных и горнолыжных курортов, то государство может столкнуться здесь с двумя ключевыми проблемами. Во-первых, сами проекты рекреационных зон могут быть недостаточно продуманными по причине преимущественно бюрократической, а не предпринимательской мотивации, из-за чего созданный на выделенных властями территориях курорт будет неконкурентоспособным [Cernaianu, Sobry, 2021]. Во-вторых, при появлении нового курорта возможен «эффект вытеснения» [Bresson, Logossah, 2011], когда суммарное количество тури-

стов в стране остается неизменным, а рост числа отдыхающих на новой туристической локации достигается за счет сокращения числа гостей старых курортов.

- Кластерная политика. Популярным инструментом управления курортами являются государственные туристические кластеры [Fundeanu, 2015], в которых власти стимулируют бизнес к кооперации и совершению коллективных действий по развитию курортов, например помогают в создании общественных благ. Эффективность подобной политики по созданию кластеров в научной литературе ставится под сомнение: если сами предприниматели не готовы устанавливать взаимные связи, то эффективная отдача от искусственного кластера крайне маловероятна — реальная кооперация возможна, лишь когда бизнес заинтересован во взаимодействии [Su, Hung, 2009].

Из инструментов успешной поддержки индустрии гостеприимства можно выделить следующие.

- Обустройство рекреационных зон. В то время как создание с нуля новых центров притяжения туристов не дает ощутимых результатов, работы по обустройству действующих или запланированных бизнесом рекреационных зон, напротив, демонстрируют позитивные эффекты. В случае с экскурсионным туризмом к такого рода эффективным мерам относятся уход за объектами культурного и природного наследия [Zhang et al., 1999], а также участие местных властей в разработке экскурсионных маршрутов, доступ к которым открыт всем частным фирмам [Wray, 2009]. Считается, что такие меры делают развитие отрасли более устойчивым: муниципальные власти в большей степени будут учитывать представления избирателей о том, как должен выглядеть туристический сектор в их городе или поселке, что снижает риски неприятия индустрии гостеприимства со стороны местных жителей.

В случае горнолыжного и пляжного отдыха речь может идти о помощи в строительстве дорогостоящей туристской инфраструктуры, создание которой не под силу малому и среднему частному бизнесу: канатных дорог на горных склонах [Weiermair et al., 2008], оборудованных пляжей и систем очистки воды [Turpen, 2000]. Частым инструментом реализации таких проектов являются государственно-частные партнерства, в которых власти берут на себя строительство

капиталоемкой инфраструктуры, а бизнес — открытие гостиниц и предоставление иных услуг отдыхающим [Weiermair et al., 2008]. Другая распространенная мера — программы субсидирования строительства капиталоемких объектов, когда часть расходов по строительству канатных дорог берет на себя государство, а часть — бизнес, которому созданная инфраструктура в итоге переходит в собственность [Berard-Chenu et al., 2022].

- Развитие транспортной инфраструктуры. Государство эффективно также в выполнении функции создания общественных благ, находящихся за пределами рекреационных зон, но оказывающих влияние на туристический сектор. Подобными благами могут пользоваться не только туристы, но и местные жители. Так, пример Маврикия показывает, что развитие транспортной инфраструктуры (строительство аэропорта) способно сделать страну более привлекательной как для туристов, так и для туристического бизнеса на основе уже имеющегося потенциала [Khadaroo, Seetanah, 2007].
- Управление курортом. Государство может брать на себя ответственность за создание и функционирование управляющей компании курорта, которая будет принимать решения о его развитии и содействовать координации действий между властями, бизнесом и местными жителями. Как показывает пример шведского курорта Аре, управляющая компания помогает в создании общественных благ, в том числе и в рамках кооперации между бизнесом и государством, и учитывает пожелания местных жителей по развитию туризма [Nordin, Svensson, 2007]. Важным аспектом управления курортом является его рекламное продвижение: имеющийся опыт показывает, что грамотно выстроенная рекламная кампания может не только увеличить привлекательность курорта, но и дать сигнал бизнесу о том, что власти планируют его развивать [Fullerton, Kendrick, 2011].

Стоит также отметить, что эффективность отдельных инструментов поддержки туристического сектора зависит от того, каким образом реализуются предложенные государством меры. Так, политика субсидирования строительства гостиниц в целом демонстрирует свою эффективность, однако в случае оказания поддержки лишь отдельным крупным корпорациям, например иностранным гостиничным сетям, возможен эффект вытесне-

ния [Kusluvan, Karamustafa, 2001]. Государственные программы переподготовки кадров в сфере туризма могут быть эффективны лишь тогда, когда в стране есть площадки для обучения современным практикам в сфере туризма, в противном случае некачественное образование не приведет к улучшению сервиса [Liu, Wall, 2005].

Из анализа литературы, посвященной государственной политике поддержки туристического сектора, можно сделать вывод, что при определенных условиях и модернизация сверху, и модернизация снизу могут вносить позитивный вклад в развитие туризма, если они не выходят за рамки, в которых способны быть эффективными. Крупные государственные инвестиции в создание туристической инфраструктуры и запуск туристических проектов там, где для них сформировались условия, а в определенных контекстах и исполнение государственными структурами функций по управлению курортами способны положительно повлиять на развитие соответствующих туристических центров. В то же время стремление государственных структур искусственно формировать новые места притяжения туристов и нацеливать бизнес на участие в подобных проектах обычно приводит к провалам. Положительный эффект демонстрируют государственные вложения в создание общественных благ — востребованной предпринимателями обеспечивающей инфраструктуры, а также политика, направленная на снижение барьеров для развития бизнеса. При этом стратегия выбора победителей, искажающая конкуренцию и ухудшающая условия деятельности для фирм, не получающих государственную поддержку, редко бывает успешной.

2. Характеристики исследования

Для оценки сравнительных достоинств и недостатков моделей модернизации сверху и модернизации снизу в условиях туристического бума на Северном Кавказе использовалось несколько источников информации.

Во-первых, в 2021–2023 годах авторами было проведено полевое исследование в пяти республиках Северного Кавказа: Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии — Алании. Полевая работа включала в себя:

- серию наблюдений на четырех горнолыжных курортах СКФО (в Армхи, Архызе, Домбае и Приэльбрусье);
- 51 полуструктурированное интервью с представителями индустрии гостеприимства (организаторами туров, экс-

курсоводами, владельцами и управляющими мест коллективного размещения туристов и заведений общественного питания, водителями, а также другими предпринимателями, предоставляющими услуги туристам) в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Северной Осетии, отобранными методом снежного кома;

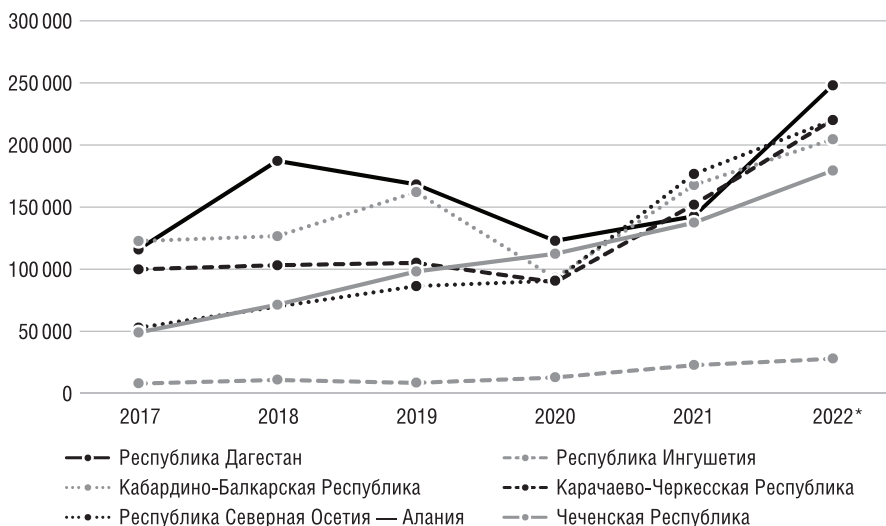
- 9 интервью с действующими или бывшими представителями региональных или муниципальных властей Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии;
- 3 интервью с представителями федеральных структур, отвечающих за развитие туризма на Северном Кавказе;
- посещение в 2023 и 2024 годах Международной выставки туризма и индустрии гостеприимства MITT, крупнейшей российской отраслевой выставки в сфере туризма, в рамках которой были заслушаны доклады и выступления представителей туристического сектора.

Во-вторых, авторами был осуществлен контент-анализ специализированных сайтов, посвященных туризму, что позволило оценить восприятие отдыхающими предлагаемого им туристического продукта. Подобного рода «нетнография» (от англ. net и ethnography), как указывает Роберт Козинец, пригодна для проведения качественных исследований восприятия клиентами товаров и услуг [Kozinets, 2002]. В качестве источника информации выступали материалы сайтов ski.ru и forum.awd.ru — самых популярных русскоязычных порталов, посвященных горнолыжному отдыху и самостоятельным путешествиям соответственно.

В-третьих, использовались статистические данные Росстата и региональных отраслевых ведомств о туристическом потоке в северокавказские республики. При этом необходимо принимать во внимание, что существующая статистика имеет значительные недостатки. Так, Росстат ведет статистику туристического потока лишь начиная с 2022 года. До этого (с 2002 года) собиралась информация об объеме номерного фонда, что позволяет анализировать более длинные временные ряды. Однако применительно к Северному Кавказу эти данные страдают неполнотой из-за недоучета незарегистрированных гостиниц, а также включают гостей региона, не являющихся туристами. Что касается региональных данных, то методология сбора статистики региональными ведомствами в открытом доступе не представлена. Тем не менее даже в таком виде имеющаяся статистика может послужить важным источником информации о трендах, которые наблюдаются в индустрии гостеприимства в СКФО.

3. Северокавказский туристический бум — динамика спроса

Как уже отмечалось во введении, с началом пандемии и ограничений на полеты в Европу Северный Кавказ наряду со многими другими регионами России столкнулся с ростом числа внутренних туристов. Это следует и из федеральной, и из региональной статистики. Так, согласно данным Росстата, представленным на рис. 1, число постояльцев в местах коллективного размещения во всех республиках СКФО после вызванного карантинном спада 2020 года выросло, а к 2022 году превысило допандемийные показатели.

Источник: Росстат, раздел «Коллективные средства размещения». <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm#>.

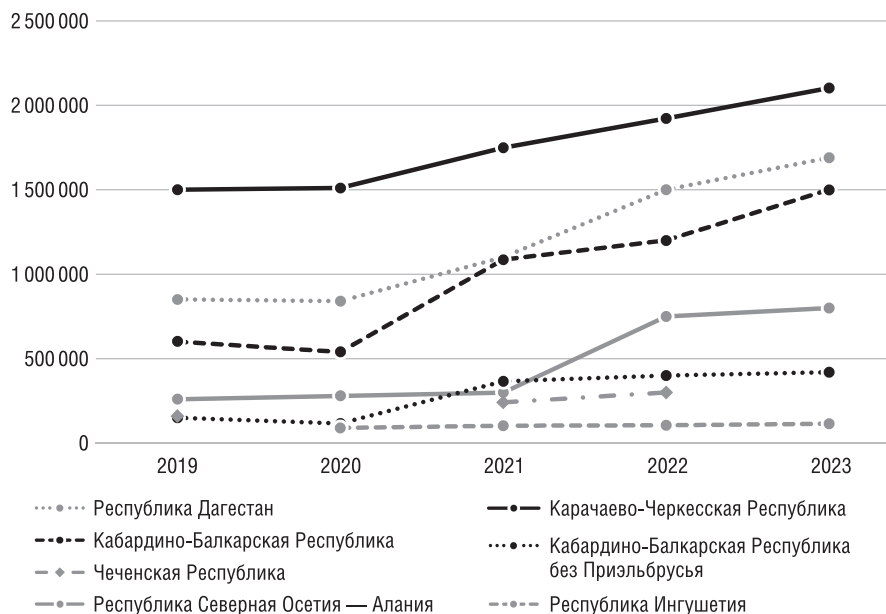
Рис. 1. Динамика количества постояльцев в местах коллективного размещения в республиках СКФО, 2017–2022 годы (чел.)

Fig. 1. Number of Guests in Shared Accommodation in the Republics of the North Caucasus Federal District (NCFD), 2017–2022 (persons)

Схожая динамика прослеживается и в региональной туристической статистике, представленной на рис. 2. Существенный рост наблюдается как в регионах, которые исторически были туристическими центрами Северного Кавказа (например, в Карачаево-Черкесии), так и на территориях, для которых туризм является новым явлением. Например, в Кабардино-Балкарии без Приэльбрусья¹ с 2019 по 2023 год объем туристического потока вырос в 2,8 раза,

¹ В отличие от остальной Кабардино-Балкарии Приэльбрусье еще с советских времен являлось популярным туристическим направлением. Развитие индустрии гостеприимства в остальных районах КБР началось недавно, и, как показывают интервью с работающими в республике фирмами, создаваемый ими туристический продукт не включает в себя отдых на горнолыжном курорте. В случае Карачаево-Черкесии рассмотрение республики без Архыза и Домбая не имеет смысла из-за незначительного туристического потока вне этих курортов.

в Северной Осетии — в 3 раза, в Дагестане — почти в 2 раза. Наименее активный рост турпотока наблюдается в Ингушетии и Чечне, но и там уровень спроса с момента начала пандемии увеличился.

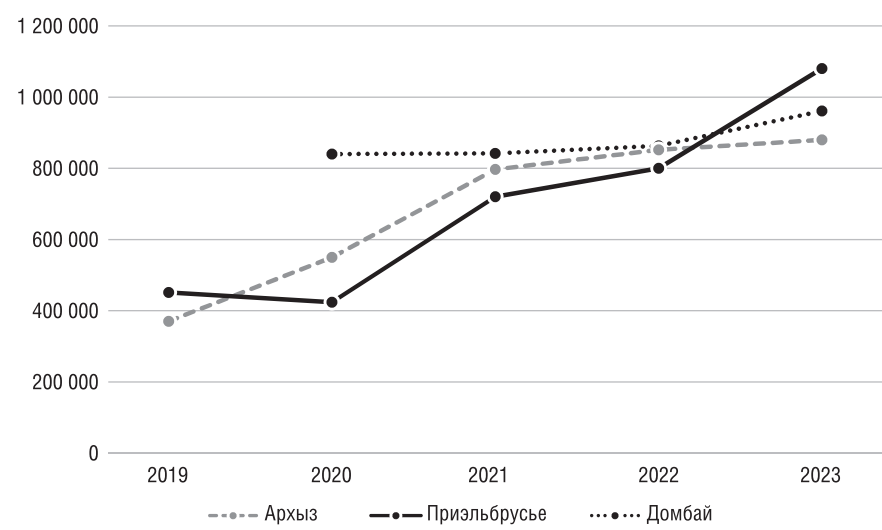

Источники: министерство курортов и туризма КБР: <https://minturizm.kbr.ru/>; министерство туризма и курортов КЧР: <http://tourismkchr.ru/>; комитет по туризму Северной Осетии: <https://tourism.alania.gov.ru/>; комитет по туризму Ингушетии: <https://ingtourcom.ru/>; министерство Чечни по туризму: <https://chechentourism.ru/>; министерство по туризму и народным художественным промыслам Дагестана: <https://mintourismrd.ru/>. Отсутствие показателя означает, что в соответствующий год статистика ведомством не публиковалась.

Рис. 2. Динамика количества туристов в регионах СКФО, 2019–2023 годы (чел.)

Fig. 2. Number of Tourists in the North Caucasus Federal District Regions, 2019–2023 (persons)

Рост спроса фиксируется как в традиционном для Северного Кавказа сегменте горнолыжного туризма, так и в ранее нетипичных для региона форматах экскурсионных туров и этнотуров. По данным региональных туристических ведомств Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, представленным на рис. 3, с момента начала туристического бума количество отдыхающих на трех крупнейших горнолыжных курортах СКФО увеличилось. Особенно значительный рост наблюдается в Архызе и Приэльбрусье: там туристический поток увеличился более чем вдвое (даже несмотря на проблемы со снегом во время зимнего сезона 2022/23 годов). Меньшие темпы роста фиксируются на Домбае, где увеличение спроса столкнулось с невозможностью серьезного расширения предложения из-за дефицита земли под строительство.

Источники: министерство курортов и туризма КБР: <https://minturizm.kbr.ru/>; министерство туризма и курортов КЧР: <http://tourismkchr.ru>.

Рис. 3. Динамика численности туристов в Архызе, Домбае и Приэльбрусье, 2019–2023 годы (чел.)

Fig. 3. Number of Tourists in Arkhyz, Dombai and Prielbrusie, 2019–2023 (persons)

Источник: Росстат, раздел «Туристский поток»: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm#>.

Рис. 4. Объем туристического потока на душу населения в республиках СКФО, 2023 год (число туристов на душу населения)

Fig. 4. Tourists per Capita in the Republics of the North Caucasus Federal District, 2023 (persons per capita)

Стоит отметить, что при значительном росте числа туристов², превышающем показатели регионов — лидеров индустрии гос-

² Без учета Адыгеи и Республики Алтай республики СКФО — единственные субъекты Федерации, где численность туристов выросла вдвое.

теприимства, удельный вес СКФО в общероссийском туристическом потоке остается небольшим. Так, если в 2019 году на Северный Кавказ приходилось 2,3% всех туристов в России, то в 2023 году — 3,7%. Более того, по показателю количества туристов на душу населения регионы СКФО в 2023 году существенно отставали от среднероссийских показателей (рис. 4). Иными словами, при существенном росте туристического спроса на курорты Северного Кавказа влияние происходящего в регионе туристического бума на общероссийский рынок туризма не так велико.

4. Реакция предложения — модернизация сверху и модернизация снизу

До резкого роста спроса туристический сектор на Северном Кавказе рассматривался в первую очередь как перспективное направление модернизации сверху. В соответствии с принятой в 2010 году Стратегией социально-экономического развития СКФО до 2025 года в округе была сформирована государственная корпорация «Курорты Северного Кавказа» (КСК), задачей которой являлось создание рекреационного кластера горнолыжных и пляжных курортов за счет государственных вложений и крупных частных инвестиций. Изначально было объявлено о шести рекреационных зонах: Архыз, Каспийский прибрежный кластер, Лаго-Наки, Мамисон, Матлас и Эльбрус-Безенги.

На практике успехи корпорации «Курорты Северного Кавказа» оказались гораздо более скромными, чем ожидалось в начале 2010-х. По факту произошел отказ от политики создания курортов с нуля. Вместо этого корпорация преимущественно поддерживала те проекты, где уже были заинтересованные инвесторы (Архыз), проявляли активный интерес региональные власти (Ведучи) либо ранее существовала инфраструктура для обслуживания туристов (Приэльбрусье, в меньшей степени — Армхи). На территории этих курортов были сформированы особые экономические зоны (далее — ОЭЗ), управлением которых и занималась корпорация. К функционалу института развития в ОЭЗ относилось привлечение предпринимателей — резидентов ОЭЗ и развитие инфраструктуры (в первую очередь — канатных дорог). К началу пандемии на всех перечисленных курортах были построены новые канатные дороги, а в Архызе появилось около 30 резидентов ОЭЗ.

Тем не менее к работе этого института развития возникли серьезные претензии. По результатам аудита Счетной палаты было выявлено, что деятельность «Курортов Северного Кавка-

за» неэффективна — корпорация продолжала тратить деньги на проектирование де-факто заброшенных проектов Матласа и Каспийского прибрежного кластера; масштабы деятельности в Ведучи и Армхи не позволяли говорить о появлении крупных горнолыжных центров; в Архызе 29 из 33 существовавших на момент аудита резидентов нарушили свои обязательства по созданию рабочих мест. В результате запланированные показатели по объему туристического потока, привлеченным в ОЭЗ инвестициям и созданным рабочим местам не были достигнуты даже наполовину³.

Начало туристического бума в СКФО совпало с серьезной реформой институтов развития. В 2021 году «Корпорация развития Северного Кавказа» и «Курорты Северного Кавказа» были преобразованы в единую корпорацию «Кавказ.РФ». Приоритеты новой структуры в определенной степени изменились.

В частности, более четко была определена роль государства в создании и функционировании курортов. В стратегии «Кавказ.РФ» было указано, что корпорация выходит из инвестиционного проекта по достижению положительной прибыли построенного корпорацией горнолыжного комплекса до налогов и отчислений (продолжая при этом выполнять функции управляющей компании ОЭЗ, но не горнолыжного комплекса в целом). В 2023 году курорт «Архыз» был продан за 24 млрд руб. компании «Горные вершины», владеющей горнолыжным курортом «Красная Поляна» недалеко от Сочи⁴. Финансовая политика корпорации «Кавказ.РФ» по сравнению с ее предшественницами стала более консервативной: не допускается долевое участие госкорпорации в частном бизнесе, поддержка ограничивается субсидированием ставки процента по кредиту. Корпорация также расширила свой функционал, участвуя как инвестор в проектах по строительству транспортной инфраструктуры и гостиниц вне собственных горнолыжных курортов, а также в разработке туристических мастер-планов для территорий вне ОЭЗ⁵.

³ Перяин А. Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка обоснованности и эффективности предоставления в 2016–2018 годах бюджетных ассигнований в уставный капитал акционерного общества “Корпорация развития Северного Кавказа” в целях создания медицинского кластера на территории Кавказских Минеральных Вод и реализации инвестиционных проектов на территории Северо-Кавказского федерального округа» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2019. № 253. С. 170–228. <https://ach.gov.ru/checks/9649>.

⁴ См.: Компания Ткачева заплатит за горнолыжный курорт «Архыз» более Р 24 млрд // РБК. 2023. 1 марта. <https://www.rbc.ru/business/01/03/2023/63fe08e99a7947fddcb7d1f9>.

⁵ В 2022 году была принята также новая Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года, в которой по сравнению с предыдущей стратегией заметна большая ориентация на содействие развитию малого и среднего бизнеса. В то же время каких-либо новых инструментов поддержки индустрии гостеприимства (кроме финансирования «Кавказ.РФ») в этом документе представлено не было.

В условиях взрывного роста туристического спроса институты развития (как прежний, так и вновь созданный) столкнулись и с новыми возможностями, и с непривычными вызовами.

Во-первых, требовалось строительство новой туристической инфраструктуры и предложения услуг на тех горнолыжных курортах, которыми управляли корпорации. Наиболее активная работа в этом направлении велась в Архызе: с 2019 года длина трасс увеличилась в 2 раза (с 13,9 до 28,3 км), открытие еще одной новой канатной дороги планируется в 2024 году. В Приэльбрусье с начала туристического бума были введены в эксплуатацию две трассы общей протяженностью в 2,5 км (обе — в 2024 году), в течение 2024 года должна быть введена в действие новая система канатных дорог длиной в 1 км. Как публично заявляли представители «Кавказ.РФ», в ближайшие годы планируется существенное расширение курортов Архыза (до 57 км лыжных трасс к 2027 году) и Приэльбрусья (с 18 до 35 км трасс к 2026 году); проектирование новых трасс будет сопровождается дополнительным строительством канатных дорог. Обращает на себя внимание, что инфраструктурное строительство на обоих курортах ведется так, чтобы не просто увеличить предложение, но и повысить конкурентоспособность. Так, в Архызе новые трассы на большей высоте несколько смягчили наблюдавшуюся ранее проблему малого разнообразия и короткого сезона катания из-за бесснежья; в Приэльбрусье новые канатные дороги и трассы, находящиеся в отдалении от уже имеющихся зон катания, должны сократить очереди на подъемники и снизить нагрузку на единственный действующий на настоящий момент спуск с вершины.

Во-вторых, по мере увеличения спроса частный бизнес осуществлял (и продолжает осуществлять) строительство гостиниц, ресторанов и других объектов туристической инфраструктуры не только (и даже не столько) на территориях ОЭЗ, но в первую очередь в окружающих курорты поселках, где требования к предпринимателям и реализуемым ими проектам существенно мягче. В результате обнаружилось, что «Кавказ.РФ» управляет лишь частью реальной территории курортов, что порождает транспортные, инфраструктурные и иные проблемы, препятствующие качественному обслуживанию туристов. Нельзя сказать, что у нового института развития есть комплексный подход к решению данного вопроса — пока всё ограничивается отдельными мерами. Так, в Архызе проблема повышения транспортной доступности курорта для живущих вне ОЭЗ была смягчена с помощью запуска бесплатных автобусов. В перспективе «Кавказ.РФ» предпола-

ет разработку комплексных мастер-планов развития курортных территорий и внутри, и вне ОЭЗ.

В-третьих, рост спроса ставит вопрос о расширении сферы деятельности «Кавказ.РФ» за пределы той совокупности объектов, на которых корпорация сосредоточена в настоящее время. Тут могут рассматриваться два направления: с одной стороны, распространение активности института развития на те курорты, которые пока развиваются независимо от «Кавказ.РФ», с другой — создание новых курортов.

Судя по всему, корпорация стремится использовать обе эти возможности. Так, она проявляет интерес к единственному крупному горнолыжному курорту, не управляемому на настоящий момент «Кавказ.РФ», — Домбаю. Однако в каких конкретно формах институт развития будет заходить в курорт Домбай, еще не ясно. Пока речь идет о помощи в расширении территории курорта, которая сейчас со всех сторон жестко ограничена землями заповедника, а также о формировании в перспективе мастер-плана. В сферу интереса «Кавказ.РФ» попадают и более мелкие объекты, в частности дагестанский курорт Чиндирчиро. Также после начала туристического бума были продолжены работы по созданию горнолыжного курорта Мамисона; на территории Каспийского прибрежного кластера появились первые резиденты, планирующие строительство гостиниц.

Поддержка региональных институтов развития остается основным инструментом федерального центра. Как видно из рис. 5, 79% всех средств госпрограммы «Развитие туризма», связанных с реализацией проектов на Северном Кавказе, направлены на субсидии «Кавказ.РФ», еще 11% выделены на создание «инфраструктуры с длительным сроком окупаемости» на территории ОЭЗ «Архыз» и «Ведучи». По некоторым программам (например, туристического кэшбека) разбиения по регионам нет, но по косвенным свидетельствам можно сделать вывод о том, что северокавказские республики не стали сколько-либо значимыми бенефициарами этих мер [Sheresheva et al., 2021].

Что касается не связанного с государством частного бизнеса, то до начала туристического бума сфера туризма не была для него привлекательной. Такие туристические продукты, как экскурсионные или этнотуры, практически не пользовались спросом у россиян, особенно в условиях, когда в регионах Северного Кавказа сохранялись проблемы с безопасностью. В Дагестане, Ингушетии, Северной Осетии и Чечне до конца 2010-х годов работающих на внутренний спрос туристических фирм практически не было, а немногочисленные туроператоры обслуживали в основном жителей соседних кавказских регионов или

Источник: портал «Электронный бюджет»: <https://budget.gov.ru/>, анализ данных федерального бюджета за 2022 и 2023 годы.

Рис. 5. Расходы федерального бюджета на политику в сфере туризма в СКФО, 2022–2023 годы (%)

Fig. 5. Federal Budget Expenditures Allocated by Tourism Policy for the North Caucasus Federal District, 2022–2023 (%)

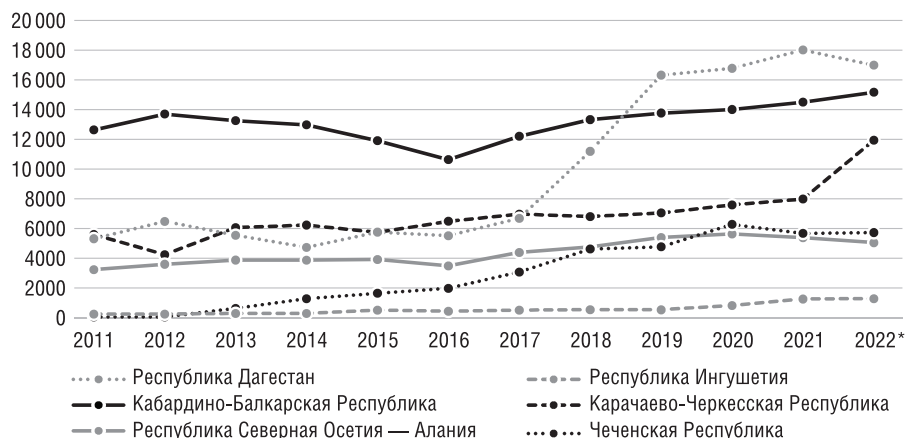
приехавших за экзотикой иностранцев. Владельцы гостиниц, существовавших до начала туристического бума, также отмечали практически полное отсутствие отдыхающих до пандемии. Несколько иначе ситуация обстояла в регионах, где потоки туристов сохранились еще с советских времен. Так, в Кабардино-Балкарии, судя по рассказам представителей отрасли, спрос на экскурсии еще до туристического бума предъявляли постояльцы пансионатов, однако и там масштабы рынка были незначительны — число оказывающих подобные услуги фирм оценивалось в пару десятков.

Резкий рост внутреннего туристического спроса изменил ситуацию принципиально.

Во-первых, существенно увеличилось число поставщиков туристических услуг. Причем особенно быстрый рост характерен для новых туристических регионов — тех, где ранее индустрия гостеприимства вообще не была развита. Хотя указать точное число организаторов туров в исследуемых регионах невозможно (Росстат ведет статистику всех легальных турфирм, которая включает в себя и организаторов выездного туризма, при этом из поля зрения выпадает значительный теневой сектор), на основании

различных источников (информации от региональных ведомств, числа участников профильных чатов и т. п.) можно примерно оценить их количество в 100 фирм в Северной Осетии, 300 — в Дагестане и около 40 — в Кабардино-Балкарии. Большинство этих компаний были открыты в 2020–2022 годах.

Несколько иная динамика наблюдается среди организаторов коллективного размещения туристов. Судя по статистике Росстата, представленной на рис. 6, рост объема номерного фонда в некоторых регионах (например, в Дагестане и Чечне) начался еще до пандемии. Связанные с туристическим бумом изменения в гостиничном секторе затронули в первую очередь сельскую местность в новых туристических регионах. Там с 2020 года стали появляться комплексы коттеджей, мини-гостиницы, глэмпинги (более характерно для Северной Осетии) и гостевые дома (более характерно для Дагестана), но из-за отсутствия формальной регистрации и сертификации большая их часть не попадает в профильную статистику. Особенно бурный рост мест размещения отмечается в Дагестане: по оценкам представителей местных администраций, только за 2022 год объем номерного фонда в Дербенте вырос с 600 до 2000 номеров; в Хунзахе (одном из самых популярных туристических сел региона) с 2020 года открылось 60 новых гостевых домов.

Источник: Росстат, раздел «Коллективные средства размещения»: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm#>.

Рис. 6. Динамика количества мест в коллективных средствах размещения в республиках СКФО, 2017–2022 годы (количество мест размещения)

Fig. 6. Number of Shared Occupancy Slots Available in the North Caucasus Federal District Republics, 2017–2022 (slots available)

Вслед за появлением новых организаторов туров и мест размещения туристов стали возникать и иные ориентированные на

туристов бизнесы. Так, информанты отмечали создание в сельской местности точек общественного питания, специально рассчитанных для туристов. Появляются также сувенирные лавки и развлекательные центры, демонстрирующие туристам этническую культуру.

Во-вторых, расширяется круг доступных для туристов достопримечательностей. Туристические фирмы, находящиеся на высококонкурентном рынке, вынуждены регулярно обновлять экскурсионные маршруты, чтобы избегать перегруженных локаций и сохранять аутентичность, важную для этнотуризма. Некоторые сверхпопулярные объекты (например, заброшенное дагестанское село Гамсутль) могут исключаться из части маршрутов. При этом предприниматели постоянно ищут новые интересные места (исторические села, новые точки обзора на горные вершины и т. п.), превращая их в туристические локации. Так, в 2023 году стал постепенно расти туристический поток в Южный Дагестан, который долгое время был малопопулярен из-за удаленности от аэропорта и плохих дорог. Те регионы, где открытие новых туристических локаций невозможно, начинают проигрывать в конкуренции. Судя по всему, это является одной из важных причин того, что застопорился рост числа туристов вне горнолыжного кластера в Кабардино-Балкарии (см. рис. 2).

В-третьих, с нарастанием туристического потока бизнес обеспечивает дифференциацию туристического продукта. Если в первые два года туристические продукты у организаторов туров не сильно различались, в последнее время наблюдается заметная сегментация рынка. Для многих фирм характерна ориентация на определенные целевые аудитории (например, специальные туры для профессиональных групп, групп с разным уровнем дохода, отдельные туры для женщин), а также добавление в тур уникальных объектов и характеристик. Предприниматели быстро адаптируются к изменению предпочтений клиентов: так, многие из них стали делать продукты для самостоятельных туристов, не желающих путешествовать в группах (доля такого рода отдыхающих, по имеющейся информации, растет с каждым годом). Учет индивидуальных запросов также включается частью фирм в предлагаемое меню возможностей.

В-четвертых, есть свидетельства улучшения качества туристического продукта. Для начального этапа развития индустрии гостеприимства было во многом характерно предоставление «гостеприимства, а не сервиса»: при добродушном отношении к туристам многие предприниматели откровенно не понимали, что они должны делать, чтобы удовлетворить клиента. К настоящему моменту ситуация несколько улучшилась: при сохранении

недостатков в обслуживании откровенно плохой сервис, по мнению организаторов туров, стал встречаться значительно реже. Во многих комментариях туристов также отмечается, что качество обслуживания в новых гостиницах, открывшихся в городах Дагестана и Северной Осетии, достаточно высокое.

5. Сравнительная эффективность модернизации сверху и модернизации снизу — дискуссия

На основе представленного выше анализа можно сделать выводы о том, насколько эффективно акторы и институциональные механизмы, характерные для модернизации сверху и модернизации снизу, ответили на вызовы туристического бума. Необходимо отметить, что обе модели отреагировали на увеличение спроса ростом и увеличением разнообразия предложения, продемонстрировав свои сильные стороны.

Характерные для модернизации сверху механизмы сработали в том секторе, где для роста предложения необходима дорогая высокотехнологичная продукция, представляющая собой общее благо, в частности строительство современных горнолыжных трасс и канатных дорог. У авторов нет информации, необходимой для того, чтобы оценить, насколько эффективно осуществлялось строительство или приобреталось оборудование (информанты говорили о том, что это было дорого и долго, с массой бюрократических проволочек). Однако есть возможность сравнить развитие горнолыжной инфраструктуры на курортах, управляемых «Кавказ.РФ» (а раньше — «Курортами Северного Кавказа»), и тех, где единая управляющая компания отсутствует⁶. Наиболее очевидные объекты для сравнения — курорты Архыз и Домбай, расположенные в Карачаево-Черкесии.

Более успешная реакция Архыза на туристический бум определяется целым комплексом факторов, среди которых не последнюю роль играют различия в организации функционирования курортов. С момента открытия курорта на нем действует управляющая компания (до недавнего времени принадлежавшая институту развития), которая взяла на себя все обязанности по строительству канатных дорог, техническому обслуживанию трасс и предоставлению информационных услуг горнолыжникам. Благодаря субсидиям, выделяемым «Кавказ.РФ» из феде-

⁶ К сожалению, на Северном Кавказе до последнего времени не было примеров еще одного возможного варианта — представляющей крупный бизнес частной управляющей компании. С продажей «Архыза» подобный вариант появился, что должно дать возможность в будущем провести более комплексный анализ.

рального бюджета, у управляющей компании было достаточно ресурсов для устранения тех недостатков, которые наблюдались на курорте в начале его существования: от малого разнообразия трасс до сложностей с транзитом между разными курортными зонами.

Иная ситуация наблюдается с Домбаем. Там функционируют три независимые друг от друга системы канатных дорог, обслуживающие одни и те же зоны катания, и ни для одного из владельцев подъемных систем улучшать состояние лыжных трасс не выгодно, так как в выигрыше от этого будут и их конкуренты. Устойчивый туристический спрос (количество отдыхающих на курорте не только не падает, но и немного растет) позволяет владельцам канатных дорог продолжать использовать имеющуюся инфраструктуру без существенных вложений в ее обновление, а также в устранение недостатков курорта в целом (низкое качество обслуживания трассы, отсутствие организованной системы инструкторов). Характерно, что единственный известный пример строительства новой инфраструктуры на склонах Домбая — а именно строительство в конце 2010-х годов систем искусственного снегообразования — связан с тем, что бизнес начал понимать, что курорт проигрывает конкуренцию Архызу. Это вынудило владельцев одной из канатных дорог обратиться за консультацией о дополнительных возможностях развития Домбая в КСК и по ее результатам осуществить дополнительные вложения.

Модернизация снизу сработала в первую очередь в том секторе, где не было необходимости в уникальных технологиях либо масштабных капиталовложениях. В ответ на рост спроса экскурсионный бизнес возник чрезвычайно быстро, в некоторых регионах — практически с нуля. Предприниматели конвертировали в туризм ресурсы, полученные в других сферах, оперативно учились и набирались опыта, демонстрировали высокую адаптивность и инновационность в выстраивании бизнес-стратегий.

Часть достаточно серьезных барьеров, с которыми столкнулся бизнес на этапе становления, была успешно преодолена. Так, в ответ на острый кадровый дефицит владельцы гостиниц, расположенных в городских агломерациях, начали искать альтернативные формы привлечения персонала. Типичным решением стало приглашение специалистов извне региона, которые не только работали сами, но и занимались подготовкой местных кадров. Некоторые гостиницы стремятся передавать часть своих функций (от уборки до стирки) сторонним фирмам.

Как реакция на новые вызовы в организации бизнеса появлялись инновационные институциональные механизмы. К самым успешным можно отнести возникновение кооперации между фирмами в новых туристических регионах. Практически все опрошенные представители отрасли в этих регионах состоят в том или ином онлайн-чате участников рынка, что позволяет решать многообразные проблемы: например, срочно найти дополнительного сотрудника или передать другой фирме клиента, если предприниматель вынужден отменить тур. Подобные чаты выполняют также информационную функцию: в них сообщают о происшествиях и обстановке в основных туристических локациях, обмениваются информацией о возможных контрагентах, а также разрешают конфликты между предпринимателями. За счет того, что информация о ненадежном партнере быстро разлетается по онлайн-сообществам и наносит урон репутации нарушителя, изначально острая при широком распространении неформальных контрактов проблема оппортунизма существенно смягчается.

В условиях роста спроса проявилась также взаимосвязь между моделями модернизации сверху и модернизации снизу. Это хорошо видно на примере крупных курортов, создающих эффект, во многом аналогичный агломерационному. Вокруг центра — горнолыжной инфраструктуры и особой экономической зоны — возникают ориентированные на горнолыжников многообразные туристические бизнесы: отели, рестораны, развлекательные центры, и чем более активно развивается курорт, тем большую территорию они захватывают. То есть модернизация сверху создает стимулы для развития модернизации снизу.

Более того, возникающие отношения во многом носят симбиотический характер. Частный бизнес с его гибкостью и умением искать рыночные ниши способен корректировать недоработки и ошибки крупных проектов, характерных для модернизации сверху. Так, в Архызе именно предприниматели позволили обеспечить всесезонную работу курорта, предлагая различные виды развлечений — от сплава по горным рекам до организации походов вне горнолыжного сезона.

В то же время подобное развитие курортов порождает проблемы территориального развития и инфраструктурного планирования, опять же схожие с агломерационными. На территории, управляемой различными субъектами, возникает потребность в реализации согласованных проектов, решающих общие задачи (дорожные, транспортные и т. п.). Это формирует новый вы-

зов для «Кавказ.РФ», поскольку институт развития уже не может ограничиваться той зоной, которой он непосредственно управляет, и должен выстраивать отношения с другими субъектами управления по поводу гораздо более крупной территории без четких административных границ.

Нельзя сказать, что в настоящий момент найден адекватный ответ на этот вызов. Корпорация не взаимодействует с муниципалитетами, окружающими ОЭЗ, контакты с региональными властями, насколько можно понять, также не носят систематического характера. Представление, что единый мастер-план, о котором говорилось выше, способен заменить решение задач текущей координации действий в ответ на регулярно возникающие проблемы, кажется утопией. Если рост спроса в туристическом секторе продолжится, эта ситуация может превратиться в значимый барьер на пути его дальнейшего развития.

Потребности взаимодействия и согласования интересов у корпорации «Кавказ.РФ» будут нарастать и в сфере взаимоотношений с предпринимателями. Расширение деятельности «Кавказ.РФ» будет означать, что институт развития всё в большей мере станет заниматься курортами, где активно действует малый и средний бизнес со своими собственными интересами. Первый опыт такого взаимодействия — в Приэльбрусье — показал, что возникающие проблемы не имеют простого решения. Согласно доступной информации, несколько раз там возникали предпосылки для серьезного конфликта, а информанты-бизнесмены отмечали, что воздерживаются от серьезных вложений, поскольку не считают, что их права собственности (не всегда должным образом официально оформленные) в достаточной степени защищены. При этом собеседники в «Кавказ.РФ» не видели почвы для разногласий и считали, что взаимоприемлемые компромиссы по основным вопросам найдены. Угроза того, что в подобных ситуациях государственные структуры начнут вытеснять малый и средний бизнес (например, предъявляя ему непосильные требования), вместо того чтобы налаживать с ним эффективное взаимодействие, — еще один возможный риск модернизации сверху.

Необходимость во всё более активном взаимодействии с государством проявляется и в рамках модели модернизации снизу. Если бизнес продемонстрировал способность вполне успешно справляться с барьерами, преодоление которых не требует крупных инвестиций и приносит непосредственную финансовую выгоду, то в случаях, когда речь идет о капиталоемких проектах

и создании общих благ, без содействия государственных органов достижение позитивного результата вызывает значительные трудности. Так сложилось, что содействие модернизации снизу в основном оказывают туристические ведомства (министерства или комитеты) на региональном уровне.

Важный вклад этих ведомств состоял в обеспечении туристических маршрутов санитарной инфраструктурой — эта проблема возникает практически везде, где возрастает турпоток, особенно в сельской местности. Задача решалась разными способами: в Ингушетии министерство содействовало частному бизнесу в создании туристических объектов, на территории которых предусматривались туалеты; в Дагестане санитарные зоны создавались при информационных центрах. Предприниматели достаточно высоко оценивали эту деятельность региональных властей. Другой успешный опыт — практика создания в городах и селах новых малых архитектурных форм (арт-объектов, фотозон, смотровых площадок), которые могут быть привлекательными для туристов. Хотя на Северном Кавказе есть примеры того, как в подобные художественные конструкции вкладывается сам бизнес (например, в Северной Осетии предприниматели сами устанавливают лавочки и качели, а также создают фотозоны в красивых горных местах), в целом благоустройство территории лежит на плечах местных властей, и некоторые из построенных ими объектов стали популярны среди туристов.

При этом нельзя сказать, что региональные власти могут справиться со всеми возникающими барьерами — по причинам ограниченности полномочий и недостатка финансовых средств. Так, имеются существенные проблемы с безопасностью отдыхающих. По оценке одного из информантов, около 80% существующих туристических маршрутов не имеют паспорта безопасности. Какие-либо меры принимаются в основном лишь после несчастных случаев в туристических локациях: например, благоустройство Салтинских водопадов началось после ряда травм, полученных поскользнувшимися туристами. В некоторых случаях, реагируя на происшествия, государственные структуры, вместо расширения мер по обеспечению безопасности туристов, применяют запреты, ухудшающие условия туристической деятельности. Так, несколько аварий с участием катеров на водохранилищах в аварских горных районах привели не к ужесточению контроля за безопасностью, а к введению местным МЧС полного запрета на прогулки на катерах. Это решение оценивается представителями отрасли крайне негативно.

Другая проблема связана с сохранностью объектов природного и культурного наследия, популярных среди туристов. Многие достопримечательности не выдерживают массового посещения и постепенно начинают разрушаться. Так, село Гамсутль (одно из самых популярных горных сел в Дагестане), по мнению информантов, за два года активного турпотока серьезно пострадало: в 2022 году из-за чрезмерного антропогенного воздействия обрушилась арка на центральном въезде в село. Некоторые информанты отмечают также проблему мусора около достопримечательностей, который либо остается неубранным, либо вывозится волонтерами. Проблемы с сохранностью достопримечательностей не в последнюю очередь связаны с тем, что не до конца ясно, какое ведомство должно нести за это ответственность: отвечающее за туризм, культуру либо охрану окружающей среды. Слабое межведомственное взаимодействие препятствует предотвращению возникающих угроз.

Особенно большие риски возникают в тех случаях, когда преодоление барьеров для бизнеса требует крупных капиталовложений, выходящих за рамки региональных возможностей. Такая ситуация сложилась, в частности, в Дагестане, где чрезвычайно изношена коммунальная инфраструктура и отсутствуют очистные сооружения: практически на всем побережье Каспия отходы сливаются непосредственно в море. В случае если решение данной проблемы не будет найдено, привлекательность региона для туристов может снизиться.

Заключение

Проведенное исследование показало, что на развитие туризма на Северном Кавказе позитивно повлияли механизмы, свойственные как модернизации сверху, так и модернизации снизу. В рамках модернизации сверху расширяются возможности по приему туристов и улучшается качество туристической инфраструктуры, в первую очередь на горнолыжном курорте Архыз, а в перспективе и в Приэльбрусье. От этих курортов существенно отстает Домбай, не имеющий единой управляющей компании и не являющийся объектом бюджетных инвестиций. Малый и средний бизнес в рамках модернизации снизу продемонстрировал адекватный ответ на взрывной рост спроса на экскурсионные и этнотуры, обеспечив увеличение предложения, его разнообразие в соответствии с пожеланиями клиентов и рост качества услуг, сформировав новые институциональные

механизмы, позволяющие кооперироваться и бороться с оппортунистическим поведением, найдя способы преодоления барьеров и узких мест, связанных, в частности, с нехваткой квалифицированной рабочей силы. На региональном уровне есть примеры успешного содействия органов власти развитию туристического бизнеса, например в сфере создания санитарной инфраструктуры.

В то же время обе модели продемонстрировали свои ограничения. Так, государственный институт развития на Северном Кавказе пока не нашел оптимальных инструментов взаимодействия с другими субъектами туристической деятельности, имеющими собственные интересы: с малым и средним бизнесом, местными органами власти, затронутыми развитием крупных туристических центров, — что в дальнейшем может тормозить развитие курортов и провоцировать конфликты. Не все барьеры получается преодолеть и в рамках модернизации снизу. Конкурентоспособность туристического бизнеса ограничивается недостаточным развитием общей инфраструктуры: коммунальной, транспортной, — масштабы которой выходят за рамки возможностей финансирования на региональном уровне. Так, отсутствие необходимых очистных сооружений существенно снижает потенциал пляжного туризма в Дагестане, который в иных условиях мог бы считаться чрезвычайно перспективным направлением.

Как подобные ограничения могут повлиять на дальнейшее развитие туризма на Северном Кавказе? Представляется, что на этот вопрос нет однозначного ответа. Многое будет зависеть от тенденций спроса. Если спрос на внутренние туристические продукты продолжит расти, многие проблемы будут затухать. Туристы будут вынуждены мириться с имеющимися недостатками, а все заинтересованные стороны получают свой кусок от растущего туристического пирога. Если же тенденции в сфере спроса будут менее благоприятными, конкуренция между различными регионами возрастет, и преимущество будут иметь те, где отдыхать комфортнее, а проблемы решаются наиболее оперативно. В подобных условиях сохранить роль туризма на Северном Кавказе как драйвера экономического развития станет сложнее. Некоторые участники туристического рынка вообще считают, что в перспективе турпоток резко упадет, и его будут подпитывать в основном энтузиасты и фанаты Северного Кавказа. Пока нет оснований считать подобный сценарий наиболее вероятным. Однако накопившиеся в регионе проблемы, негативно влияющие на туристический сектор, требуют своего решения.

Литература

1. Стародубровская И. В., Казенин К. И., Ситкевич Д. А. Северный Кавказ: Выбор стратегических ориентиров // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 3. С. 112–137. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-3-112-137.
2. Стародубровская И. В., Ситкевич Д. А. Стратегия развития Северного Кавказа: основные вызовы // Экономическая политика. 2022. Т. 17. № 3. С. 74–97. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-3-74-97.
3. Adamou A., Clerides S. Prospects and Limits of Tourism-Led Growth: The International Evidence // Review of Economic Analysis. 2010. Vol. 2. No 3. P. 287–303. DOI: 10.15353/rea.v2i3.1373.
4. Aratuo D. N., Etienne X. L. Industry-Level Analysis of Tourism-Economic Growth in the United States // Tourism Management. 2019. Vol. 70. P. 333–340. DOI: 10.1016/j.tourman.2018.09.004.
5. Archer B., Cooper C., Ruhanen L. The Positive and Negative Impacts of Tourism // Global Tourism / W. F. Theobald (ed.). Oxford: Butterworth-Heinemann, 2005. P. 79–102. DOI:10.1016/B978-0-7506-7789-9.50011-X.
6. Balaguer J., Cantavella-Jordá M. Tourism as a Long-Run Economic Growth Factor: The Spanish Case // Applied Economics. 2002. Vol. 34. No 7. P. 877–884. DOI: 10.1080/00036840110058923.
7. Berard-Chenu L., François H., George E., Morin S. Snowmaking Development Trajectories in French Alpine Ski Resorts: The Influence of Local Specificities and Regional Support Policies // Journal of Alpine Research. 2022. Vol. 110. No 4. P. 1–20. DOI: 10.4000/rga.10465.
8. Bresson G., Logossah K. Crowding-Out Effects of Cruise Tourism on Stay-Over Tourism in the Caribbean: Non-parametric Panel Data Evidence // Tourism Economics. 2011. Vol. 17. No 1. P. 127–158. DOI: 10.5367/te.2011.0028.
9. Brida J. G., Cortes-Jimenez I., Pulina M. Has the Tourism-Led Growth Hypothesis Been Validated? A Literature Review // Current Issues in Tourism. 2016. Vol. 19. No 5. P. 394–430. DOI: 10.1080/13683500.2013.868414.
10. Cai W., Richter S., McKenna B. Progress on Technology Use in Tourism // Journal of Hospitality and Tourism Technology. 2019. Vol. 10. No 4. P. 651–672. DOI: 10.1108/JHTT-07-2018-0068.
11. Cernaianu S., Sobry C. The Development of Ski Areas in Romania. What Environmental, Political, and Economic Logic? // Sustainability. 2021. Vol. 13. No 1. P. 1–19. DOI: 10.3390/su13010274.
12. Di Liberto A. High Skills, High Growth: Is Tourism an Exception? // The Journal of International Trade & Economic Development. 2013. Vol. 22. No 5. P. 749–785. DOI: 10.1080/09638199.2011.603054.
13. Fullerton J. A., Kendrick A. Australia Tourism Advertising: A Test of the Bleed-Over Effect Among US Travelers // Place Branding and Public Diplomacy. 2011. Vol. 7. No 4. P. 244–256. DOI: 10.1057/pb.2011.17.
14. Fundeanu D. Innovative Regional Cluster, Model of Tourism Development // Procedia Economics and Finance. 2015. Vol. 23. P. 744–749. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00501-8.
15. Ghosh S., Mitra S. K. Tourism and Inequality: A Relook on the Kuznets Curve // Tourism Management. 2021. Vol. 83. 104255. DOI: 10.1016/j.tourman.2020.104255.
16. Khadaroo J., Seetanah B. Transport Infrastructure and Tourism Development // Annals of Tourism Research. 2007. Vol. 34. No 4. P. 1021–1032. DOI: 10.1016/J.ANNALS.2007.05.010.
17. Kim H., Kim E. J. Tourism as a Key for Regional Revitalization? A Quantitative Evaluation of Tourism Zone Development in Japan // Sustainability. 2021. Vol. 13. P. 1–24. DOI: 10.3390/su13137478.
18. Kozinets R. V. The Field Behind the Screen: Using Netnography for Marketing Research in Online Communities // Journal of Marketing Research. 2022. Vol. 39. No 1. P. 61–72.

19. Kushman S., Karamustafa K. Multinational Hotel Development in Developing Countries: An Exploratory Analysis of Critical Policy Issues // *International Journal of Tourism Research*. 2001. Vol. 3. P. 179–197. DOI: 10.1002/jtr.293.
20. Liu A., Wall G. Human Resources Development in China // *Annals of Tourism Research*. 2005. Vol. 32. No 3. P. 689–710. DOI: 10.1016/j.annals.2004.10.011.
21. Mateu-Sbert J., Ricci-Cabello I., Villalonga-Olives E., Cabeza-Irigoyen E. The Impact of Tourism on Municipal Solid Waste Generation: The Case of Menorca Island (Spain) // *Waste Management*. 2013. Vol. 33. No 12. P. 2589–2593. DOI: 10.1016/j.wasman.2013.08.007.
22. Matsuura T., Saito H. The COVID-19 Pandemic and Domestic Travel Subsidies // *Annals of Tourism Research*. 2022. Vol. 92. 103326. DOI: 10.1016/j.annals.2021.103326.
23. Nordin S., Svensson B. Innovative Destination Governance: The Swedish Ski Resort of Åre // *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*. 2007. Vol. 8. No 1. P. 53–66.
24. Scheyvens R. Ecotourism and the Empowerment of Local Communities // *Tourism Management*. 1999. Vol. 20. No 2. P. 245–249. DOI: 10.1016/S0261-5177(98)00069-7.
25. Sheresheva M., Efremova M., Valitova L., Polukhina A., Laptev G. Russian Tourism Enterprises' Marketing Innovations to Meet the COVID-19 Challenges // *Sustainability*. 2021. Vol. 13. No 7. 3756. DOI: 10.3390/su13073756.
26. Sokhanvar A., Jenkins G. P. Impact of Foreign Direct Investment and International Tourism on Long-Run Economic Growth of Estonia // *Journal of Economic Studies*. 2021. Vol. 49. No 2. P. 364–378. DOI: 10.1108/JES-11-2020-0543.
27. Su Y.-S., Hung L.-C. Spontaneous vs. Policy-Driven: The Origin and Evolution of the Biotechnology Cluster // *Technological Forecasting and Social Change*. 2009. Vol. 76. No 5. P. 608–619. DOI: 10.1016/j.techfore.2008.08.008.
28. Tuppen J. The Restructuring of Winter Sports Resorts in the French Alps: Problems, Processes and Policies // *International Journal of Tourism Research*. 2000. Vol. 2. No 5. P. 327–344. DOI: 10.1002/1522-1970(200009/10)2:5<327::AID-JTR229>3.0.CO;2-Y.
29. Weiermair K., Peters M., Frehse J. Success Factors for Public Private Partnership: Cases in Alpine Tourism Development // *Journal of Services Research*. 2008. Vol. 8. No 1. P. 7–21.
30. Wray M. Policy Communities, Networks and Issue Cycles in Tourism Destination Systems // *Journal of Sustainable Tourism*. 2009. Vol. 17. No 6. P. 673–690. DOI: 10.1080/09669580903071979.
31. Yu C.-P., Cole S. T., Chancellor C. Assessing Community Quality of Life in the Context of Tourism Development // *Applied Research in Quality of Life*. 2016. Vol. 11. No 1. P. 147–162. DOI: 10.1007/s11482-014-9359-6.
32. Zhang H. Q., Chong K., Ap J. An Analysis of Tourism Policy Development in Modern China // *Tourism Management*. 1999. Vol. 20. No 4. P. 471–485. DOI: 10.1016/S0261-5177-(99)00020-5.

References

1. Starodubrovskaya I. V., Kazenin K. I., Sitkevich D. A. Severnyy Kavkaz: Vybor strategicheskikh orientirov [Northern Caucasus: Choosing Strategic Landmarks]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2021, vol. 16, no. 3, pp. 112–137. DOI:10.18288/1994-5124-2021-3-112-137. (In Russ.)
2. Starodubrovskaya I. V., Sitkevich D. A. Strategiya razvitiya Severnogo Kavkaza: osnovnye vyzovy [Development Strategy of the North Caucasus: Main Challenges]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 74–97. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-3-74-97. (In Russ.)
3. Adamou A., Clerides S. Prospects and Limits of Tourism-Led Growth: The International Evidence. *Review of Economic Analysis*, 2010, vol. 2, no. 3, pp. 287–303. DOI: 10.15353/rea.v2i3.1373.
4. Aratuo D. N., Etienne X. L. Industry-Level Analysis of Tourism-Economic Growth in the United States. *Tourism Management*, 2019, vol. 70, pp. 333–340. DOI: 10.1016/j.tourman.2018.09.004.

5. Archer B., Cooper C., Ruhanen L. The Positive and Negative Impacts of Tourism. In: Theobald W. F. (ed.). *Global Tourism*. Oxford, Butterworth-Heinemann, 2005, pp. 79-102. DOI:10.1016/B978-0-7506-7789-9.50011-X.
6. Balaguer J., Cantavella-Jordá M. Tourism as a Long-Run Economic Growth Factor: The Spanish Case. *Applied Economics*, 2002, vol. 34, no. 7, pp. 877-884. DOI: 10.1080/00036840110058923.
7. Berard-Chenu L., François H., George E., Morin S. Snowmaking Development Trajectories in French Alpine Ski Resorts: The Influence of Local Specificities and Regional Support Policies. *Journal of Alpine Research*, 2022, vol. 110, no. 4, pp. 1-20. DOI: 10.4000/rga.10465.
8. Bresson G., Logossah K. Crowding-Out Effects of Cruise Tourism on Stay-Over Tourism in the Caribbean: Non-parametric Panel Data Evidence. *Tourism Economics*, 2011, vol. 17, no. 1, pp. 127-158. DOI: 10.5367/te.2011.0028.
9. Brida J. G., Cortes-Jimenez I., Pulina M. Has the Tourism-Led Growth Hypothesis Been Validated? A Literature Review. *Current Issues in Tourism*, 2016, vol. 19, no. 5, pp. 394-430. DOI: 10.1080/13683500.2013.868414.
10. Cai W., Richter S., McKenna B. Progress on Technology Use in Tourism. *Journal of Hospitality and Tourism Technology*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 651-672. DOI: 10.1108/JHTT-07-2018-0068.
11. Cernaianu S., Sobry C. The Development of Ski Areas in Romania. What Environmental, Political, and Economic Logic? *Sustainability*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 1-19. DOI: 10.3390/su13010274.
12. Di Liberto A. High Skills, High Growth: Is Tourism an Exception? *The Journal of International Trade & Economic Development*, 2013, vol. 22, no. 5, pp. 749-785. DOI: 10.1080/09638199.2011.603054.
13. Fullerton J. A., Kendrick A. Australia Tourism Advertising: A Test of the Bleed-Over Effect Among US Travelers. *Place Branding and Public Diplomacy*, 2011, vol. 7, no. 4, pp. 244-256. DOI: 10.1057/pb.2011.17.
14. Fundeanu D. Innovative Regional Cluster, Model of Tourism Development. *Procedia Economics and Finance*, 2015, vol. 23, pp. 744-749. DOI: 10.1016/S2212-5671(15)00501-8.
15. Ghosh S., Mitra S. K. Tourism and Inequality: A Relook on the Kuznets Curve. *Tourism Management*, 2021, vol. 83, 104255. DOI: 10.1016/j.tourman.2020.104255.
16. Khadaroo J., Seetanah B. Transport Infrastructure and Tourism Development. *Annals of Tourism Research*, 2007, vol. 34, no. 4, pp. 1021-1032. DOI: 10.1016/J.ANNALS.2007.05.010.
17. Kim H., Kim E. J. Tourism as a Key for Regional Revitalization? A Quantitative Evaluation of Tourism Zone Development in Japan. *Sustainability*, 2021, vol. 13, pp. 1-24. DOI: 10.3390/su13137478.
18. Kozinets R. V. The Field Behind the Screen: Using Netnography for Marketing Research in Online Communities. *Journal of Marketing Research*, 2022, vol. 39, no. 1, pp. 61-72.
19. Kusluvan S., Karamustafa K. Multinational Hotel Development in Developing Countries: An Exploratory Analysis of Critical Policy Issues. *International Journal of Tourism Research*, 2001, vol. 3, pp. 179-197. DOI: 10.1002/jtr.293.
20. Liu A., Wall G. Human Resources Development in China. *Annals of Tourism Research*, 2005, vol. 32, no. 3, pp. 689-710. DOI: 10.1016/j.annals.2004.10.011.
21. Mateu-Sbert J., Ricci-Cabello I., Villalonga-Olives E., Cabeza-Irigoyen E. The Impact of Tourism on Municipal Solid Waste Generation: The Case of Menorca Island (Spain). *Waste Management*, 2013, vol. 33, no. 12, pp. 2589-2593. DOI: 10.1016/j.wasman.2013.08.007.
22. Matsuura T., Saito H. The COVID-19 Pandemic and Domestic Travel Subsidies. *Annals of Tourism Research*, 2022, vol. 92, 103326. DOI: 10.1016/j.annals.2021.103326.
23. Nordin S., Svensson B. Innovative Destination Governance: The Swedish Ski Resort of Åre. *International Journal of Entrepreneurship and Innovation*, 2007, vol. 8, no. 1, pp. 53-66.
24. Scheyvens R. Ecotourism and the Empowerment of Local Communities. *Tourism Management*, 1999, vol. 20, no. 2, pp. 245-249. DOI: 10.1016/S0261-5177(98)00069-7.

25. Sheresheva M., Efremova M., Valitova L., Polukhina A., Laptev G. Russian Tourism Enterprises' Marketing Innovations to Meet the COVID-19 Challenges. *Sustainability*, 2021, vol. 13, no. 7, 3756. DOI: 10.3390/su13073756.
26. Sokhanvar A., Jenkins G. P. Impact of Foreign Direct Investment and International Tourism on Long-Run Economic Growth of Estonia. *Journal of Economic Studies*, 2021, vol. 49, no. 2, pp. 364-378. DOI: 10.1108/JES-11-2020-0543.
27. Su Y.-S., Hung L.-C. Spontaneous vs. Policy-Driven: The Origin and Evolution of the Biotechnology Cluster. *Technological Forecasting and Social Change*, 2009, vol. 76, no. 5, pp. 608-619. DOI: 10.1016/j.techfore.2008.08.008.
28. Tuppen J. The Restructuring of Winter Sports Resorts in the French Alps: Problems, Processes and Policies. *International Journal of Tourism Research*, 2000, vol. 2, no. 5, pp. 327-344. DOI: 10.1002/1522-1970(200009/10)2:5<327::AID-JTR229>3.0.CO;2-Y.
29. Weiermair K., Peters M., Frehse J. Success Factors for Public Private Partnership: Cases in Alpine Tourism Development. *Journal of Services Research*, 2008, vol. 8, no. 1, pp. 7-21.
30. Wray M. Policy Communities, Networks and Issue Cycles in Tourism Destination Systems. *Journal of Sustainable Tourism*, 2009, vol. 17, no. 6, pp. 673-690. DOI: 10.1080/09669580903071979.
31. Yu C.-P., Cole S. T., Chancellor C. Assessing Community Quality of Life in the Context of Tourism Development. *Applied Research in Quality of Life*, 2016, vol. 11, no. 1, pp. 147-162. DOI: 10.1007/s11482-014-9359-6.
32. Zhang H. Q., Chong K., Ap J. An Analysis of Tourism Policy Development in Modern China. *Tourism Management*, 1999, vol. 20, no. 4, pp. 471-485. DOI: 10.1016/S0261-5177-(99)00020-5.

Economics of Education

The Role of Program and Project Management in Increasing the Competitiveness of Russian Universities: A Comparative Analysis Including China and India

Mikhail Yu. Sorokin

ORCID 0000-0003-2738-0173

Postgraduate Student, Faculty of Economics, Novosibirsk State University
of Economics and Management (NSUEM);^a Undergraduate Student,
Siberian Institute of Management, RANEPa,^b e-mail: smu.14@mail.ru

Luyao Yu

PCNI 000000203356275X

Dr. Sci. (Econ.), Professor, Xi'an University of Finance and Economics;^c
Executive Director, International Center for Chinese Studies (ICCS),^d e-mail: yuluyao@126.com

^a 52/1, Kamenskaya ul., Novosibirsk, 630099, Russian Federation

^b 6, Nizhegorodskaya ul., 630102, Novosibirsk, Russian Federation

^c 360, Changning Street, Chang'an District, Xi'an, 710100, People's Republic of China

^d 199, Taicang East Road, Ningbo, 315100, People's Republic of China

Abstract

As the worldwide economic paradigm changes, higher education becomes an extremely important factor in ensuring a country's scientific and technological sovereignty. This article compares the state of higher education in the Russian Federation (RF), the Republic of India (RI), and the People's Republic of China (PRC) and ranks the development of their respective higher education systems in order to derive a model for advancing the innovative competitiveness of the RF's institutions of higher education and to identify the components required to make them more competitive. Study of statistical data and regulations along with retrospective and systemic structural analysis indicate that program and process management is an innovative way to increase the competitiveness of universities. This result is grounded in a descriptive analysis of previous scientific studies, which substantiated the authors' definition of what makes universities competitive. Comparison of the programs and projects implemented in the three countries examined leads to the conclusion that the RF should accelerate the creation of a wide network of program and project initiatives in higher education. Although a comparative analysis of the RF's nationwide Project 5–100 and Priority 2030 program reveals certain problems in university management, it also establishes that applying existing regulations for strategic planning as well as for program project management in order to develop universities can assist in reaching the targets of Presidential Decree No. 145 dated 28 February 2024, entitled “Strategy for Scientific and Technological Development of the RF” (SSTD).

Keywords: technological sovereignty, competitiveness of universities, strategic planning, human capital, educational management.

JEL: H75, I23, I28, O15.

Introduction

Abbreviations used	
CI	Control inputs
FL	Federal law of the Russian Federation
FP	Federal Project
GDP	Gross domestic product
GP	Government program
GB	Governing body (of a university)
HC	Human capital
IFPOEP	Innovative, flexible, practice-oriented educational programs
IC	Intellectual capital
NP	National Project
PD	Presidential decree of the Russian Federation
PFPD	Programs for professional disciplines
PIC	Professionally important competencies
PRC	People’s Republic of China
R&D	Research and development
RF	Russian Federation
RI	Republic of India
SSTD	Strategy for Scientific and Technological Development
6 STP	Sixth scientific and technological paradigm

Mirjana Spoljaric Egger, President of the International Committee of the Red Cross, made a presentation at the scientific and technological conference held in September 2023 under the auspices of the Suzhou University of Science and Technology of China, in which she stated that there are more than one hundred armed geopolitical conflicts in the world and reaffirmed this fact at a meeting with the Chairman Xi Jinping. This should come as no surprise because changes in technological and global structures are always accompanied by structural political crises in government institutions and global geopolitical conflicts [Glazev, 2022b]. The close connection of world economic relations due to globalization and the international division of labor is collapsing between the parties to these conflicts and is causing a shock to the entire world economy. The world is also undergoing a transformation of the forms of social economy to the sixth scientific and technological paradigm (6 STP) as part of the next scientific and technological revolution hypothesized by Glazev and others. This next stage will radically increase the pace of innovation and alter the main paths that countries will take in their scientific and economic development [Glazev, 2022a].

All the traditional leaders in innovation are G20 member countries as Table 1 shows. The top 10 have been almost static and consist of Western countries with the solitary exception of Singapore. Moreover, recent studies show that two thirds of global innovation expenditures

Table 1

Changes in Rank Among Countries Leading in the Global Innovation Index

Country	2023	2016	2013
Switzerland	1	1	1
Sweden	2	2	3
USA	3	4	6
UK	4	3	2
Singapore	5	6	7
Finland	6	5	4
Holland	7	9	5
Germany	8	10	13
Denmark	9	8	8
China	12	25	29
India	40	66	76
Russia	51	43	56

Source: authors' compilation of data from the Global Innovation Index: www.wipo.int.

are made by the PRC, RI and the USA [Zeldner, Osipov, 2020]. Studies of the scientific and educational potential of the BRICS countries have found that they are becoming more comparable to the top 10 countries, although there is room for growth in introducing innovations and developing the education sector [Ponomarev et al., 2023]. Under such circumstances, developing higher education and human capital while also integrating project management become the best ways to enhance a country's scientific and technological potential [Wang et al., 2022]. Current global challenges and geopolitical conflicts were discussed at the meeting between Vladimir Putin and Xi Jinping in Beijing on 2 April 2022. The parties announced the acceleration of the One Belt One Road initiative for EAEU development. One of the goals of this plan involves increased interconnection of the sustainability of the two countries' economies, mutual integration among their universities, and exchange of experience in developing human capital and higher education.¹

A principal problem for the RF's development is its lagging scientific and technological competitiveness in innovative products when compared to other economies. This deficiency is confirmed by the RF's 2023 ranking at 51 in Table 1, a loss of eight points during the seven years since the publication of the first Strategy for Scientific and Technological Development (SSTD).²

¹ Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on international relations entering a new era of sustainable development between countries. <http://www.kremlin.ru/supplement/5770/>.

² Decree of the President of the Russian Federation dated 1 December 2016 no. 642 (in the version of 15 March 2021 no.143) "Strategy for scientific and technological development of the Russian Federation." *Compendium of Legislation of the Russian Federation*, no. 49, 2016, p. 6887.

The RF government publicly recognized the lag in the Address of the President of the RF dated 29 February 2024, which was intended to strengthen the technological sovereignty and security of the RF by updating the SSTD and resolving to accelerate the strategic development of the country through training one million highly qualified specialists who will become involved in domestic innovative enterprises.

The central documents emphasizing the urgency of rectifying the problems of higher education in the RF are the following Presidential Address and Decrees (PD):

- Address dated 29 February 2024 from the President of the RF Vladimir Putin to the Federal Assembly;
- PD no. 145 dated 28 February 2024 “On the strategy for scientific and technological development (SSTD)”³ which highlights the provision of technological sovereignty by increasing and effectively using the intellectual potential of the nation;
- PD no. 343 dated 12 May 2023 “On certain issues in improving the higher education system”⁴ which directs reform of higher education through a synthesis of the best practices of the USSR and successful elements of the Bologna system;
- PD no. 309 dated 7 May 2024 “On the national development goals of the RF by 2030 and through 2036”⁵ which envisages the RF establishing a more effective system of higher education and becoming one of the ten leading countries in the world for amount of scientific research.

These PDs outlined the main challenge to be met by developing higher education in the RF — carrying out the SSTD and ensuring the country’s competitiveness by using innovative methods in university management and developing human capital (HC) through higher education. This study examined the educational systems of the RF, PRC and RI, and its research hypothesis follows from the projections of the SSTD in PD no. 145 and the Address of the President of RF to the Federal Assembly dated 29 February 2024. Those projections envisage an increase in the competitiveness of the RF and defense of its sovereignty by means of forming two new national projects called Youth and Personnel, training one million highly qualified specialists

³ Decree of the President of the Russian Federation dated 28 February 2024 no. 145 “Strategy for scientific and technological development of the Russian Federation.” *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 10, 2024, p. 1373.

⁴ Decree of the President of the Russian Federation dated 12 May 2024 “On certain issues in improving the higher education system.” *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 20, 2023, p. 3534.

⁵ Decree of the President of the Russian Federation dated 7 May 2024 no. 309 “On the national development goals of the Russian Federation by 2030 and through 2036.” *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 20, 2024, p. 2584.

for enterprises employing innovative technologies that feed into the 6 STP, and accelerated development of higher education to facilitate program and design efforts. This broad initiative is intended to enhance the competitiveness of Russian universities, expedite mastery of 6 STP technologies, and ultimately strengthen the sovereignty and independence of the RF.

1. Theoretical Aspects of the Study

Education drives the innovative, scientific, and technological development of a country [Roberts, 2017; Strasser et al., 2019; Zhou, Luo, 2018]. It follows that increasing the competitiveness of a country depends on the competitiveness of its higher education. Minister Valery Falkov and Deputy Prime Minister of the RF Dmitry Chernyshenko made a joint statement at the headquarters of the Ministry of Education and Science, during which they advocated following the SSTD and recognized universities as the chief instrument now available for advancing science, innovation, and human capital (HC) in the RF.⁶ These pronouncements place the competitiveness of the university as such in the vanguard of progress. An innovative way to increase competitiveness through university management could be the implementation of Federal Law no. 172 “On Strategic Planning in the RF,” which addresses program and project management, especially inasmuch as this approach is also integral to the Address of the President of the RF dated 29 February 2024 and PDs no. 145, 343 and 309. Therefore, this article’s review of theoretical aspects will concentrate on three key components: defining what makes a university competitive; examining higher education as an instrument of and source for the development of HC, science, and innovation; and efforts devoted to a program and project approach to the development of universities.

Higher education and human capital as main components of innovative, scientific, and technological development

The Personnel for the Digital Economy federal project and the Digital Economy national program have laid the foundation for intensive development of the knowledge economy in the RF as specified in the Priority 2030 state program.⁷ The main objective of the program is to increase the share of Russian science and universities in the global and

⁶ Technoprom 2023 Forum held by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. <https://Форумтехнопром2023.рф>.

⁷ Decree of the Government of the Russian Federation dated 13 May 2021 no. 729 “On measures to implement the Priority 2030 strategic academic leadership program.” *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 22, 2021, p. 3823.

national research market so that Russian institutions will subsequently function as centers for the implementation of the SSTD. Hence, the role of the university's intellectual capital (IC), which is based upon HC, is set to expand. For the purpose of this study, however, IC and HC are not treated as concepts equivalent to each other. A group of authors at the end of the twentieth century laid the theoretical foundation for a definition of IC considered as a resource that includes intellectual property, brands, and programs that organizations possess; and HC is its main component [Brooking, 1996; Edvinsson, 2000; Kianto et al., 2017; Stewart, Stephanie, 1994]. Increasing the university's IC in applied research, generating innovative ideas, and mastering innovative technologies is impossible without human capital, which in turn depends upon the intersection of an individual's intellect, their personal and practical experience, and their intellectual achievements. This was acknowledged at the state level by the President of the RF with the inception of two new National Projects (NPs) with the indicative titles Youth and Personnel. The effective use of human capital is one of the main conditions for ensuring high rates of economic growth [Kapelyuk, Lishchuk, 2022; Wang, Yang, 2022].

The classic works of Adam Smith, William Petty, Theodore Schultz, Gary Becker and others have provided the fundamental contribution to the formation and elaboration of the theory of HC and its connection with education [Vefago et al., 2020; Weifang, 2017]. These authors established the role of human abilities in the production and capitalization of organizations and highlighted the results of increasing the level of education. Human resources were recognized as a form of capital, and the importance of investing in higher education was justified by the contribution it makes to increasing capital. At a later stage, HC was recognized as the basis for innovation and increased labor productivity in a country's economy as the impact from higher education training programs that advanced qualifications became clear [Ramstad, 2009].

The pressure from sanctions on the RF must be taken into account by this study. Work by Matthias Neuenkirch and Florian Neumeier confirmed the impact of these sanctions, which have led to a cumulative decline in scientific potential and a drop in the country's economic activity from 2.5 to 6% of GDP per year [Neuenkirch, Neumeier, 2015]. A decline of this magnitude in the country's GDP may trigger a reduction in funding for higher education. Given the distinctive features of the RF and high levels of competition between universities, this may lead to decreasing quality of education due to lower requirements for educational programs and professional disciplines. Gagik Mkrtchyan connected the differentiation and competitiveness of uni-

versities in the RF with the separation of education from science and with the varying quality of HC at universities [Mkrtchyan et al., 2017]. It was later found that countries with a high level of human capital development and robust educational systems are resistant to economic shocks [Ngouhouo et al., 2019]. Alexei Alekseev found that innovations and systemic investments in the development of HC brought about an upward trend for labor productivity in the Russian economy analogous to that in developed countries' innovations and systemic investments in the development of HC [Alekseev, 2019]. Anna Bulina held that the stock of human capital determines the technical progress of a country [Bulina et al., 2020]. Daria Avdeeva offered a systematic map of methodological approaches for assessing the effectiveness of investments in HC [Avdeeva, 2022]. In the unfavorable situation that the country faces, a group of researchers attaches special importance to the development of HC in regional higher education throughout the RF [Baranov et al., 2021; Sorokin, 2023a; 2023b; Tagaeva et al., 2020]. These authors believe that this would constitute an important support for consolidating HC and augmenting the scientific and innovative potential of the country's economy. According to the position of another group of authors, public universities can generate innovative ideas that contribute to the future development of HC provided that they apply the New American University model, the effectiveness of which has been in the USA tested at several universities in Arizona [Crow, Dabars, 2017].

In general, the authors who have investigated the impact of higher education on the economic, scientific and innovative development of various countries have singled out higher education as the main factor in recent competition between countries [Aganbegyan, 2024; Čajka et al., 2023; Glazev, 2022a; Lopes, Farinha, 2018; Zhou, Luo, 2018]. Research by authors who systematically analyze spending on education and R&D as a share of GDP across a sample of several countries confirms a positive correlation between an increased investment in HC through higher education and an increase in both the technological and economic development of a country [Aganbegyan, 2024; Glazev, 2022c; Wirajing et al., 2023].

This article is not intended to cover the entire theory and assessment of HC for the RF. However, in testing the research hypothesis and accepting the projections of the Address of the President of the RF dated 29 February 2024 and of the relevant new national projects, this article will provide an analysis establishing that the development of HC through higher education is a crucial missing link in the RF's SSTD, which is aimed at increasing the country's competitiveness and technological sovereignty.

Program and project management in national higher education: Approaches and modeling

This retrospective analysis of program and project management methods will exclude international experience and will instead concentrate on the methodological aspects of RF research during the last decade. This choice has been made on the assumption that Russian authors will take into account the conceptual framework of strategic planning adopted in 2014 and Federal Law no. 172 “On Strategic Planning in the RF” together with PDs no. 204 and 309 as well as the distinctive features of higher education in the RF, all of which are central to this study.

Political conditions and modern trends in the state have over the past ten years formed what could be a new management contour in higher education — strategic management. A group of researchers were among the first to take these factors into account by using mathematical modeling; their calculations resulted in a proposal to use a portfolio of individual projects in the university development program [Mazelis, Solodukhin, 2014; Sandler, 2020]. Tatiana Patrakhina and Yuri Molotkov suggested including a set of project-based, socially oriented activities provided for in the university strategy as the basis for development of an entire region [Molotkov, 2020; Patrakhina, Vyalkova, 2018].

Research from another group of authors identified high-quality personnel policies at the university as areas for a university’s growth and proposed inclusion of a corporate project management system, a program-targeted teacher certification plan, and a career development roadmap in a university’s development strategy [Gorbunova, 2019; Ilyina, 2023; Shklyarova, 2018]. A series of experiments allowed Yuri Daneikin and Victor Babenko, to arrive at five principles for introducing the project approach into the methodology of educational programs and the individual trajectory of students in order to develop their soft competencies; these principles could be included in university development programs [Babenko, 2021; Daneykin et al., 2019].

A significant contribution to the development of strategic management and of program and project management came from a group of authors who proposed setting the mission and strategic goals of the university by comparing them with a range of indicators for the innovative and scientific development of their region and by encouraging broad interaction between teachers and the rector of the organization [Baryshnikova et al., 2019; Demin, 2019; Kurbatova et al., 2018; Polevoy, Chalova, 2019].

It is not feasible to cover the entire range of publications on these topics in order to show how they have evolved. However, extensive groups

of researchers were considered provided that, in the authors' opinion, their output had passed vetting by specialized and widely quoted scientific publications or else had been published as monographs.

Nevertheless, it was possible through analysis of the remaining sources to identify fragmentation among the measures proposed, and a number of "gaps" that require attention as problems demanding further study were exposed. Among these gaps were a whole range of factors pertaining to Government Decree (GD) no. 1288 "On project activities" as amended by GDs no. and 987⁸ not taken into account; nor was Federal Law no. 172 "On strategic planning in the RF." The omitted factors include: the regulatory framework and state requirements for the passport (a document establishing the legal status of a future project), the specifics involved in integration of university projects with the state at the federal and regional levels, a reckoning of the risks and interests of all project stakeholders, identification of sources of funding, and requirements for changes in regulatory documentation and in management structure within the university. In addition, little attention was paid to providing suitable indicators for development projects and programs. These cannot be merely borrowed from other existing sources, as they would then lack any connection with the intermediate results in a university's development and would fail to incorporate the ways in which the academic structure participates formally in a university's management processes.

Theoretical approaches to the concept of competitiveness

The Address of the President of the RF dated 29 February 2024 and PDs no. 145, 343 and 309 lay out the high-priority paths of development of domestic higher education and establish that development as the main way to ensure scientific and technological progress and technological sovereignty for the RF. Therefore, it is necessary for the purpose of this study to be aware of the work of authors who have defended a dissertation on the topic of the competitiveness of universities in the RF. This is required both to arrive at methodological recommendations and also to understand the definition of the competitiveness of universities from the point of view of the academic community. Table 2 presents a combination of theoretical analysis pertaining to defining the term "competitiveness" in relation to different kinds of competition and also outlines the research of authors who have defended a dissertation on the topic "competitiveness of universities."

⁸ Russian Federation Laws. "On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated 31 October 2018 no. 1288" and Resolution of the Government of the Russian Federation dated 24 June 2021 no. 987 "On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated 31 October 2018 no. 1288". *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 27, part 2, par. 5375.

Table 2

Definitions of Competitiveness

Author	Definition of the concept of competitiveness
<i>General views of the founders of theoretical interpretations applicable in various contexts</i>	
A. Smith	Rivalry between participants in the market, formed by its invisible hand (mercantilism) [Smith, 2007]
M. E. Porter	The ability of a country's industry to constantly develop and produce innovations through the productive use of resources as compared to other entities [Porter, 1991]
A. Granberg	An entity's ability to defend its position in the market [Granberg et al., 2000]
V. Medeiros	A relative characteristic that reflects the differentiation of a country's or organization's development according to the degree of activity in relation to competitors and the dynamics of adaptation to market conditions [Friedrich, 2017; Medeiros et al., 2020]
<i>Opinions of authors who defended their dissertation on the topic "competitiveness of universities" from 2006 to 2023 in the RF</i>	
R. A. Fatkhutdinov	Static state or dynamic ability of a university to successfully compete in the market for educational services [Fatkhutdinov, 2006]
A. Petersons	A condition in which the quality of educational services, consumer satisfaction with these services, research activities, and the reputation of the university are secured [Petersons, 2008]
A. N. Trotsenko	A relative characteristic that reflects the competitive advantages of a university in terms of the determining factors for meeting the needs of clients and that allows it to maintain a competitive position in the market [Trotsenko, Romanova, 2015]
A. V. Voloshin	The resource potential of a university, which provides competitive advantages in the market as it interacts with other market participants [Voloshin, 2017]
A. K. Khudadova	A condition characterized by the ability to promptly adapt a university to environmental conditions [Khudadova, 2018]
I. V. Baranova	The overall characteristics of a university's resources, which by means of mixed marketing tools enable it to secure a share of the relevant market for educational services provided by that university [Baranova, 2021]

Source: compiled by the authors.

This study does not engage in a full presentation of the theory of competitiveness, but touches on those aspects that may be of academic interest while taking into account the current state of the RF and the distinctive features of its higher education. The conclusion to be drawn from Table 2 is that competitiveness is considered by most authors as a state or characteristic in the socio-economic domain being studied. The authors assess competitiveness according to parameters borrowed from methods developed for the topics of their research. Analysis of the definition of the competitiveness of universities has demonstrated not only a lack of coherence in the theory of competitiveness of universities and little representation of the components of previous studies, but also significant gaps in university management's understanding of the essence of competitiveness when current circumstances and the distinctive features of the RF are taken into account. Current government guidelines are also being overlooked at a time when the future of the nation is at stake.

This rather chaotic condition requires clarification of the definition of the competitiveness of universities. For the current Russian context, the competitiveness of a university may properly be specified as a systemic mechanism for human development through higher education in the RF directed toward the transition to the 6 STP and implemented through program and design measures that align with the SSTD. Such a definition implies the following elements: (1) an organization's ability to navigate the country's key strategic planning documents and focus on the strategic goals of the country, region, and university; (2) an organization's ability to attract resources and stakeholders for the development of innovative educational programs; (3) a university's potential and capabilities to ensure its competitive positioning in the rankings applied to the educational services market. This approach to the development of university competitiveness will not only allow universities to be included in federal and national programs and projects for the development of higher education, but it will also ensure the technological sovereignty of the state through training scientific and highly qualified personnel by universities to meet the needs of the country as prescribed by the existing PDs and by program and design measures within the legal framework of RF.

2. Methodological aspects of the study

This study employed material from such prominent international statistical sources as the OECD, UN, UNESCO, the World Bank, and the IMF. The relevant ministries and government agencies in the three countries were consulted for published representative statistical information pertaining to the subject of this study for the period from 2013 to 2023, and these statistics were also used for this article.

A meta-analysis which combined statistical data with techniques for comparison and contrast yielded an assessment of the level of development in the higher education systems of the RF and also provided methodological recommendations. This approach enabled identification of trends and problems in the management of the country's universities.

As the first stage in this task, state programs and projects for developing higher education at the level of the RF were selected and analyzed. The effects of those nationwide programs and projects were described and projected, a process which can contribute to charting the future path of development for higher education and HC. The quantified results of this process were compared across all three countries. The larger and more ambitious the programs and projects, the more significant the effect upon a country's HC and its universities.

During the second stage, the process for increasing the competitiveness of a country's universities was modeled by means of a program and project approach.

For the third stage, a structural and systemic analysis of retrospective data from the three countries was carried out to determine the conditions and patterns for increasing the competitiveness of each country's higher education system. To do this, a matrix was created in which certain indicators of the knowledge economy in the three countries were presented in a way that clearly exhibited the relative standing and degree of development of higher education in the RF. The matrix included the following indicators: investment in R&D, investment in each country's education, ratings and indices for evaluating innovations and higher education systems, and the human capital resource base for higher education. This approach is consistent with the modern neoclassical theory that economic growth is based on the scientific and technological development of a country, which in turn requires increasing the competitiveness of higher education and investment in HC, education, R&D and human resources [Chen, Hu, 2021; Chen, Liu, 2021; Jangraiz, 2015; Lavrikova et al., 2018; Lucas, 1988; Mankiw et al., 1992; Molchanova, Drozdova, 2019].

The Address of President Putin on 29 February 2024 informed the Federal Assembly of the priorities to be set in accordance with the new national project entitled Data Economy, whose priorities include the digital development of science, education, and the country's economy. These key factors and ways forward have determined the authors' approach to analysis in this study. Using the open-source program Replit⁹ and the structured, object-oriented programming language Python¹⁰ supplemented by artificial intelligence components, calculations employing a parametric statistical method were carried out for a subset of the components of domestic higher education. This handling of the data enabled detection of the presence or absence of a linear relationship between several quantitative indicators, as well as an assessment of their correlation and statistical significance. Among the automation elements included in the ecosystem of the software code generated by Replit's developer are components that suppress endogeneity and multimodality in complex calculations, as well as the Pearson correlation coefficient formula presented below:

$$r_{xy} = \frac{\sum(d_x \times d_y)}{\sqrt{(\sum d_x^2 \times \sum d_y^2)}},$$

where x and y are correlated series, r_{xy} is the correlation coefficient, d_y , d_x are deviations of each of the numbers of these.

⁹ Replit online environment for developing programs and projects. <https://replit.com/>.

¹⁰ Python high level programming language. <https://python.org>.

The result of the software calculation was a Pearson correlation heatmap in Python. In keeping with the research goal and hypothesis, only data from the RF indicators were used in the heatmap. The software is not intended to produce a document; instead it provides a visualized representation in the form of a screenshot of the digital code derived from the data processed. This automated digital processing generated heatmaps of the correlation between the indicators, which appear in section 4 below. The map indicated the degree of correlation between the factors affecting a resulting characteristic. If the correlation coefficient is above 0.8, then a positive relationship between the factors is confirmed.

In addition, limiting the number of characters to indicate tabular indicators led to their reduction in the Pearson heat map. The indicators presented on the left side of the heat map are analyzed along the horizontal axis, taking into account the values of other indicators in the study.

It is beyond the scope of this study to fully assess the three countries using this method. The heatmap data will reflect correlations only across the RF, a scope which is determined by the hypothesis and context of the work.

3. Increasing a country's competitiveness through program and design mechanisms in higher education

Brief overview of programs and projects for the development of higher education in India and China

Despite the publicized disagreements and tensions in the BRICS group between the RI and PRC, trade relations among them were on the rise in 2022, as is indicated by annual trade turnover figures of USD 200 billion. The success of this interaction is partly due to the introduction of a program and project approach to developing higher education at the state level [Hooijmaaijers, 2022]. Table 3 below shows some of the programs and projects at the PRC and RI national level.

The 5–100 and Priority 2030 initiatives as a factor in the development of higher education in the Russian Federation

Deliberate increases in targeted funding for domestic universities have a significant positive impact on their research productivity [Kovalev et al., 2022].

Table 3

**Some Key National Programs and Projects for the Development of Higher Education
in Effect During 2022 in China and the Republic of India**

Country	National projects and development programs	Purpose
RI	NEP 2030	Main program for the development of science and higher education through 2030
	Mpifil	Program for the development of postgraduate studies and science through 2030
	Swatchbharat	Support for higher education infrastructure
	Rashtriya Uchchattar Shiksha Abhiyan	University financial support program for simultaneous study at two universities in master's and postgraduate programs
	Digital India	Digitalization program including higher education
	Wikieducation India	Five-year development plan for higher education.
PRC	Torch	Program encouraging cooperation between enterprises and universities for the implementation of innovative solutions
	Program 863	Program to develop a generation of personnel to work in high-tech fields
	Program 973	Program for the development of postgraduate studies and scientific personnel
	Key Technologies of Science	Project for modernization and financing of university infrastructure to meet the demands of 6 STP
	100 Talents per Year	Targeted project of graduate student grants of USD 240,000
	Innovation 2030	University-based training of young graduates for innovative teams in the country's leading technological enterprises
	Project 985	Creation of 39 world-class universities in science and technology by 2030
	Double First Class Project	Enhancing competitiveness at 465 universities through 2049
	Project 211	Targeted funding program for 112 universities.
	Scientific and Technical Program for the Development of Universities	Promoting innovative development at 500 universities in the country through 2035

Source: author's compilation from the following websites: National Bureau of Statistics of China: <http://www.stats.gov.cn>; Indian Government Press Information Bureau: <https://www.education.gov.in>; Ministry of Education of China: <http://en.moe.gov.cn/>; Ministry of Education of China. Statistical Bulletin of the Implementation of the National Education Foundation: <http://www.moe.gov.cn>.

To increase the competitiveness of universities in the RF, Project 5–100¹¹ and the Priority 2030 GP¹² were implemented and have resulted in impressive amounts of targeted funding.

¹¹ Decree of the Government of the Russian Federation no. 211 dated 16 March 2013 “On measures of state support for leading universities of the Russian Federation in order to increase their competitiveness among the world's leading scientific and educational centers” (with amendments and additions). *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 12, 2013, p. 1314.

¹² Decree of the Government of the Russian Federation no. 729 dated 13 May 2021 “On measures to implement the Priority 2030 strategic academic leadership program.” *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 22, 2021, p. 3823.

Examination of Table 4 makes clear that the developers of the Project 5–100 took into account neither the way international institutional ratings are constructed nor the distinctive features of the RF’s higher education system. There is also an imbalance in funding between the three tiers of universities funded by the project.

This suggests that program and project management mechanisms in higher education are still in the process of formation. Although the most important shortcomings of Project 5–100 readily come to the fore when evaluating it, they can draw attention away from certain more significant and interesting features of the project. Even though the Project 5–100 universities had not reached the top 100 international institutional rankings at completion of the project, they were

T a b l e 4

Comparison of Project 5–100 and GP Priority 2030 in the Russian Federation

Project 5–100	GP Priority 2030
<i>Financing</i>	
Allocated 80.1 billion rubles to 21 universities over seven years.	Each university will receive 100 million rubles annually through 2030; an additional Research Track provides up to 1 billion rubles; the Industry Track offers 85 million rubles. Total financing in 2022 came to 27 billion rubles and in 2023 to 32 billion rubles.
<i>Goals and objectives</i>	
A uniform system of indicators is to be tracked at 21 universities while they pursue becoming one of the top 100 leading universities in the world of any kind and also ensure the growth of external academic mobility. The universities in Project 5–100 are divided into three groups depending on their scientific and educational activities. The total funding that universities of the first group received for scientific research and publications in WoS and Scopus was 6 to 7 times higher than the state support provided to universities of the third group.^a	Covered 132 universities in 2023 with the objective of transforming over 100 modern universities into centers of scientific and technological development for the RF. Academic mobility programs for academic staff and students within the country are to be implemented. The program refers to six tracks, each of which has a different set of indicators and goals and rotates among participating universities.
<i>Impact of regulations and changes to them on the projects</i>	
PD no. 599 dated 5 July 2012 established Project 5–100, but the requirements and criteria for assessing the quality of education have not been sufficiently specified; chaotic interaction between stakeholders, uneven funding, and unplanned changes in indicators in 2015, 2016 and 2018 have also held Project 5–100 back.	Close relationship and integration with: PD no. 143 dated 15 March 2021, PD 474 dated 21 July 2020, the Science and Digital Economy NPs, and the Federal Projects (FPs) entitled “Development of integration processes in science, higher education and industry” and “Personnel for the digital economy.” This integrated approach positions all aspects and processes of the program in a system and thus frees universities to focus on their trajectory for development.

Remainder of Table 4

Project 5–100	GP Priority 2030
Results	
The number of joint research projects of participating universities with the Russian Academy of Sciences increased by 23%, while the number of publications appearing in WoS and Scopus from the participating universities increased 3.5 times; over ⅔ of these publications were in journals published in Q1 and Q2. A total of 224,520 publications from all the participating universities appeared in Scopus and WoS. Over a seven-year period, the project's participants contributed to an increase from 19.7 to 47.7% in the Q1 percentage of Russian universities' publications in the journals included in Scopus and WoS. The total number of R&D projects was 2,083 (an 11-fold increase). In 2017, 14 participating universities were granted the right to award their own academic degrees. In 2019, each of the participants invested an average of 1.5 billion rubles in R&D. The average Unified State Exam score of applicants accepted for state-financed positions increased from 76 to 82 points, a score 12 points higher than the national average. The share of young teaching staff (up to age 39) at participating universities has doubled, while the share of foreign students increased 2.6 times, graduate students 2.4 times, and the share of foreign teaching staff doubled. Every sixth postgraduate student in the country studies at a Project 5–100 university. Only four Russian universities appeared in the QS, THE and ARWU worldwide university ratings in 2012, but by 2020 that number had risen to 27.	A group of researchers found that there was relatively little spread among all universities in their basic indicators [Guseva et al., 2023; Lavrinenko, 2023]. According to Minister V. N. Falkov's report, there was a 57.1% increase in the availability of high-quality higher education and a 20% increase in the number of dissertations defended by graduate students at universities participating in the project.^b The problems of technology transfer and commercialization are the first to be solved, and that progress will encourage an increase in R&D activity and in income produced by intellectual efforts along with an increase in the number of publications. Because Priority 2030 extends to roughly six times more universities than Project 5–100 and has greater geographic coverage, Priority 2030 will promote academic mobility within Russia and stimulate research projects that benefit the state and thus will have a positive effect on the entire higher education system of the RF. This comprehensive coverage will help even out development among different areas of the state, improve the scientific and publication activity of universities, and ensure the availability of high-quality higher education in all the regions of the RF.

^a The Accounts Chamber assessed the effectiveness of the university's Project 5–100 (2021). <https://ach.gov.ru/news/schetnaya-palata-proekt-5100-zadal-novye-napravleniya-razvitiya-vysshego-obrazovaniya-no-ne-dostig-p?ysclid=lt022bwfwv892870209>.

^b Falkov V. N. *Final report for 2022*. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/68131/>.

Source: authors' compilation from the following websites: <https://5top100.ru/>; <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/>; https://minobrnauki.gov.ru/documents/?ELEMENT_ID=40696&sphrase_id=8077777; <https://clarivate.com/>; <https://www.scival.com/>; <http://www.shanghairanking.com>; <https://www.timeshighereducation.com/>; <https://www.topuniversities.com/>.

able to achieve the significant results reflected in Table 4, and 19 out of 21 universities became participants in the GP Priority 2030. In general terms, analyzing Project 5–100 and GP Priority 2030 reinforces the idea that the higher education system has a “soft power” effect on the current state of science.

***Financial resources, limitations,
and the potential of Russian higher education***

Tables 3 and 4 indicate that strengthening technological sovereignty and adding to the number of programs and projects for the development of higher education in the RF are clearly insufficient for reaching the goals of the STTD and mastering 6 STP technologies. This intermediate conclusion is consistent with the research hypothesis. However, two important aspects affecting financial resources should also be noted.

First, despite the global challenges faced by the RF, the President announced three national projects — Personnel, Data Economy and Youth — which will strengthen and expand funding. Additional measures under these programs will be aimed at training one million highly qualified specialists for innovative enterprises by 2030. Such program and project measures will increase the competitiveness of higher education.

Second, in the section immediately above it was shown that only 303 universities out of the RF's 1,247 universities submitted applications for the GP Priority 2030, and only 187 of those applications were eligible for consideration. At the time of writing, the program included 142 participating universities. Although each state university received official notification from the Ministry of Science and Higher Education, only 24.2% of universities in the RF submitted applications, yet only 67.1% of those applications qualified for consideration. Under the terms of the GP Priority 2030, each university is to present its existing competitive advantages in personnel and also propose the ways in which it will increase human capital and build out an effective university development program. Some of the main formal indicators used to evaluate a university's capacities based on its application are presented in Table 5.

Table 5

Key Indicators for Assessing a Project Application for the GP Priority 2030

Indicator	Value
Enrollment of full-time students	≥ 4,000
Total annual financial support for the university	≥ RUB 1 bln
Percentage of funds received by the university from local sources (the immediate region or constituent administrative district of the RF and the municipality)	≥ 1%
Teaching staff under age 39 as a percentage of the total number of teachers without external part-time work	≥ 15%
Percentage of postgraduate students who defended their dissertation within the previous year	≥ 1,4%
Number of publications in Scopus and WoS over the previous three years as a ratio of the total number of teachers	≥ 0.08
Indicative university assessment performed	within the past 5 years
Percentage of teaching staff with scientific degrees	≥ 76%

Source: compiled by the authors from materials at <https://sociocenter.info/>.

It is impossible to categorically exclude the hypotheses that the increase in the competitiveness of a certain group of universities occurred because of backsliding in certain sectors of the national higher education system. Nevertheless, the number of universities that submitted applications for Priority 2030 and the percentage of eligibility for consideration may indicate that there is some degree of crisis in university management. Although many universities struggle to secure sufficient financial resources, for various reasons the management of a majority of universities could not seize the opportunity to receive 100 million rubles annually and a chance to win the program's annual special grant of 1 billion rubles. Unlike Project 5–100, successful applications to the Priority 2030 program require a recent indicative assessment which is a report delivered to the Ministry of Science and Higher Education in its capacity as founder of the universities and to the expert council for Priority 2030. The university's certified performance indicators for the previous five years and the university's detailed development strategy through 2030 are also to be included.

The scope of this study does not extend to granular evaluation of the activities and condition of universities over the past five years, or to the rankings and indicators of universities, or to the specifics of each university that submitted an application. Such an evaluation of strategies and conditions at universities would require a separate article, and in any case publicly accessible data for such research can be obtained from the websites of the universities.

It should, however, be noted that the order of the President of the RF PO-58906022020 has established that, if a university's management proves incapable of creating innovative tools which increase competitiveness and encourage flexibility of thinking in order to build a world-class university model and which make R&D an integral and commercialized part of the educational activities of teachers and students, then that shortcoming will result in the reorganization of such universities by 2030. Furthermore, their students will be guaranteed the right to complete their studies at other universities. This transition from relatively closed and simplified criteria for distribution of financial resources from the state is aimed at strategically increasing the competitiveness of higher education and of the country as a whole. Another advantage of this approach is that six times more universities can benefit from the Priority 2030 program than from Project 5–100.

The President of the RF has also announced three more national projects aimed at the development of higher education, although the budget for them is still to be determined. At the time of this study, government funding of the Science and Universities national project amounted to 871 billion rubles, and another similar amount will be provided through 2030.

These various initiatives make it safe to conclude that financial resources and new projects at this stage are sufficient for the development of competition in higher education because a substantial number of universities did not have the capacity to devise strategies that contain clear mechanisms and resources, indicators, and suitable goals, and also supplement these with a program for the development of their HR. For that category of universities, it follows that the problem lies with the university's management. Nevertheless, given the current challenges facing the RF and the empirical analysis carried out here (see Tables 3, 4, 7 and 8), addressing the general issues of competitiveness and optimization of the internal higher education system can be deferred for a time.

At some later date, a systematic 4- to 5-fold increase in spending on education and R&D will be required in order to match India's performance indicators for its higher education system. Drawing equal to the PRC's positioning would require a 15 to 20 times increase in spending, which seems completely unrealistic. Table 6 is an attempt to present the funding required in the future to match the performance of the RF's higher education system in terms of the RI's targets.

Table 6

**Roadmap for Financing Higher Education Projects
in the RF in Order to Match the RI's Performance**

RI target category	Amount of financial support by year of implementation (RUB bln)						Federal budget, total (RUB thsnd)
	2025	2026	2027	2028	2029	2030	
Comparable title for program and project tools							
Campus technological infrastructure	0.4	0.5	0.6	0.7	1.1	1.3	4,600,000
Development of HC taking into account SSTD and the needs of the regions	0.3	0.4	0.5	0.6	0.7	0.5	2,500,000
Total							7,100 000
Comparable indicator							
Ranking of the RF in terms of R&D output in the OECD	18	18	17	16	12	10	
Teachers under age 39 with a scientific degree (thsnd)	101.8	111.0	120.2	150.0	200.1	400.2	

Source: compiled by the authors from research materials.

Recommendations for higher education in the RF

The authors' theoretical review disclosed a number of factors that were overlooked by the academic community but were clearly established in Government Decree (GD) no. 1288 "Concerning project activities" (superseding no. 1019 and 987) and Federal Law no. 172 "On

strategic planning in the RF.” Also noted were fragmentation of the proposed measures, as well as lack of a modern approach to defining the “competitiveness of a university” and of models of the relationship between the country’s competitiveness and its universities as they impinge upon project activities.

The problems identified among domestic universities can be converted into areas for growth, provided that the university initiates a regional and/or municipal project of its own, which will integrate it into the system for public administration and financing and enhance coordination with national and federal projects and with state programs; that integration should ensure the involvement of all its key stakeholders and the accumulation of resources for a university that initiates such a project.

The recommended steps for universities fall into three broad areas, as follows:

- 1) Each university must address these problems individually through a regional or municipal project carried out as part of project activities which, in accordance with GD no. 1288, will specify the actions required of project development participants with a common goal, the methods agreed upon for achieving the final result, and a justified rationale presented in the project’s certifying documentation and which must follow certain structural requirements. From an administrative point of view, the project should be based on the core of the regulatory framework. Therefore, a project is a temporary undertaking which produces a document formed according to a certain algorithm in order to solve a problem existing in society. The undertaking includes a set of activities, a budget, and risk assessment. It has stakeholders responsible for the results, preparing a road map, and meeting the requirements laid down in legal acts, which provide a legislative and financial basis at the state level to assist in creating a unique product or outcome.¹³ The project must be compatible with the STTD, the geographical development strategy of the RF, the projections for socio-economic development of the RF and the project’s own region, national and federal projects, and the state program of the RF and the project’s region.
- 2) Universities need to reconsider their previous thinking about the competitiveness of a university and use the authors’ definition, which differs from earlier attempts by focusing on the management of an educational organization in the following ways:

¹³ State Standard: GOST 58305-2018; ISO 21500:2014; GD no. 1288 “On project activities;” GOST 58184-2018.

- a) establishing the university as a key participant in ensuring the competitiveness of education and the technological sovereignty of the RF;
 - b) emphasizing modern, innovative tools for public administration in accordance with the Decree of the Government of the RF no. 1288 (superseding no. 1019 and 987) "On project activities in government agencies,"¹⁴ Federal Law no. 172 "On strategic planning in the RF" and the relevance of SSTD,¹⁵ which is the central document of the country's strategic development;
 - c) foregrounding the university's capacity for responding to the needs of stakeholders and attracting resources;
 - d) tracking the university's rankings and using indicators from the authors' extensive ongoing work in this field to evaluate results and to increase the competitiveness of the university.
- 3) The structure of the university clearly needs to change, and one of the options could be creation of a project office. A problem tree and goals for the university should first be laid out. The second step would be to state the main goal of the university with due consideration of the guidelines for "smart" functioning. Various tasks should be defined and structured in accordance with "smart" approaches as the third step, and each task should be assigned a "weight." The fourth step would be to draw up a plan of program activities for each task and outline the schedule and scale of its implementation. At the fifth step, an indicator should be devised for each program activity together with a specification of its baseline, annual, and final values to be used as goalposts for monitoring. Sixth, a quarterly monitoring system should be incorporated into the university structure for the purpose of indicative assessment and evaluating the degree of impact, implementation of activities, and progress toward goals and objectives. Thus, program measures for project implementation consist of six key stages, each of which has its own content, is carried out in a definite and logical sequence, and has its own structure. Using these measures would contribute to forming and monitoring the intellectual capital of a university, as well as to the organization of methodological support with emphasis on practical application.

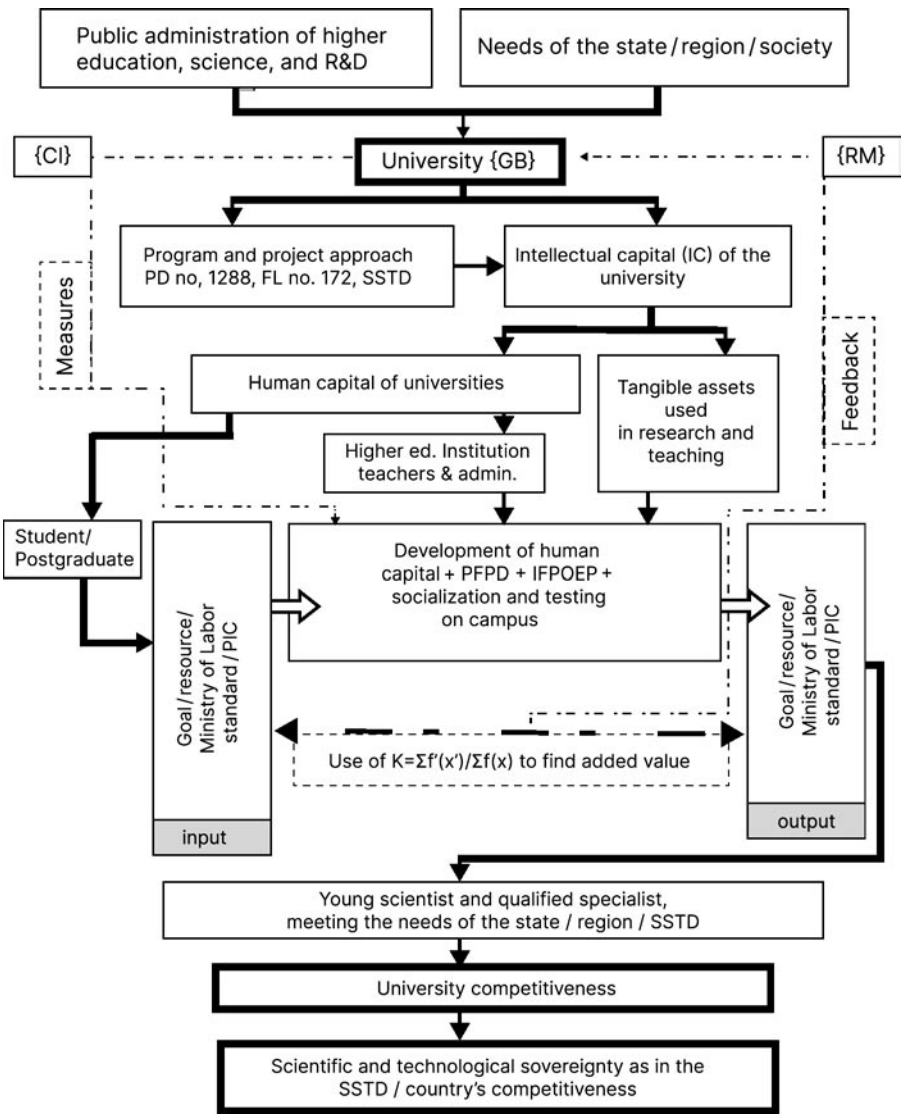
¹⁴ Federal Law "On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation no. 1288 dated 31 October 2018" and Resolution of the Government of the Russian Federation no. 987 dated 24 June 2021 "On amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated 31 October 2018 no. 1288" and Decree of the Government of the Russian Federation no. 1019 dated 10 July 2020. *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 27, 24 June 2021, p. 5375.

¹⁵ Federal Law no. 172-FL dated 28 June 2014 "On strategic planning in the Russian Federation (as amended on 17 February 2023)." *Compendium of the Legislation of the Russian Federation*, no. 26 (Part 1), 2014, p. 3378.

- 4) The project should use the authors' model (see Fig. 1 below), which is based on theoretical research and whose central idea is to ensure the technological sovereignty of the RF by expanding high-quality HC, an improvement which will be made possible as the competitiveness of higher education is upgraded with the help of better program and project management. A project of this kind was prepared by the authors using an algorithm compliant with GOST ISO 21500, 58184 and 54869, Federal Law no. 172 and GD no. 1288 (superseding no. 1019 and 987). It incorporates a set of individual indicators for all stages of a project's life cycle and enables thorough monitoring. It has been partially evaluated in other publications and is currently under consideration at the project office of a regional ministry.

Using the model is intended to bring about a higher education system that is designed to meet the needs of the state and its region, readily align with the key documents of the country's strategic development as well as comply with PD no. 145, 309 and 343 and respond to the challenges that have been encountered by the country. Indicators based on the distinctive features of a university are identified and used to assess its competitiveness; these indicators must be individualized, a requirement which follows from the different positions in national and international rankings that the universities occupy. The model will highlight the components of ratings that require improvement in comparison to a university's competitors. The introduction of this new approach to managing the university's structure will result in expansion of its HC with respect to development of innovative, flexible, practice-oriented educational programs (IFPOEP) and programs for professional disciplines (PPPD), ensuring adherence to the SSTD and upgrading the quality of administrative management.

Within the framework of the classical theory, the IC of a university in the sense intended here includes its intangible assets that are used in teaching and research, an important part of which is the HC involved in higher education. HC consists of students, teaching staff, and administrative personnel. From the viewpoint of scientific and technological progress, the main output of a modern university required to take advantage of the 6 STP is a young scientist who is a competitive specialist and meets the current needs of the country, region, and specific organizations in the labor markets and who is able to create innovative products that are in demand in the society. Target indicators, university resources, the number of program and design measures, and the professionally important competencies (PIC) that students should acquire are among the "inputs." At that stage the student does not yet have professionally important competencies (Fig. 1) that meet the stand-

Source: developed by the authors.

Fig. 1. Model of the Relationship Between the SSTD and the Competitiveness of Universities in the Russian Federation

ards of the Ministry of Labor. Using a functional equation expressing the relationship between the values of the function at different points $K = \frac{\Sigma f'(x')}{\Sigma f(x)}$ yields a basic calculation of the number of program and design measures at the university and the competencies of students at the entrance to and exit from the educational program. The students who emerge as “outputs” will have reached a new level of professionally important competencies in their respective specializations. These PIC will conform to the standards of the Ministry of Labor and will be

taught through practical study that, at a competitive university, benefits from modern, innovative management, IFPOEP, and PFPD. Students' PIC will be a principal asset for them when they enter the labor market. Determining PIC at input and output, target indicators, university resources, as well as the number of program and design measures is a prerequisite for applying the model. The assessment process and its results then operate as a feedback loop for the regulation of management (RM in Fig. 1) by the university's governing body (GB) in order to ensure the flexibility of the IFPOEP and PFPD. The system for monitoring and measuring indicators at the input and output stages offers a way to guide and control inputs (CI), IC, IFPOEP, and PFPD. The program measures in the model will increase the competitiveness of a university and make its pursuit of effectiveness evident and transparent. The Ministry of Education and Science of the RF will therefore view that university favorably when it comes to including it in government projects and programs for the development of higher education, all the more so because strategic planning tools have been applied and an indicative assessment the development of the university and of its IC and HC has been carried out. The model presented in Figure 1 is suitable for regional or municipal projects aimed at increasing competitiveness as confirmed by an indicative evaluation which is initiated by the universities or regional government authorities and which conforms to PD no. 145, 309 and 343 while taking into account the research hypothesis.

4. Empirical study of key components of scientific and technological development and of education systems

Table 5 displays an indicative matrix of investment in key individual sectors of the knowledge economy and in the development of HC. Such investment can be indicative of a country's relative competitiveness. The empirical part of this study was conducted at the end of Q4 of 2023. Data are presented for 2022, because information from various international institutions and the relevant government bodies of the three countries is published at different times. In addition, the information security arrangements of the RI and the PRC allowed access to information only through a virtual private network (VPN). The indicative matrix (Table 5 below) presents the combined data of key international institutions for a cost-based assessment of relative competitiveness. It should be noted that in response to the Special Military Operation (SMO), the International Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) on 3 August 2022 announced that negotiations on the RF's accession were terminated, that publication of statistics was curtailed, and that its Moscow office was closed and would not provide

further data. These restrictions also played a part in determining the date of the last ranking of countries in higher education.

Table 7

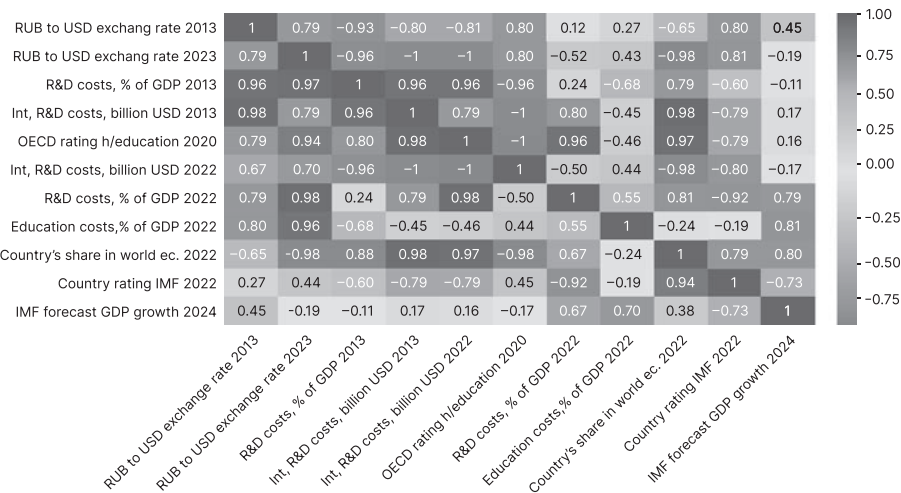
**Comparison of the Cost of Investing in the Knowledge Economy Categories
of R&D and Education in the RF, PRC and RI**

Country	National exchange rate to dollar (USD)	Domestic R&D costs (% of GDP)	Internal R&D costs (USD bln)		Domestic R&D costs (% of GDP)	OECD rating for higher education	Education costs (% of GDP)	Country's share in total (USD 164.1 trn) world economy	IMF country rating	IMF forecast for GDP growth
	2013/ 2022	2013	2013	2022	2022	2020/ 2013	2022	2022	2022/ 2013	2024
PRC	6.09/7.1	2.06	290.3	554.3	2.4	31/89	4	31.6	2/3	4.2
RI	61.3/83.3	0.69	42.8	68.2	2.5	44/96	4.1	12.5	5/10	6.3
RF	30.9/91	1	24.8	40.1	1	45/31	4	5	11/8	1.1

Source: authors' compilation from the following websites: <https://uis.unesco.org>; <https://www.un.org/ru/desa>; <https://www.worldometers.info/world-population/india-population/>; <https://www.imf.org>; <https://data.worldbank.org>; <https://www.undp.org>; <https://www.oecd-ilibrary.org/education/>; <https://www.wipo.int>; <https://uis.unesco.org>; <https://hdr.undp.org/data-center/country-insights/#/ranks>; www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/arabstates/GKI; www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022; <https://cbr.ru/>; <http://www.stats.gov.cn/>; <https://www.meity.gov.in>; <https://rosstat.gov.ru/>.

The data in Table 7 supports the following observations. The RF has lost 12 places in the OECD education ranking. Over nine years, the RF has increased its allocation to R&D in absolute terms by 61.7%, the RI by 59.3%, and the PRC by 90%. However, a deeper analysis of this data would find the apparent significant tapering off of higher education investment in the RF is partly due to the weighted average annual exchange rate of national currencies of countries relative to the US dollar, as devaluation against it varied widely among the three countries. The exchange rates of RI and PRC over nine years were devalued by an average of 16% in USD terms. Over the same period, the Russian national currency was devalued by 300%.

Using data from the Central Bank of the RF, the inflation rate was calculated on an annualized basis from 2013 to 2022 as the sum of the inflation rates for each month, a method which revealed variations masked by measuring the inflation rate as a whole and smoothed out seasonal deviations. The resulting rate of inflation mirrors the increase in R&D funding. Inflation in the RF amounted to 78.3% over the nine years considered, and it follows that RF expenditures on R&D held steady at the 2013 level.

Source: compiled by the authors using Replit, Python, and artificial intelligence.

Fig. 2. **Pearson Correlation Heatmap Derived From Table 7**

In addition, limiting the number of characters to indicate tabular indicators led to their reduction in the Pearson heat map. The indicators presented on the left side of the heat map are analyzed along the horizontal axis, taking into account the values of other indicators in the study.

A close correlation between several indicators emerged in the heatmap. This includes domestic R&D expenditures in billions of US dollars, domestic R&D expenditures as a percentage of GDP, education expenditures as a percentage of GDP, and the effect of national currency exchange rates on these indicators. In addition, a country's share in the global economy is heavily dependent on the amount of investment in R&D in billions of US dollars, which is in turn a factor in the rating by the International Monetary Fund. Analysis revealed areas in which the RF falls short: its investment in R&D is 1.7 times less than in the RI and 14 times less than in the PRC. In terms of US dollars, the RF's investment in education is 6.5 times less than the RI's and 17 times less than the PRC's.

The scientific and technological development of a country relies on its HC in higher education. Factors relevant to understanding the condition of HC at institutions of higher education in the RF, PRC and RI are presented below in Table 8, which does not include RI nationality students (0.5% of all RI students) and PRC students (0.9% of total students there) who are enrolled in academic mobility programs that take them abroad.

The number of students in the RF became 1.9 times less over fourteen years, while the student population in the RI increased 3.2 times

Table 8

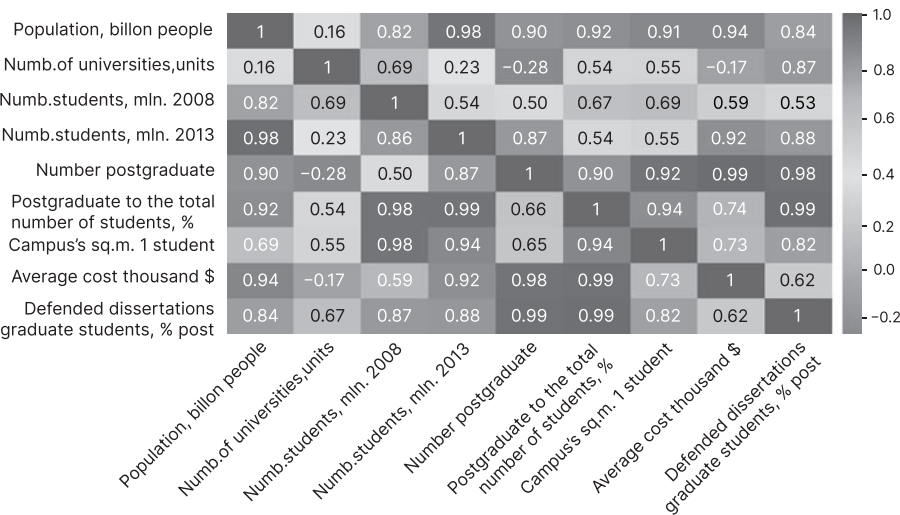
HC Resources for the Development of Higher Education
and Science for 2022 in the RI, PRC, and RF

Country	Population (bln)	Number of universities	Number of students (mln)	Postgraduate students (thsnd)	Ratio of postgraduate students to total students (%)	Campus area per student (sq. m.)	Defended dissertations of postgraduate students (%)	Average annual cost of full-time higher education (USD thsnd)
	2022	2022	2008/ 2022	2022	2022	2022	2022	2022
PRC	1.425	1,489	20.21/ 44.32	1,242.2	6.9	51.6	14.6	3,228
RI	1.433	1,113	13.04/ 41.38	2,114.1	5.2	33.8	7.5	3,988
RF	0.146	1,247	7.513/ 4.076	109.7	2.6	8.2	1.4	1,741

Source: authors' calculations from the following websites: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science>; <http://www.stats.gov.cn>; <https://www.statista.com>; <https://www.meity.gov.in/content/stpi>; <https://www.education.gov.in>; <http://www.moe.gov.cn>; <https://ruralindiaonline.org/en/library>; <https://www.un.org/ru/des>; <http://en.moe.gov.cn/>; <https://data.worldbank.org/>; <https://uis.unesco.org>; <https://nirfindia.org>.

and 2.2 times in the PRC. The number of postgraduate students in the RF is 11 times less than in the PRC and 22 times less than in the RI. These variations in the number of students and postgraduate students in the RF and in the quality of training they receive are not conducive to reaching the goals set out in the SSTD and the Address of the President of RF. Reaching them would require the state and universities to undertake separate initiatives, some of which are formulated in the research hypothesis.

Young scientific personnel are drivers of the country's future development. Analysis here has established that the number of graduate students correlates tightly with the percentage of dissertations defended, the average price of tuition, and the area per student at university campuses. The importance of these factors is confirmed by the statistics in Table 8. For example, the number of defended dissertations as a percentage of the number of students in the RF is 7 times less than in the RI and 14 times less than in the PRC.

Source: compiled by the authors using Replit, Python, and artificial intelligence.

Fig. 3. **Pearson Correlation Heatmap Derived From Table 8**

5. Research Results and Main Conclusions

In accordance with the SSTD (PD no. 642 dated 1 December 2016, PD no. 143 dated 15 March 2021, and PD no. 145 dated 18 February 2024), the strategic goal of state policy with regard to higher education and science is “ensuring world-class R&D, global competitiveness, and the technological sovereignty of the country by 2035.” However, this study found that, despite clearly identified priorities, scientific and technological development in the RF is progressing at a noticeably slower pace than in the world’s leading economies, and this differential in progress is a principal problem for the RF. This has been confirmed in the UN Global Innovation Index for 2023 where the RF placed 51st, a loss of eight places in the seven years since the publication of the first SSTD in PD no. 642.

Universities and government bodies can use the results obtained in this study as the basis for their calculations when developing methodological provisions and tools that will strengthen the potential of higher education in the RF and secure the country’s technological sovereignty. Among the research results suitable for upgrading higher education are the following:

- 1. Comparison of Project 5–100 and the Priority 2030 program established that the latter program will allow six times more universities to participate and thus benefit from comprehensive development and strengthen the research components of the university model in order to adhere to the SSTD. However, when comparing

the number of programs and projects at the national level in the three countries studied, it became obvious that domestic higher education requires developing a wide network of program and project initiatives.

2. A comparison of indicative assessments of the state of the educational systems under study showed that the higher education system of the RF trails behind that of the PRC and the RI (Tables 7 and 8). These negative trends in the RF higher education system impair the country's technological sovereignty and threaten its security.
3. Two problems in the RF's higher education system have been identified: weak compliance by universities with the country's strategic development documents; and lack of the knowledge and skills to apply program and project management as prescribed by Federal Law no. 172 "On strategic planning in the RF"
4. Analysis of statistical data on the financing needed to fulfill the SSTSD indicates that investment in R&D, science, and higher education must increase many times. Comparison of the three countries covered in Tables 7 and 8 by means of heatmaps showed that the amount of funding devoted to higher education is directly proportional to higher values for the parameters of a country's innovative development. The limited contingent of HC engaged in higher education requires higher quality training in higher education techniques and postgraduate programs as well as improved conditions for learning.
5. The systemic and structural analysis that was conducted of the state and degree of development in higher education allowed the authors to evaluate the potential for innovative development in the RF compared to other countries. Realizing that potential involves developing tools for innovative development that reach all of the RF's constituent administrative districts through regional and municipal projects to increase the competitiveness of local universities.
6. Scientific innovation is tightly bound to the concept of the competitiveness of universities, which should be understood as a system with components and elements that ensure the innovative advancement of a university in the domestic and international market for educational services while also taking into account the country's guidelines for strategic planning, program and project management and for ensuring sovereignty.
7. Scientific innovation is now anticipated through application of a cybernetic model of systemic management for the process of increasing the competitiveness of a university; and this approach is also closely connected to current research trends in program and

project management, which demand accelerated implementation in the RF higher education system to ensure adherence to the SSTD (PD no. 145) and can be used in regional and municipal higher education development projects.

8. The program measures for strategic development of domestic universities, formulated in the authors' recommendations employ an algorithm that includes a logical sequence consisting of six sections, each of which has stages that have their own structure with respect to substance and content and which unfold in a strict sequence. Strategic planning of that nature ensures the achievement of the strategic goals of increasing the competitiveness of any university in the RF.
9. The data obtained from statistical, systemic, and structural analysis supplemented by observation of participants confirm the research hypothesis, which is based on the SSTD PD no. 145 and the Address of the President of RF to the Federal Assembly dated 29 February 2024 and which maintains that the implementation of the SSTD will increase the competitiveness and sovereignty of the RF. The research hypothesis also reaffirms the scientific and practical significance built into the two new national projects — Personnel and Youth. The training of one million highly qualified specialists for domestic enterprises that are mastering 6 STP technologies in response to program and design measures implemented by the authorities will likewise ensure increased competitiveness for the RF's higher education system while buttressing the sovereignty and independence of the RF.

Conclusion

The RF has not yet developed a comprehensive system of strategic planning for the development of higher education, and adoption of a program-targeted approach in universities is still not widespread. One indirect sign of this deficiency is the lack of a comprehensive strategy for the socio-economic development of the country which would include higher education. Even after taking into account the current regulatory and legal framework, the progress toward increasing the competitiveness of higher education by using program and design measures remains extremely low. This study underlines the significant and growing gap between the three countries. The adoption of PD no. 145, 343 and 309 indicates a change in the dynamics and structure of the RF's demands on technological and knowledge-intensive industries. The initiation of the two new national projects — Personnel and Youth — as well as the implementation of Priority 2030 highlights the need to rectify the imbalance in the training of scientific and highly qualified

personnel and stimulate innovation in the domestic economy for the development of technologies that are part of the 6 STP.

Higher education in the Russian Federation is increasing the role of a program- and design-based innovative approach to the strategic development of universities because accelerated economic restructuring toward the 6 STP is needed in response to sanctions.

Initiating regional and municipal projects at universities with national status in the RF and also at local universities serving the country's various constituent administrative districts while also adopting the model proposed here would enable university management to focus on the key goals and needs of the state in response to sanctions by applying relevant and innovative tools. The model is built on an updated understanding of a university's competitiveness, and it facilitates management of the process that a university uses to increase its competitiveness. This approach will lead to an increase in the competitiveness of the country's higher education, which will correspond to the goals and objectives in the Address of the President of RF to the Federal Assembly dated 29 February 2024 and PD no. 145, 343 and 309.

The scientific contribution to the article by the Chinese author amounted to approximately 15% and consists mostly of Chinese statistical data and of passages that refer directly to the Chinese authors in the literature. The Russian author is responsible for 85% of the research and 100% of the original content (scientific innovation).

References

1. Aganbegyan A. G. Opyt zarubezhnykh stran po uskorennomu sotsial'no-ekonomicheskomu rostu i ego vozmozhnoe ispol'zovanie dlya Rossii [The Experience of Foreign Countries in Accelerated Socio-Economic Growth and Its Possible Use for Russia]. *Strategirovanie: teoriya i praktika [Strategy: Theory and Practice]*, 2024, vol. 4, no. 11, pp. 1-26. DOI: 10.21603/2782-2435-2024-4-1-1-26. (In Russ.)
2. Alekseev A. V. Prognoz nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya RF do 2030 goda: osobennosti metodologicheskogo i institutsional'nogo podkhodov [Forecast of Scientific and Technological Development of the Russian Federation Through 2030: Features of Methodological and Institutional Approaches]. *Interesko Geo-Sibir' [Interexpo Geo-Siberia]*, 2019, vol. 3, no. 1, pp. 3-11. DOI: 10.33764/2618-981X-2019-3-1-3-11. (In Russ.)
3. Avdeeva D. A. Pokazateli chelovecheskogo kapitala v issledovaniyakh ekonomicheskogo rosta: obzor [Review of Human Capital Indicators in Economic Growth Studies]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE [HSE Economic Journal]*, 2022, vol. 26, no. 2, pp. 240-269. DOI: 10.17323/1813-8691-2022-26-2-240-269. (In Russ.)
4. Babenko V. V. Puti sovershenstvovaniya uchebnogo protsessa vuza cherez proektnyy podkhod [Ways to Improve the Educational Process of a University Through a Project Approach]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta [Bulletin of the Maykop State Technological University]*, 2021, vol. 2, no. 13, pp. 29-40. DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-2-29-40. (In Russ.)
5. Baranov A. O., Kryukov V. A., Slepenskova Yu. M. Dinamika chelovecheskogo kapitala v Aziatskoy Rossii v pervye desyatletiya XXI veka [The Dynamics of Human Capital in Asian Russia in the First Decades of the 21st Century]. *Ekonomika regiona [Regional Economy]*, 2021, vol. 17, no. 4, pp. 1182-1195. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-4-10. (In Russ.)

6. Baranova I. V. *Sovershenstvovanie marketingovogo instrumentariya povysheniya konkurentosposobnosti sub'ektov obrazovatel'nogo klastera* [Improving Marketing Tools to Increase the Competitiveness of Entities in the Educational Cluster]. Dissertation for Candidate of Economic Sciences Degree. Volgograd, Volgograd State University, 2021. (In Russ.)
7. Baryshnikova M. Yu., Vashurina E. V., Chinnova I. I., Sharykina E. A., Sergeev Yu. N. Rol' opornykh universitetov v regione: modeli transformatsii [The Role of Flagship Universities in the Regions: Models of Transformation]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2019, vol. 1, pp. 8-43. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-1-8-43. (In Russ.)
8. Brooking A. *Intellectual Capital: Core Asset for the Third Millennium Enterprise*. London, International Thomson Business Press, 1996.
9. Bulina A. O., Mozgovaya K. A., Pakhnin M. A. Chelovecheskiy kapital v teorii ekonomicheskogo rosta: klassicheskie modeli i novye podhody [Human Capital in the Theory of Economic Growth: Classical Models and New Approaches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University. Economics], 2020, vol. 36, no. 2, pp. 163-188. DOI: 10.21638/spbu05.2020.201. (In Russ.)
10. Čajka P., Čajková A., Krpálek P. The Role of Universities as the Institutional Drivers of Innovation at the Regional Level. *Terra Economicus*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 94-107. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-1-94-107.
11. Chen C., Hu H. 陈春平, 胡何琼. 我国高等教育层次结构优化与经济发展的关系研究——基于2000—2019年的数据分析(I). 当代教育论坛 网址 [Research on the Relationship Between the Optimization of the Hierarchical Structure of Higher Education and Economic Development in China Based on Data Analysis From 2000 to 2019]. *Contemporary Education Forum*, 2021, vol. 4, pp. 32-35. <https://10.13694/j.cnki.ddjylt.20210407.002>. (In Chin.)
12. Chen L., Liu J. 刘洁, 陈翠霞. 教育投资、经济增长与波动: 基于微观路径的最优化视角·教育与经济, 网址 [Education Investment, Economic Growth and Volatility: An Optimal Perspective Based on Micro Paths]. *Education and Economy*, 2021, vol. 37, no. 2, pp. 31-39. <https://10.27727/d.cnki.gwhxc.2023.000678>. (In Chin.)
13. Crow M., Dabars W. *Model' Novogo amerikanskogo universiteta* [Model of the New American University]. Trans. by M. Rudakov. Moscow, HSE Publishing House, 2017. DOI: 10.17323/978-5-7598-1519-8. (In Russ.)
14. Daneykin Yu. V., Kalinskaya O. E., Fedotova N. G. Proektnyy podkhod k vnedreniyu individual'noy obrazovatel'noy traektorii v sovremennom vuze [Project Approach to the Implementation of an Individual Educational Trajectory in a Modern University]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2022, vol. 29, no. 8/9, pp. 104-116. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116. (In Russ.)
15. Demin P. V. Marketizatsiya sfery obrazovaniya i brending universitetov. Retsenziya na knigu: Papadimitriu A. Konkurentsiya brendov i marketinga v sfere vysshego obrazovaniya [Marketization of the Education Sector and University Branding. Book Review: Papadimitriu A. Competition of Brands and Marketing in Higher Education]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 2019, no. 4, pp. 1-10. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-294-306. (In Russ.)
16. Edvinsson L. Some Perspectives on Intangibles and Intellectual Capital 2000. *Journal of Intellectual Capital*, 2000, vol. 1, no. 1, pp. 12-16. DOI: 10.1108/14691930010371618.
17. Fatkhutdinov R. A. Upravlenie konkurentosposobnost'yu vuza [Managing the Competitiveness of a University]. *Vyshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 2006, vol. 6, pp. 35-37. (In Russ.)
18. Friedrich P. The New Flagship University: Changing the Paradigm from Global Ranking to National Relevancy. *European Journal of Higher Education*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 336-340. DOI: 10.1080/21568235.2017.1304174.
19. Glazev S. Yu. Global'naya transformatsiya cherez prizmu smeny tekhnologicheskikh i mirokhozaystvennykh ukладov [Global Transformation Through the Prism of Changing Technological and World Economic Structures]. *AlterEkonomiks* [AlterEconomics], 2022a, vol. 19, no. 1, pp. 93-115. DOI: 10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6. (In Russ.)

20. Glazev S. Yu. Noonomika kak sterzhen' formirovaniya novogo tekhnologicheskogo i mirokhozaystvennogo ukladov [Noonomics as the Core of the Formation of a New Technological and World Economic Order]. *Noonomika i nooobshchestvo [Noonomics and Noosociety]*, 2022b, vol. 1, no. 1, pp. 43-64. (In Russ.)
21. Glazev S. Yu. Rossiyskoe obrazovanie v oblasti ekonomicheskoy teorii: neobkhodimo obnovenie [Russian Education in the Field of Economic Theory: Updating Is Necessary]. *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal [Russian Economic Journal]*, 2022c, vol. 5, pp. 4-21. DOI: 10.33983/0130-9757-2022-5-4-21. (In Russ.)
22. Gorbunova N. V. Proektnaya deyatel'nost' i proektnye metody v obrazovanii [Project Activities and Project Methods in Education]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya [Problems in Modern Education of Teachers]*, 2019, vol. 63, no. 2, pp. 112-116. (In Russ.)
23. Granberg A. G., Busygina I. M., Vvedenskiy V. G. Regional'noe razvitie: opyt Rossii i Evropeyskogo Soyuzu [Regional Development: Experience of Russia and the European Union]. Moscow, Ekonomika, 2000. (In Russ.)
24. Guseva A. I., Kalashnik V. M., Kaminskiy V. I., Kireev S. V. Pervyy god realizatsii programmy "Prioritet-2030": pozitivnye rezul'taty i problemnye napravleniya universitetov issledovatel'skogo treka [The First Year of Implementation of the Priority 2030 Program: Positive Results and Problematic Areas of Research Track Universities]. *Vyshee obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*, 2023, vol. 32, no. 3, pp. 9-25. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-3-9-25. (In Russ.)
25. Hooijmaaijers B. The Internal and External Institutionalization of the BRICS Countries: The Case of the New Development Bank. *International Political Science Review*, 2022, vol. 43, no. 4, pp. 481-494. DOI: 10.1177/01925121211024159.
26. Ilyina O. N. Metodologiya upravleniya proektami: stanovlenie, sovremennoe sostoyanie i razvitie [Project Management Methodology: Formation, Current State and Development]. Moscow, INFRA-M, 2023. (In Russ.)
27. Jangraiz Kh. The Role of Research and Development in Economic Growth: A Review. *Journal of Economics Bibliography*, 2015, vol. 2, no. 3, pp. 128-133. DOI: 10.1453/jeb.v2i3.480.
28. Kapelyuk S. D., Lishchuk E. N. Otsenka faktorov nedoispol'zovaniya obrazovaniya na sel'skom rynke truda [Assessment of Factors in Underutilization of Education in the Rural Labor Market]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of St. Petersburg University. Economics]*, 2022, vol. 38, no. 2, p. 285-314. DOI: 10.21638/spbu05.2022.206. (In Russ.)
29. Khudadova A. K. Ranzhirovanie universitetov na osnove nechetkikh metodov mnogokriterial'noy otsenki pokazateley ikh konkurentosposobnosti [Ranking Competitiveness of Universities by Means of Non-quantitative Indicators with Multiple Criteria]. *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 101-117. (In Russ.)
30. Kianto A., Sáenz J., Aramburu N. Knowledge-Based Human Resource Management Practices, Intellectual Capital and Innovation. *Journal of Business Research*, 2017, vol. 81, no. 1, pp. 11-20. DOI: 10.1016/j.jbusres.2017.07.018.
31. Kovalev V. V., Moldobaev T. Sh., Molitvin M. N., Suyazov V. V. Analiz effektivnosti programm podderzhki rossiyskikh universitetov (2010-2020) [Analysis of the Effectiveness of Support Programs for Russian Universities (2010-2020)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika [Bulletin of St. Petersburg University. Economics]*, 2022, vol. 38, no. 2, pp. 208-234. DOI: 10.21638/spbu05.2022.203. (In Russ.)
32. Kurbatova M. V., Kagan E. S., Vshivkova A. A. Regional'noe razvitie: problemy formirovaniya i realizatsii nauchno-tekhnicheskogo potentsiala [Regional Development: Problems in Formation and Implementation of Scientific and Technical Potential]. *Terra Economicus*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 101-117. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-101-117. (In Russ.)
33. Lavrikova Yu. G., Andreeva E. L., Ratner A. V. Nauchno-tekhnologicheskoe razvitie Rossii i Kitaya: komparativnyy analiz i perspektivy sotrudnichestva [Scientific and Technological Development of Russia and China: Comparative Analysis and Prospects for Cooperation]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and*

- Social Changes: Facts, Trends, Forecast*], 2018, vol. 11, no. 4, pp. 48-62. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.35838/esc.2018.4.58.2. (In Russ.)
34. Lavrinenko Ya. B. Innovatsionnaya aktivnost' universitetov Rossiyskoy Federatsii i pokazateli programmy "Prioritet 2030" [Innovation of Universities in the Russian Federation and Indicators of the Priority 2030 Program]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Issues in Innovative Economics]*, 2023, vol. 13, no. 3, pp. 1675-1698. DOI: 10.18334/vinec.13.3.119150. (In Russ.)
 35. Lopes J., Farinha L. Measuring the Performance of Innovation and Entrepreneurship Networks. *Journal of the Knowledge Economy*, 2018, vol. 9, pp. 402-423. DOI: 10.1007/s13132-017-0487-8.
 36. Lucas R. E. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, 1988, vol. 22, no. 1, pp. 3-42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7.
 37. Mankiw N. G., Romer D., Weil D. N. A Contribution to the Empirics of Economic Growth. *The Quarterly Journal of Economics*, 1992, vol. 107, no. 2, pp. 407-437. DOI: 10.2307/2118477.
 38. Mazelis L. S., Solodukhin D. L. Mnogoperiodnye modeli optimizatsii portfelya proektov universiteta s uchetom riskov i korporativnoy sotsial'noy otvetstvennosti [Multi-Period Optimization Models for a University Project Portfolio Taking Into Account Risks and Corporate Social Responsibility]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Management: Practice and Analysis]*, 2014, vol. 6, no. 94, pp. 49-56. (In Russ.)
 39. Medeiros V., Gonçalves G. L., Camargos T. E. Competitiveness and Its Determinants: A Systemic Analysis for Developing Countries. *CEPAL Review*, 2020, vol. 129, pp. 7-25. DOI: 10.18356/e03c81fc-en.
 40. Mkrtchyan G. M., Lobanova E. G., Dubina I. N. O budushchem ekonomiko-upravlencheskogo obrazovaniya v Rossii [On the Future of Economics and Management Education in Russia]. *Upravlenie sovremennoy organizatsiyey: opyt, problemy i perspektivy [Managing a Modern Organization: Experience, Problems and Prospects]*, 2017, vol. 2, no. 8, pp. 76-82. (In Russ.)
 41. Molchanova S. M., Drozdova A. P. Instrumenty realizatsii innovatsionnoy politiki Velikobritanii [Tools for Implementing UK Innovation Policy]. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki [Issues in Innovative Economics]*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1215-1226. DOI: 10.18334/vinec.9.4.41289. (In Russ.)
 42. Molotkov Yu. I. Strategicheskoe planirovanie i upravlenie kak instrumenty programmno-televogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territorii [Strategic Planning and Management as Tools for Program-Targeted Socio-Economic Development of the Territory]. *Razvitie territoriy [Development of Territories]*, 2020, vol. 2, no. 20, pp. 6-16. DOI: 10.32324/2412-8945-2020-2-6-16. (In Russ.)
 43. Neuenkirch M., Neumeier F. The Impact of UN and US Economic Sanctions on GDP Growth. *European Journal of Political Economy*, 2015, no. 40, pp. 110-125. DOI: 10.2139/ssrn.2417217.
 44. Ngouhouo I., Nchofoung T., Njamen Kengdo A. Determinants of Trade Openness in Sub-Saharan Africa: Do Institutions Matter. *International Economic Journal*, 2019, vol. 35, no. 1, pp. 96-119. DOI: 10.1080/10168737.2020.1858323.
 45. Patrakhina T. N., Vyalkova K. S. Proforientatsionnaya rabota v vuze: proektnyy podkhod [Career Guidance Work at a University: A Project Approach]. *Kontsept [Concept]*, 2018, vol. 4, no. 4, pp. 271-281. DOI: 10.24422/MCITO.2018.4.12373. (In Russ.)
 46. Petersons A. Corporate Culture of a Non-state University as a Factor in Ensuring Sustainable Development. *Labor and Social Relations*, 2008, vol. 19, no. 3, pp. 79-84.
 47. Polevoy S. A., Chalova A. V. Problemnye voprosy proektnoy deyatel'nosti v organizatsiyakh vysshego obrazovaniya [Problematic Issues of Project Activities in Higher Education Organizations]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education]*, 2019, no. 4, pp. 136-143. (In Russ.)
 48. Ponomarev S. V., Bukhonova N. M., Sayfutdinova L. R., Garaeva Ch. R. Sravnitel'nyy analiz nauchno-obrazovatel'nogo i tsifrovogo potentsiala stran BRIKS i G7: vyvody dlya sistem

- gosudarstvennogo upravleniya [Comparative Analysis of the Scientific, Educational and Digital Potential of the BRICS and G7 Countries: Implications for Public Administration Systems]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Bulletin of the Southwestern State University: Economics, Sociology, Management Series], 2023, vol. 13, no. 2, pp. 39-52. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-2-39-52. (In Russ.)
49. Porter M. E. Towards a Dynamic Theory of Strategy. *Strategic Management Journal*, 1991, vol. 12, no. 2, pp. 95-117. DOI: 10.1002/smj.4250121008.
 50. Ramstad E. Expanding Innovation System and Policy: An Organizational Perspective. *Policy Studies*, 2009, vol. 30, no. 5, pp. 533-553. DOI: 10.1080/01442870903208551.
 51. Roberts S. The Eurasian Economic Union: The Geopolitics of Authoritarian Cooperation. *Eurasian Geography and Economics*, 2017, vol. 58, no. 4, pp. 418-441. DOI: 10.1080/15387216.2017.1415763.
 52. Sandler D. G. Realizatsiya programm razvitiya vuzov na osnove proektnogo upravleniya [Implementation of University Development Programs Based on Project Management]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo* [Modern Science: Current Problems in Theory and Practice: Economics and Law Series], 2020, vol. 2, no. 122, pp. 38-45. DOI: 10.37882/2223-2974.2020.12-2.12. (In Russ.)
 53. Shklyarova O. A. *Proektnyy menedzhment kak resurs razvitiya obrazovatel'noy organizatsii* [Project Management as a Resource for the Development of an Educational Organization]. Moscow, 5 za znaniya, 2018. (In Russ.)
 54. Smith A. *An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. MetaLibri Digital Library, 2007. https://www.ibiblio.org/ml/libri/s/SmithA_WealthNations_p.pdf.
 55. Sorokin M. Yu. Formirovanie nauchno-tehnologicheskikh kampusov v sfere vysshego obrazovaniya, obespechivayushchikh dostizhenie tseley "Strategii nauchno-tehnologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii" [Formation of Scientific and Technological Campuses in the Field of Higher Education, Ensuring the Achievement of the Goals of the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation]. *Innovatsionnaya deyatel'nost'* [Innovation Activities], 2023a, vol. 3, no. 66, pp. 113-128. (In Russ.)
 56. Sorokin M. Yu. Strategicheskoe planirovanie kak sposob povysheniya konkurentosposobnosti vuzov dlya dostizheniya tseley v sfere vysshego obrazovaniya Rossii [Strategic Planning as a Way to Increase the Competitiveness of Universities in Order to Achieve Goals in the Field of Higher Education in Russia]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i menedzhmenta* [Current Problems in Economics and Management], 2023b, vol. 2, no. 38, pp. 66-77. DOI: 10.25205/2542-0429-2023-23-1-66-82. (In Russ.)
 57. Stewart T., Stephanie L. Your Company's Most Valuable Asset: Intellectual Capital. *Fortune*, 1994, vol. 130, pp. 68-74.
 58. Strasser B. J., Baudry J., Mahr D., Sanchez G., Tancoigne E. Rethinking Science and Public Participation. *Science & Technology Studies*, 2019, vol. 32, no. 2, pp. 52-76. DOI: 10.23987/sts.60425.
 59. Tagaeva T. O., Slepenskova Yu. M., Baranov O. A. Sovershenstvovanie statistiki vosпроизводства chelovecheskogo kapitala [Improving Statistics of Reproduction of Human Capital]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems in Forecasting], 2020, vol. 1, no. 178, pp. 22-31. (In Russ.)
 60. Trotsenko A. N., Romanova I. M. Konkurentosposobnost' universiteta i faktory ee opredelyayushchie [University Competitiveness and Its Determining Factors]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2015, vol. 11, no. 64, pp. 761-765. (In Russ.)
 61. Vefago Y. B., Trierweiller A. C., Barcellos de Paula L. The Third Mission of Universities: The Entrepreneurial University. *Brazilian Journal of Operations & Production Management*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 1-9. DOI: 10.14488/BJOPM.2020.042.
 62. Voloshin A. V. Evolyutsiya teoriy konkurentsii i konkurentosposobnosti v ekonomicheskoy nauke [The Evolution of Theories of Competition and Competitiveness in Economics]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Basic Research], 2017, vol. 4, no. 1, pp. 330-338. (In Russ.)

63. Wang F., Dong Z., Dong J. 王峰, 董志, 董健。國際科技合作基礎能否帶動合作能力? 來自中國新疆的證據。國際經濟與金融評論 [Can International Cooperation Be a Basis for Cooperation in Developing Science and Technology Skills? Evidence From Xinjiang, China]. *International Review of Economics & Finance*, 2022, vol. 82, pp. 699-706. DOI: 10.1016/j.iref.2022.08.003. (In Chin.)
64. Wang S., Yang Q. 王淑英, 楊祺靜。高等教育規模對經濟增長的空間效應研究——基於國際科技合作的視角(J)。教育經濟評論 [Research on the Spatial Effect of Higher Education Scale on Economic Growth - Based on the Perspective of International Scientific and Technological Cooperation]. *Education Economics Review*, 2022, vol. 7, no. 1, pp. 23-29. <https://10.19512/j.cnki.issn2096-2088.2022.01.002>. (In Chin.)
65. Weifang M. 閔維方。教育促進經濟增長的作用機制研究。北京大學教育評論, 網址 [Research on the Mechanism of Education to Promote Economic Growth]. *Peking University Education Review*, 2017, vol. 15, no. 3, pp. 123-136. <https://10.16216/j.cnki.lsxwbk.202402114>. (In Chin.)
66. Wirajing M. A. K., Nchofoung T. N., Etape F. M. Revisiting the Human Capital-Economic Growth Nexus in Africa. *Business & Economics*, 2023, vol. 3, no. 15, pp. 7213-7218. DOI: 10.1007/s43546-023-00494-5.
67. Zeldner A. G., Osipov V. S. Innovatsionnaya strategiya Rossii 2011-2020: itogi i problemy upravleniya [Innovation Strategy of Russia 2011-2020: Results and Management Problems]. *TsITISE [CITISE]*, 2020, vol. 4, no. 26, pp. 560-570. DOI: 10.15350/2409-7616.2020.4.49. (In Russ.)
68. Zhou G., Luo S. 週剛, 羅松。中國高等教育投入、技術創新與經濟成長。永續發展 [Higher Education Input, Technological Innovation, and Economic Growth in China]. *Sustainability*, 2018, vol. 10, no. 8, pp. 2600-2615. DOI: 10.3390/su10082615. (In Chin.)

Международная торговля

Экспортный тариф на товарном рынке

Константин Григорьевич Бородин

ORCID: 0000-0001-6100-8848

Доктор экономических наук, доцент, заведующий отделом регулирования аграрных рынков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А. А. Никонова, филиал ФНЦ ВНИИЭСХ (РФ, 107078, Москва, Большой Харитоньевский пер., 21, стр. 1)
E-mail: borkg_cd@mail.ru

Аннотация

На основе разработанной модели частичного равновесия в статье проанализированы последствия введения экспортной пошлины в краткосрочном периоде. Анализ публикаций показал, что общей предпосылкой моделей дуополии является сегментация внешнего и внутреннего рынков сбыта, что определяет долгосрочную ориентацию этих моделей, в которых производство выступает в качестве переменной величины. В отличие от существующих теоретических подходов наличие взаимосвязи между внутренним и внешним рынками сбыта на основе предпосылки о фиксированности объемов производства дает возможность получать краткосрочные оценки последствий введения экспортной пошлины: для цены внутреннего рынка страны-экспортера, объемов ее экспорта и экспортной цены, для цены и объемов зарубежных поставок глобального экспортера (совокупность остальных стран-экспортеров, осуществляющих поставки на внешний рынок сбыта выделенной страны-экспортера) и др. Доказано, что прирост благосостояния в стране-экспортере (суммарный прирост прибыли производителей, доходов бюджета и выигрыша потребителей) от введения экспортной пошлины прямо пропорционально зависит от величины соотношения между предложением продукции на внутреннем рынке до введения пошлины и приростом внутреннего предложения (снижения объемов экспорта) после ее введения и будет положительным только при выполнении найденного условия. Фактически потенциальный горизонт повышения экспортной пошлины без потери благосостояния зависит от доли экспорта в объемах производства до введения пошлины. Для вполне реалистичных оценок коэффициентов функций обратного спроса доказано, что благосостояние будет повышаться при любых значениях экспортной пошлины, если до ее введения объем производства в стране-экспортере примерно в два раза (в 9/4 раза) превышал объемы экспорта. Получены оценки распределения выигрышей и потерь от введения экспортной пошлины для трех основных субъектов — производителей, потребителей и бюджета на всех рынках сбыта. Для иллюстрации теоретических построений модели проанализированы эффекты введения экспортного тарифа на российском рынке пшеницы в 2021 году.

Ключевые слова: торговая политика, экспортно ориентированный рынок, модель частичного равновесия, несовершенная конкуренция.

JEL: F12, F13, L13.

Посвящается памяти А. К. Пителина (ЦЭМИ РАН), с которым в предшествующий подготовке этой статьи период автору выпала счастливая возможность обсуждать самые разные вопросы, касающиеся положений исходной модели. Выражаю глубокую благодарность анонимному рецензенту, в высшей степени конструктивные замечания и предложения которого позволили значительно улучшить работу.

International Trade

Export Tariffs in Commodity Markets

Konstantin G. Borodin

ORCID: 0000-0001-6100-8848

Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Regulation of Agrarian Markets,
Alexander Nikonov All-Russian Institute of Agrarian Problems and Informatics,^a e-mail: borkg_cd@mail.ru

^a 21, str. 1, Bol'shoy Khariton'evskiy per., Moscow, 107078, Russian Federation

Abstract

This paper develops a partial equilibrium model and employs it to analyze the immediate consequences of introducing an export duty. Published materials confirm that the general premise of duopoly models is that external and internal sales markets are segmented and that this segmentation determines the long-term orientation of models in which production is a variable. In contrast to existing theoretical approaches, the relationship between domestic and foreign sales markets assuming fixed production volumes makes it possible to arrive at short-term estimates of the consequences of introducing an export duty. Such a duty will impact the domestic market price of the exporting country, the volumes of its exports and its export prices, and the price and volume of foreign supplies from global export (the totality of other exporting countries that supply to the foreign sales market of a given exporting country), etc. The results of the study indicate that the increase in welfare for an exporting country (the total increase in producers' profits, government revenues, and consumer gains) from an export duty depends directly on the ratio between the supply of products on the domestic market before introducing the duty and the increase in domestic supply (decrease in export volumes) after its introduction. The finding is that welfare will increase only under specific conditions. The possibility of imposing an export duty without loss of welfare depends in fact on what share exports have in production volumes prior to the introduction of the duty. For quite realistic estimates of the coefficients of inverse demand functions, the conclusion is that welfare will increase for any value of the export duty if the production volume in the exporting country prior to imposing the duty was approximately twice (2.25 times) higher than the volume of exports. Estimates of the distribution of gains and losses from the introduction of export duties were arrived at for three main groups — producers, consumers, and the state budget in all sales markets. To illustrate how the theoretical constructs of the model operate, the effects of introducing an export tariff on the Russian wheat market in 2021 were analyzed.

Keywords: trade policy, export-oriented market, partial equilibrium model, imperfect competition.

JEL: F12, F13, L13.

Acknowledgements

This study is dedicated to the memory of A. K. Pitelin (CEMI RAS), with whom the author had the good fortune to discuss a variety of issues relating to the provisions of the initial model prior to preparation of this paper. I would also like to express my deep gratitude to the anonymous reviewer whose very constructive comments and suggestions significantly improved this effort.

Введение

В обычных условиях экспортные пошлины могут быть источниками пополнения государственного бюджета, обеспечения собственных производителей более дешевыми сырьевыми ресурсами, а внутренних потребителей — готовой продукцией (главным образом продуктами питания по более низким ценам).

В России экспортные пошлины на постоянной основе применяются в отношении топливно-сырьевой продукции, необработанной древесины, металлов, семян масличных культур и некоторых других товаров. Специфические характеристики рынков энергоносителей (ограниченные поставки, контролируемые небольшим числом стран, относительно низкая эластичность спроса по цене [Piermartini, 2004]), а также необходимость защиты отраслей обрабатывающей промышленности дают необходимые основания для применения экспортных пошлин на долгосрочной основе.

Вместе с тем результаты долгосрочного применения экспортной пошлины могут различаться в зависимости от специфических условий функционирования конкретных товарных секторов. Так, применение экспортной пошлины на нефть показало низкую эффективность отечественной нефтепереработки [Идрисов, Синельников-Мурылев, 2012], в то время как введение экспортной пошлины на рынках семян масличных культур способствовало росту производства и экспорта в секторе растительных масел, для которого характерна высокая ценовая конкуренция перерабатывающих предприятий за сырье [Бородин, 2021b]. Во всех остальных случаях использование экспортных тарифов предполагает краткосрочный характер, в противном случае производители могут снизить предложение, а в ряде случаев — переключиться на выпуск других товаров, не затронутых экспортными ограничениями.

Экспортные тарифы часто используются в практике агропродовольственных рынков, поскольку резкий рост мировых цен на экспортируемые товары может привести к эскалации цен на внутреннем рынке или повлечь дефицит важнейших продуктов [Bellemare, 2015]. Генеральное соглашение ВТО по тарифам и торговле (GATT) хотя и содержит общий запрет количественных ограничений на экспорт, но не применяется к временным ограничениям экспорта, используемым для снижения острого дефицита продовольствия или других товаров, необходимых для обеспечения внутреннего спроса экспортирующей страны (статья XI:2(a) GATT). Активизация российским правительством мер по введению экспортных ограничений в краткосрочном периоде, как правило, инициируется шоками внешнего спроса или шока-

ми предложения¹. Так, в 2010 году в связи с засухой урожай зерна в России снизился почти на треть по сравнению с предыдущим годом. В результате в августе того же года правительство ввело запрет на экспорт зерна, который продлился до июля 2011 года. Запрет на экспорт зерна в России и засуха в соседних с ней странах — экспортерах пшеницы (в Болгарии, Казахстане, Румынии, на Украине) привели к двукратному росту мировых цен на пшеницу. В августе 2020 года низкие сборы урожая подсолнечника в России и на Украине и последовавший за этим рост мировых цен вызвали скачок внутренней цены России на подсолнечное масло на 40%². В целях стабилизации цены внутреннего рынка в начале 2021 года правительством была введена экспортная пошлина на подсолнечник.

С одной стороны, несмотря на итоговую результативность принимаемых правительством мер, уровень экспортных пошлин в России определяется в основном экспертно, методом подбора. Такой подход характеризуется многократной корректировкой экспортных тарифов (в частности, см. обзор мер экспортной политики на рынке зерна в 2021 году [Бородин, 2021b]), попытками в режиме ручного управления найти более приемлемые варианты. Отсутствие необходимой теоретической и методологической основы при разработке и реализации мер торговой политики на практике характеризуется частой сменой экспортных тарифов, что не способствует стабилизации внутреннего рынка и ведет к снижению инвестиционной активности и отраслевого предложения.

С другой стороны, актуальность разработки теоретического обоснования мер экспортной политики продиктована недостатком существующего модельного инструментария применительно к решению подобных задач. В стандартных моделях международной торговли (например, [Krugman, 1980; Melitz, 2003]) формальная связь между внутренним и внешним рынками реализуется через эффект масштаба, вместе с тем предположение о том, что внутренние и экспортные продажи фирм независимы друг от друга, затрудняет оценку эффектов от введения экспортных пошлин, по крайней мере для условий краткосрочного периода. По схожему алгоритму эффекты мер торговой политики в научной литературе рассматриваются отдельно для внутреннего и внешнего рынков (см., например, [Clarke, Collie, 2006]).

Поскольку экспортные пошлины являются преимущественно краткосрочным инструментом торговой политики, в действующую

¹ Шок спроса — резкое увеличение (уменьшение) спроса на товары или услуги. Шок предложения — событие, которое внезапно повышает или снижает предложение товара.

² Ткачева Н. Агроэкспорт поставил на семечки // Российская газета. 2020. 3 ноября. <https://rg.ru/2020/11/03/reg-cfo/ceny-na-rastitelnoe-maslo-i-sahar-poshli-v-aktivnyj-rost.html>.

щих условиях сдерживания цен на внутреннем рынке становятся актуальными научные исследования, объясняющие краткосрочные последствия введения экспортных пошлин.

1. Обзор публикаций

В теоретических разработках по теме исследования значительное место занимают работы, в которых рассматривается проблема оптимальности экспортных пошлин. Если страна является крупным мировым экспортером определенного вида продукции, то в условиях частичного равновесия и совершенной конкуренции ставка экспортной пошлины, оптимизирующая тарифную выручку, уравнивает предельный доход и предельные издержки экспорта товара и определяется обратной величиной эластичности спроса на экспорт облагаемого налогом товара по мировой цене [Corden, 1974].

К числу приоритетных направлений исследований относится сравнительный анализ применения адвалорных и специфических пошлин в целях оптимизации доходов бюджета и национального благосостояния. Результаты работы [Bishop, 1968] для условий частичного равновесия, когда облагаемая пошлиной отрасль является незначительной частью экономики, показали, что действие этих двух инструментов политики при оптимизации тарифной выручки эквивалентно как в условиях совершенной конкуренции, так и в условиях монополии. Единственное различие между ними состоит в том, что в условиях монополии адвалорная пошлина обеспечивает больший приток налоговых поступлений за счет прибыли монополиста.

В работе [Rodrik, 1989] рассматриваются внутренний и внешний рынки отрасли в условиях частичного равновесия. Показано, что экспортная пошлина, оптимизирующая благосостояние, зависит от рыночной доли фирмы, а также от реакции других фирм на изменения в выпуске этой фирмы. Если страна обладает рыночной властью на мировом рынке однородной продукции, то оптимальная торговая политика страны предполагает применение не одной, а нескольких экспортных пошлин, при этом для крупных фирм могут быть установлены пониженные ставки.

Авторы исследования [Collie, De Meza, 2003], используя модель несовершенной конкуренции с двумя странами, в каждой из которых одна фирма экспортирует всю произведенную однородную продукцию на третий рынок³ (дуополия Курно), показали, что в состоянии равновесия экспортный тариф (или экспортная суб-

³ См. описание этой модели также в [Brander, Spencer, 1985].

сидия) в стране с самыми низкими издержками всегда будет выше экспортного тарифа (или экспортной субсидии) в стране с более высокими издержками.

В статье [Clarke, Collie, 2006] рассматриваются две страны, экспортирующие на рынок третьей страны дифференцированный товар, где они конкурируют в дуополии Бертрана независимо от состояния их внутреннего рынка. В работе показано, что экспортная пошлина, максимизирующая тарифный доход на экспорт⁴, всегда превышает пошлину, оптимизирующую благосостояние страны-экспортера⁵.

Экспортный тариф, введенный в одной стране, повышает цену экспорта и увеличивает спрос на продукцию другой страны, а следовательно, способствует росту благосостояния в другой стране. В этом контексте в статье [Clarke, Collie, 2008] при схожих с предыдущим исследованием предпосылках выдвигаются аргументы в пользу того, что при взаимно установленных экспортных тарифах благосостояние обеих стран будет выше, чем в условиях свободной торговли.

В работе [Sanchez-Ugarte, Modi, 1987] выполнена оценка изменений в экспорте и рыночных ценах, связанных с переходом к режиму экспортных тарифов, оптимизирующих благосостояние страны-экспортера. Такие экспортные тарифы в условиях частичного равновесия определяются обратной величиной эластичности долгосрочного спроса на экспорт облагаемого пошлиной товара и рассчитываются для ряда развивающихся стран в разбивке по товарам, а затем сравниваются с фактическим уровнем экспортных пошлин. Полученные эмпирические оценки показали, что большинство развивающихся стран в выборке облагают экспорт завышенными тарифами.

В статье [Warr, 2022] оценивались экономические последствия от возможного введения экспортной пошлины на рынке кокосового масла на основе модели общего равновесия экономики Филиппин. В модели использовались два фиксированных фактора (земля сельскохозяйственного назначения и отраслевой капитал) и три переменных фактора (неквалифицированный труд, свободно перемещающийся между отраслями экономики, а также квалифицированный труд и переменный капитал, которые в сельском хозяйстве не используются). Результаты показали, что в краткосрочном и долгосрочном периодах пошли-

⁴ Налог на экспорт с максимальным доходом — величина экспортной пошлины, максимизирующая доход правительства, получаемый от экспортной пошлины.

⁵ Экспортный налог оптимального благосостояния — экспортный налог, который максимизирует благосостояние страны базирования, определяемое суммой прибыли отечественной фирмы и налоговых поступлений от экспорта.

на ведет к снижению заработной платы неквалифицированных работников, среди которых значительную долю занимают фермеры, в том числе те, кто непосредственно занят в производстве кокосов. Масштаб сокращения реальной заработной платы растет пропорционально величине экспортной пошлины: в краткосрочной перспективе при ставках пошлины 10, 41 и 66% снижение заработной платы составит 0,3, 1,9 и 7,8% соответственно, в долгосрочной перспективе — при ставке пошлины 41% заработная плата снизится на 2,7%.

В работе [Turner et al., 2008] на основе рекурсивной динамической модели частичного равновесия рассматривается сценарий значительного увеличения экспортной пошлины (с 6,5 до 80%) на вывоз круглого леса из России — крупнейшего в мире экспортера данного вида продукции. Результаты оценки показали, что к 2020 году принятые меры приведут к снижению экспорта (на 50%) и цены (на 16%) на круглый лес из России, а также к сокращению мирового предложения древесины (на 18%) и росту мировых цен (на 3,3%).

Потенциальное влияние экспортных тарифов на мировую торговлю и глобальное благосостояние на основе многоотраслевой и многорегиональной модели общего равновесия рассматривается в работе [Laborde Dubucquet et al., 2012]. Результаты показали, что в условиях совершенной конкуренции отмена экспортных тарифов повысит мировое благосостояние на 0,23%, что больше, чем выгоды от Дохийского раунда развития Всемирной торговой организации. При этом в выигрыше будут и развитые, и развивающиеся страны.

Следует отметить, что в теоретической литературе по экспортной политике в условиях несовершенной конкуренции в качестве фундаментальной основы используется главным образом модель дуополии Курно (также кроме рассмотренных в обзоре работ см. [Brander, Spencer, 1985], где оцениваются эффекты экспортных субсидий).

Анализ показал, что общей предпосылкой для моделей дуополии является сегментация внешнего и внутреннего рынков сбыта, которая позволяет рассматривать производство в качестве переменной величины и, таким образом, определяет долгосрочную ориентацию моделей. Следует также обратить внимание на другие схожие предпосылки: в частности, две страны конкурируют на третьем рынке, на котором реализуется, как правило, вся произведенная (однородная/дифференцированная) продукция, действует предположение о постоянных предельных издержках, благосостояние каждой страны определяется суммой прибыли ее производителей и тарифного дохода от экспорта.

При том что экспортная пошлина обычно рассматривается как краткосрочный инструмент торговой политики, анализ публикаций показал отсутствие теоретических разработок, по крайней мере в области дуополистической конкуренции, по оценке условий, при которых введение пошлины может приводить к краткосрочному росту благосостояния страны, ее устанавливающей.

Целью статьи является обоснование последствий введения адвалорной экспортной пошлины на основе модели частичного равновесия (см. [Бородин, 2021a]), в которой из предположения о краткосрочной перспективе следует наличие взаимосвязи между внутренним и внешним рынками.

2. Модель частичного равновесия

В настоящей статье используется модель конкуренции двух экономических субъектов (выделенной страны-экспортера и глобального экспортера), охватывающая одновременно три рынка дифференцированного продукта: два внутренних рынка экспортеров, а также объединенный рынок стран-импортеров, не производящих, но потребляющих рассматриваемый продукт (см. [Бородин, 2021a]), то есть потребители стран-импортеров различают импортируемые продукты по странам-производителям. В модели рассматривается сегмент мирового рынка, в состав которого входят: конкретная страна-экспортер; группа стран-импортеров, потребляющих продукцию страны-экспортера; все другие страны, поставляющие свою продукцию в указанную группу стран-импортеров.

Введем два предположения.

Предположение 1. Импорт рассматриваемой продукции в странах-экспортерах достаточно мал и может быть исключен из рассмотрения.

Предположение 2. Пространство описанного выше сегмента мирового рынка гомогенно. Предположение 2 означает, что рынки стран-импортеров, находящиеся в этом сегменте мирового рынка, должны лишь несущественно отличаться друг от друга, и, следовательно, в модели они могут быть представлены как рынок единой страны-импортера. Аналогичным образом совокупность всех стран-экспортеров, присутствующих в сегменте (кроме одной выделенной), будет рассматриваться в качестве единого глобального экспортера.

На рисунке в виде стрелок отмечены товарные потоки, существующие в выделенном сегменте.

Также выдвинуто предположение о том, что фирмы страны-импортера не в состоянии конкурировать с продукцией стран-

Рис. Сегмент мирового рынка: товарные потоки продукции

Fig. World Market Segment: Product Flows

экспортеров, поэтому ценовую политику в рассматриваемом сегменте мирового рынка фактически определяют два участника — выделенная страна-экспортер и ее глобальный конкурент.

Далее рассматривается модель частичного равновесия в краткосрочном периоде, характеризующая условия производства и реализации определенного продукта в описываемом сегменте мирового рынка.

Внутренние рынки экспортеров

На внутреннем рынке страны-экспортера репрезентативный потребитель максимизирует функцию $U(y_d) - p_d y_d$, где y_d — объем предложения отечественной продукции на внутреннем рынке, p_d — его цена⁶. Функция полезности U предполагается квадратичной и строго вогнутой: $U(y_d) = a_d y_d - b_d \frac{1}{2} y_d^2$, $(a_d, b_d) - \text{const}$ ⁷.

В соответствии с предположением 1 (отсутствие или незначительное количество импортируемой продукции) из данной функции полезности следует, что предпочтения потребителей на внутреннем рынке выделенной страны-экспортера в модели задаются следующей обратной функцией спроса на отечественный товар:

$$p_d = a_{11} - b_{11} y_d, \quad (1)$$

где p_d — цена товара внутри страны-экспортера, $a_1 = a_d$, $b_1 = b_d$.

⁶ Индекс наименования продукта не используется, поскольку рассматривается рынок только одного вида продукции.

⁷ Вывод квадратичной функции полезности см. в [Choné, Linnemer, 2019].

Представим отечественное потребление как разность между объемами произведенной продукции и экспортом: $y_d = q_d - q_x$. Тогда формула (1) примет вид:

$$p_d = a_{11} - b_{11}(q_d - q_x), \quad (2)$$

где q_d и q_x — объемы производства и экспорта продукции соответственно.

Аналогичным образом может быть представлена функция предпочтений потребителей на внутреннем рынке глобального экспортера:

$$p_g = a_{21} - b_{21}(q_g - q_w), \quad (3)$$

где p_g — цена продукции на внутреннем рынке глобального экспортера, q_g — объем предложения, q_w — объемы продукции, поставляемой глобальным экспортером в рассматриваемый сегмент.

Объемы произведенной продукции в стране-экспортере (q_d) и в глобальном экспортере (q_g) предполагаются постоянными, что может быть допустимо для краткосрочного периода⁸, следовательно, из предположения о краткосрочном периоде вытекает связь внутреннего и внешнего рынков. Стандартный экономический анализ краткосрочной перспективы предусматривает фиксацию одного из факторов производства (капитала), в то время как второй фактор (труд) считается мобильным. В описываемом случае предполагается фиксированность капитала, а также отсутствие существенных изменений второго фактора (труда). Такая ситуация вполне допустима в краткосрочном периоде при сохранении стабильного уровня заработной платы в рассматриваемой отрасли и остальной части экономики.

Внешний рынок

Вид функций предпочтений для внешнего рынка был получен из расширенного аналога модели Диксита [Dixit, 1979]. Их линейная форма, как и в модели-прототипе, вытекает из предположения о квадратичной форме функции полезности у импортеров, сохраняющей различия потребляемого продукта по странам-производителям. Соответственно, предпочтения потребителей в стране-импортере в данном случае могут быть представлены следующими двумя функциями:

$$p_x = a_{31} - b_{31}q_x - b_{32}q_w, \quad (4)$$

⁸ Под краткосрочным периодом понимается промежуток времени, в течение которого условия производства и потребления продукта не претерпевают существенных изменений. В долгосрочном периоде все факторы производства могут изменяться.

$$p_w = a_{41} - b_{41}q_w - b_{42}q_x, \quad (5)$$

где p_x и p_w — экспортные цены страны-экспортера и глобального экспортера, $(a_{31}, a_{41}, b_{31}, b_{32}, b_{41}, b_{42})$ — const.

Равновесие

Прежде всего следует отметить, что введение экспортной пошлины никак не влияет ни на саму функцию спроса, ни на функцию предпочтений, при том что сама величина спроса, безусловно, изменится. Если адвалорная пошлина в стране-экспортере взимается по ставке h , то с введением пошлины прибыль производителей в стране-экспортере в расчете на единицу продукции:

$$\begin{aligned} p_x(1-h) - (mc_d + \Delta mc_x) = \\ = (a_{31} - b_{31}q_x - b_{32}q_w)(1-h) - (mc_d + \Delta mc_x), \end{aligned} \quad (6)$$

где $h \in [0;1]^9$ и $p_x(1-h) - (mc_d + \Delta mc_x) \geq 0$.

Прибыль производителей страны-экспортера и глобального экспортера:

$$\begin{aligned} \pi_d = (a_{11} - b_{11}(q_d - q_x) - mc_d)(q_d - q_x) + \\ + ((a_{31} - b_{31}q_x - b_{32}q_w)(1-h) - (mc_d + \Delta mc_x))q_x, \end{aligned} \quad (7)$$

$$\begin{aligned} \pi_g = (a_{21} - b_{21}(q_g - q_w) - mc_g)(q_g - q_w) + \\ + (a_{41} - b_{41}q_w - b_{42}q_x - (mc_g + \Delta mc_w))q_w, \end{aligned} \quad (8)$$

где mc_d и mc_g — предельные издержки экспортера и глобального экспортера при реализации продукции на своих внутренних рынках соответственно; Δmc_x и Δmc_w — дополнительные издержки, связанные с экспортом продукции в определенный выше сегмент мирового рынка.

Максимум прибыли достигается, когда производные функций (7) и (8) становятся равными нулю:

$$\begin{aligned} \pi'_d(q_x) = -(a_{11} - 2b_{11}q_d) - 2b_{11}q_x + \\ + (a_{31} - b_{32}q_w - 2b_{31}q_x)(1-h) - \Delta mc_x = 0. \end{aligned} \quad (9)$$

$$\begin{aligned} \pi'_g(q_w) = -(a_{21} - 2b_{21}q_g) - 2b_{21}q_w + \\ + a_{41} - b_{42}q_x - \Delta mc_w - 2b_{41}q_w = 0. \end{aligned} \quad (10)$$

⁹ В качестве p_x используется значение экспортной цены, учитывающей введение экспортной пошлины, следовательно, величина h по отношению к такой экспортной цене всегда будет меньше единицы.

Получаем выражения для q_x и q_w :

$$q_x = \frac{-(a_{11} - 2b_{11}q_d) + (a_{31} - b_{32}q_w)(1-h) - \Delta mc_x}{2(b_{11} + b_{31}(1-h))}, \quad (11)$$

$$q_w = \frac{-(a_{21} - 2b_{21}q_g) + a_{41} - b_{42}q_x - \Delta mc_w}{2(b_{21} + b_{41})}. \quad (12)$$

Рассматривая (11) и (12) как систему, находим решения:

$$q_x = \frac{2(b_{21} + b_{41})(-(a_{11} - 2b_{11}q_d) - \Delta mc_x) + [2(b_{21} + b_{41})a_{31} - b_{32}(-(a_{21} - 2b_{21}q_g) + a_{41} - \Delta mc_w)](1-h)}{4(b_{11} + b_{31}(1-h))(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}(1-h)}. \quad (13)$$

$$q_w = \frac{2(b_{11} + b_{31}(1-h))(-(a_{21} - 2b_{21}q_g) + a_{41} - \Delta mc_w) - b_{42}(-(a_{11} - 2b_{11}q_d) + a_{31}(1-h) - \Delta mc_x)}{4(b_{11} + b_{31}(1-h))(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}(1-h)}. \quad (14)$$

Решения для нулевой пошлины получаем, полагая $h = 0$:

$$q_x^* = \frac{2(b_{21} + b_{41})(-(a_{11} - 2b_{11}q_d) + a_{31} - \Delta mc_x) - b_{32}(-(a_{21} - 2b_{21}q_g) + a_{41} - \Delta mc_w)}{4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}}. \quad (15)$$

$$q_w^* = \frac{2(b_{11} + b_{31})(-(a_{21} - 2b_{21}q_g) + a_{41} - \Delta mc_w) - b_{42}(-(a_{11} - 2b_{11}q_d) + a_{31} - \Delta mc_x)}{4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}}. \quad (16)$$

Звездочкой здесь и далее обозначены равновесные значения соответствующих переменных для сценария без пошлины, в частности q_x^* — равновесная величина внешних поставок страны-экспортера для беспошлинного сценария.

Рассмотрим разность между выражением для экспорта q_x в условиях равновесия без пошлины (см. (15)) и с пошлиной (см. (13)):

$$\Delta q_x = h \frac{[2(b_{21} + b_{41})(-(a_{11} - 2b_{11}q_d) - \Delta mc_x)] \times (-4b_{31}(b_{21} + b_{41}) + b_{32}b_{42}) + [2(b_{21} + b_{41})a_{31} - b_{32}(-(a_{21} - 2b_{21}q_g) + a_{41} - \Delta mc_w))] \times 4b_{11}(b_{21} + b_{41})}{[4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}] \times [4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42} - h[4b_{31}(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}]]}. \quad (17)$$

Знак знаменателя при $h < 1$, $b_{31} > b_{32}$ и $b_{41} > b_{42}$ будет положительным, так как выполняется:

$$\begin{aligned} & 4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42} - h[4b_{31}(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}] = \\ & = 4b_{11}(b_{21} + b_{41}) + (1-h)[4b_{31}(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}] > 0. \end{aligned}$$

Из выражения (17) следует, что величина тарифа никак не влияет на знак разности, а это означает, что знак разности сохраняется для любых значений тарифа. Следовательно, для того чтобы доказать положительный/отрицательный знак разности в (17) для всех значений тарифа, достаточно привести хотя бы один конкретный случай, когда знак разности принимает положительное или отрицательное значение.

Утверждение 1. Разность между равновесными значениями экспорта без пошлины и с пошлиной (см. (17)) является неотрицательной величиной для всех $0 \leq h < 1$.

Для любого значения экспортной цены (p_x) найдется такая достаточно высокая величина экспортной пошлины $0 \leq h < 1$, при которой цена производителя на экспортируемый товар снизится настолько, что получаемая им прибыль от реализации единицы продукции на внешнем рынке будет близкой или равна нулевой, то есть будет выполняться (см. (6)) условие $p_x(1-h) - (mc_d + \Delta mc_x) = 0$. В этом конкретном случае производитель как рациональный агент будет вынужден как минимум снизить объемы экспорта относительно его равновесного значения в сценарии без пошлины, следовательно, в выражении (17) знак разности будет положительным, а поскольку знак разности сохраняется для всех допустимых значений h , то разность $\Delta q_x \geq 0$.

Докажем, что величина экспорта с ростом пошлины h будет снижаться (*утверждение 2*).

Рассмотрим производную функции $\Delta q_x(h)$:

$$\begin{aligned} \Delta q'_x(h) = & \frac{\left(\begin{aligned} & [2(b_{21} + b_{41})(-(a_{11} - 2b_{11}q_d) - \Delta mc_x)] \times \\ & \times (-4b_{31}(b_{21} + b_{41}) + b_{32}b_{42}) + \\ & + [2(b_{21} + b_{41})a_{31} - b_{32}(-(a_{21} - 2b_{21}q_g) + a_{41} - \Delta mc_w)] \times \\ & \times 4b_{11}(b_{21} + b_{41}) \end{aligned} \right)}{\left(\begin{aligned} & [4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}] \times \\ & \times [4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42} - h[4b_{31}(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}]] \end{aligned} \right)} \times \quad (18) \\ & \times \left(1 + h \frac{\left(\begin{aligned} & [4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}] \times \\ & \times [4b_{31}(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}] \end{aligned} \right)}{\left(\begin{aligned} & [4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}] \times \\ & \times [4(b_{11} + b_{31})(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42} - h[4b_{31}(b_{21} + b_{41}) - b_{32}b_{42}]] \end{aligned} \right)} \right). \end{aligned}$$

Первый множитель произведения является положительной величиной при $0 < h < 1$ (см. утверждение 1), так же как и второй его множитель. Следовательно, $\Delta q_x(h)$ является монотонно возрастающей функцией и с ростом h разность $\Delta q_x(h)$ увеличивается. Поскольку $\Delta q_x(0) = 0$ и $\Delta q_x(h)$ является возрастающей функцией от h , то для $h > 0$ будет выполняться $\Delta q_x(h) > \Delta q_x(0) = 0$.

Далее рассмотрим последствия введения экспортной пошлины.

3. Эффекты введения экспортной пошлины

Последствия для внутреннего рынка

Предложение продукции в результате введения экспортной пошлины на внутреннем рынке страны-экспортера увеличится на $\Delta q_x > 0$.

Рассмотрим выражение для цены внутреннего рынка (см. (2)) в приростном виде. Изменение цены внутреннего рынка в этом случае составит:

$$p_d - p_d^* = -\Delta p_d = -b_{11}\Delta q_x, \quad (19)$$

где, как было сказано выше, звездочкой обозначены равновесные значения соответствующих переменных в «беспошлинном» сценарии.

Следовательно, в результате введения экспортной пошлины цена внутреннего рынка снизится на величину $\Delta p_d = b_{11}\Delta q_x$.

Последствия для рынка сбыта продукции страны-экспортера

Из выражения (12) в приростном виде следует, что сокращение внешних поставок страны-экспортера приведет к росту предложения продукции глобального экспортера на внешнем рынке сбыта на величину:

$$q_w - q_w^* = \Delta q_w = \frac{b_{42}\Delta q_x}{2(b_{21} + b_{41})}. \quad (20)$$

Как отмечалось в [Kamin et al., 2006], производитель, выстраивая свою ценовую стратегию, в первую очередь принимает в расчет реакцию рынка на объемы реализации собственной продукции, а зависимость цен от продукции, поставляемой конкурентами, предполагает менее существенной. Следовательно, должны выполняться условия: $b_{31} > b_{32} > 0$ и $b_{41} > b_{42} > 0$. При таких предпосылках прирост зарубежных поставок глобального экспортера будет как минимум в два раза ниже величины снижения экспорта страны-экспортера. Экспортная цена производителей страны-

экспортера в соответствии с выражением (4), записанным в приростном виде, повысится:

$$\begin{aligned} p_x - p_x^* = \Delta p_x &= b_{31} \Delta q_x - b_{32} \frac{b_{42} \Delta q_x}{2(b_{21} + b_{41})} = \\ &= \left(\frac{2(b_{21} + b_{41})b_{31} - b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) \Delta q_x > 0. \end{aligned} \quad (21)$$

Разность в скобках имеет положительный знак, так как $b_{31} > b_{32}$ и $b_{41} > b_{42}$.

Цена зарубежных поставок глобального экспорта при этом увеличится, что следует из уравнения (5) в приростном виде:

$$\begin{aligned} p_w - p_w^* = \Delta p_w &= -b_{41} \Delta q_w + b_{42} \Delta q_x = \\ &= -b_{41} \frac{b_{42} \Delta q_x}{2(b_{21} + b_{41})} + b_{42} \Delta q_x = b_{42} \frac{2b_{21} + b_{41}}{2(b_{21} + b_{41})} \Delta q_x. \end{aligned} \quad (22)$$

Заметим, что $\Delta p_x > \Delta p_w$, так как

$$\begin{aligned} &2(b_{21} + b_{41})b_{31} - b_{32}b_{42} = \\ &= (2b_{21} + b_{41})b_{31} + (b_{41}b_{31} - b_{32}b_{42}) > (2b_{21} + b_{41})b_{42}, \end{aligned}$$

где $b_{41}b_{31} > b_{32}b_{42}$ и $b_{31} > b_{42}$ (для функций предпочтений Дикси-та [Dixit, 1979] выполняется условие $b_{42} = b_{32}$, к которому можно прибегнуть для обоснования данного неравенства. Получим: $b_{31} > b_{32} = b_{42}$).

Потребители страны-импортера в результате введения экспортной пошлины понесут потери, которые будут иметь два источника: страну-экспортера, инициировавшую введение пошлины, и глобального экспортера, продукция которого вследствие этого также подорожала.

Последствия для глобального рынка

Из выражения для цены внутреннего рынка глобального экспортера (см. (3)) в приростном виде следует:

$$p_g - p_g^* = \Delta p_g = b_{21} \Delta q_w = b_{21} \frac{b_{42} \Delta q_x}{2(b_{21} + b_{41})}. \quad (23)$$

Таким образом, цена внутреннего рынка глобального экспортера также повысится.

Важный вывод заключается в том, что уровни прироста цен на внешних по отношению к стране-экспортеру рынках располагаются в следующем порядке: $\Delta p_x > \Delta p_w > \Delta p_g$. В определенной мере

этот вывод контрастирует с распространенным тезисом о том, что, ограничивая свой экспорт, крупный экспортер может поднять мировую цену (свою экспортную цену) на этот товар и таким образом улучшить для себя условия торговли (см., например, [Bouet, Laborde Dubucquet, 2012]). В такой постановке задачи, когда цены из разных источников различаются, страна-экспортер, применяя экспортную пошлину, в наибольшей степени повышает цену на собственный экспорт, при этом прирост экспортной цены глобального экспортера будет меньшим; еще меньший прирост цен следует ожидать на внутреннем рынке глобального экспортера, что явно не способствует улучшению условий торговли для страны-экспортера.

Получены оценки изменений цен и объемов продукции, реализуемой на всех рынках сбыта, которые связаны с введением экспортной пошлины в стране-экспортере.

Эмпирическое исследование последствий от введения экспортной пошлины в течение краткосрочного периода представлено в работе [Bouet, Laborde Dubucquet, 2012] на основе модели общего равновесия с предположением о совершенной конкуренции. Совместимость с краткосрочным периодом достигается на основе низких эластичностей спроса и предложения, а также эластичности Армингтона.

В сценарном режиме рассматривается повышение мировой цены на рынках пшеницы стран — нетто-экспортеров на 10%, затем решается задача эндогенной оценки экспортных пошлин для стабилизации цены внутреннего рынка и после этого оценивается влияние полученных значений пошлин на цены мирового рынка. В таком случае рост мировой цены на пшеницу составил 16,8%. Этот результат на качественном уровне согласуется с полученными оценками для рынков страны-импортера и глобального экспортера.

Эффекты введения экспортной пошлины на российском рынке пшеницы в 2021 году

Для иллюстрации теоретических построений модели рассмотрим введение экспортной пошлины на российском рынке пшеницы в 2021 году: с 15 по 28 февраля 2021 года¹⁰ была введена экспортная пошлины в размере 25 евро/т, в период с 1 марта по 30 июня 2021 года пошлина повышена до 50 евро/т в пределах квоты 17,5 млн т и вне квоты — 50% от таможенной стоимости,

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 14.12.2020 № 2096 «О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе». <https://base.garant.ru/75052268/>.

но не менее чем 100 евро/т¹¹. Со 2 июня 2021 года введена плавающая пошлина¹², величина которой при цене на пшеницу выше 200 долл./т составляет 70% от разницы между мировой и базовой ценой в 200 долл.

Проведенный анализ ограничен 2020–2021 годами, то есть периодом, в первой половине которого (2020 год) пошлина отсутствовала, во второй половине (с февраля 2021 года) пошлина была введена и ее действие фактически охватило весь 2021 год.

Следует отметить, что Россия является крупнейшим экспортером пшеницы в мире (доля в мировом экспорте в 2018–2020 годах в среднем составляла 20%¹³), что позволяет ей оказывать влияние на мировые цены.

На фоне введенного ограничения экспорта цены на отечественную пшеницу на внешних рынках выросли в течение 2021 года с 230 до 320 долл./т (за период 2020–2021 годов рост составил 1,26 раза), и всё больше импортеров стали отказываться от покупок зерна по высоким ценам¹⁴.

В результате российский экспорт в 2021 году сократился на 26% (27,4 млн т) по отношению к предыдущему году (37,0 млн т), при том что производство пшеницы в 2021 году снизилось только на 11,5%. Если в 2018–2020 годах средняя доля экспорта в объемах производства составляла 48,5%, то в 2021 году этот показатель резко снизился до 36,0%.

Введенные экспортные пошлины повлияли на цену внутреннего рынка: цена производителей в феврале — августе 2021 года снизилась на 14,3%.

Начиная с сентября, когда предварительные оценки низкого сбора нового урожая стали подтверждаться, цена производителей вновь начала расти и по состоянию на 2021 год превысила показатель 2020 года на 2,5%¹⁵.

В период, когда объем произведенной продукции оставался по большей части неизменным (январь — август), то есть выполнялась исходная предпосылка теоретической модели, цена внутреннего рынка снижалась, что соответствовало предсказанию модели.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 23.01.2021 № 33 «О внесении изменений в ставки вывозных таможенных пошлин на товары, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе». <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400138457/?prime>.

¹² Постановление Правительства РФ от 06.02.2021 № 117 «О ставках вывозных таможенных пошлин на зерновые культуры, вывозимые из Российской Федерации за пределы государств — участников соглашений о Таможенном союзе». <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400195266/>.

¹³ Источником информации по внешней торговле здесь и далее является International Trade Centre. <https://intracen.org/>.

¹⁴ Импортеры пшеницы отказываются покупать зерно по возросшим ценам // AgroPRAVDA.com. 2021. 20 января. <https://agropravda.com/news/agrorynok/15576-importery-pshenicy-otkazyvajutsja-pokupat-zerno-po-vozroschim-cenam>.

¹⁵ Сравниваются цены, скорректированные с учетом инфляции.

Между тем сборы урожая 2021 года (76,1 млн т) сократились по сравнению с предыдущим годом (85,9 млн т)¹⁶. Поэтому величина производства страны-экспортера (q_d) в модели стала переменной, и выражение для цены внутреннего рынка (2) в приростном виде можно представить как:

$$\begin{aligned}\Delta p_d &= -b_{11} \Delta(q_d - q_x) = -b_{11} ((76,1 - 27,4) - (85,9 - 37)) = \\ &= -b_{11} (48,7 - 48,9) = 0,2b_{11} > 0,\end{aligned}$$

где $\Delta(q_d - q_x)$ — изменение внутреннего потребления в стране-экспортере.

В соответствии с этой оценкой цена внутреннего рынка должна была повыситься, что на самом деле и произошло.

На рост цены внутреннего рынка во второй половине 2021 года также мог оказать влияние более низкий прогноз мирового производства пшеницы на сезон 2021/22 года¹⁷. По крайней мере цены ведущих мировых экспортеров в этот период также росли, что отчасти можно объяснить реакцией на низкий прогноз.

Отечественная пшеница экспортируется в основном в Турцию, Египет, Пакистан, Танзанию, Объединенные Арабские Эмираты и Кению¹⁸, на которые в 2020–2021 годах приходилась примерно половина российского экспорта пшеницы. Совокупность этих стран в терминах модели представляет страну-импортера.

Основные поставки пшеницы на рынки сбыта российской продукции осуществляют Австралия, Канада и Украина, объединение которых в модели может рассматриваться в качестве глобального экспортера.

По итогам 2021 года поставки глобального экспортера в страну-импортера возросли в 1,27 раза, цена¹⁹ — в 1,24 раза от предыдущего года.

Дополнительно была выполнена проверка изменений в объемах производства глобального экспортера и в мире в целом за

¹⁶ Прирост совокупных запасов пшеницы в сельскохозяйственных организациях, заготовительных и перерабатывающих предприятиях в 2021 году составил 1,1 млн т, или 4% от предыдущего года, что позволяет предположить о схожем влиянии этого фактора на рынок пшеницы в 2020–2021 годах, то есть не учитывать его влияние.

¹⁷ Обзор рынка зерновых от 23 сентября 2021 года — Международный совет по зерну (IGC) // Zerno.ru. 2021. 23 сентября. <https://zerno.ru/node/16545>.

¹⁸ В данном случае страны ранжированы по объемам импорта пшеницы из России (в сторону их уменьшения). Крупными получателями российской продукции также являются Азербайджан, Грузия и Казахстан, однако на рынках этих стран конкуренты российской продукции отсутствуют. Импортная статистика за 2020–2021 годы не публикуется у таких крупных импортеров российской пшеницы, как Бангладеш, Йемен и Судан, или же она не соответствует данным российского экспорта (Нигерия).

¹⁹ Рассчитывалась как средневзвешенная цена (в долларах) на основе цен и поставок стран глобального экспортера в страны, выделенные в качестве страны-импортера за соответствующие годы.

2020–2021 годы²⁰. Мировое производство пшеницы в 2021 году по отношению к предыдущему году почти не изменилось, производство в странах глобального экспортера увеличилось на 15,6%, что позволяет предположить, что при неизменных условиях введение в России экспортной пошлины могло оказать большее влияние на внешний рынок сбыта, которое выразалось бы в более высоких ценах и меньших объемах поставок продукции по сравнению с фактическими.

Прирост экспортной цены страны-экспортера превысил прирост цены внешних поставок глобального экспортера (1,26 раза > 1,24 раза), последний, в свою очередь, превысил прирост внутренней цены глобального экспортера (в 1,21 раза), что также соответствует результатам теоретических построений.

Таким образом, анализ конкретной рыночной ситуации, связанной с введением экспортной пошлины, практически полностью подтвердил адекватность результатов теоретической модели.

4. Способствует ли росту благосостояния введение экспортной пошлины?

В научной литературе декларируется тезис о том, что если страна является крупным поставщиком продукции на мировой рынок, то сокращение объемов ее экспортных поставок может повысить мировую цену на этот товар настолько, что за счет этого изменения мировой цены страна сможет получить дополнительный прирост благосостояния [Piermartini, 2004]. Однако конкретно для этого случая отсутствуют оценки распределения выигрышей и потерь для производителей, потребителей и бюджета на рынках сбыта.

Изменение прибыли производителей, доходов государства и благосостояния потребителей страны-экспортера при введении экспортной пошлины

Отметим, что введение пошлины страной-экспортером в краткосрочном периоде всегда приносит выигрыш ее потребителям, поскольку объем внутреннего предложения продукции растет и цена внутреннего рынка снижается.

²⁰ Использовались данные FAOSTAT: <https://www.fao.org/faostat/en/#data>.

Изменение благосостояния (излишка) потребителей в результате введения экспортной пошлины (ΔCS_x) представляет собой разность между излишком потребителя²¹ после ($CS_{x,h}$) и до ($CS_{x,0}$) введения пошлины соответственно:

$$\begin{aligned}\Delta CS_x &= CS_{x,h} - CS_{x,0} = \\ &= \frac{1}{2}(a_{11} - p_d)(q_d - q_x) - \frac{1}{2}(a_{11} - p_d^*)(q_d - q_x^*) = \\ &= \frac{1}{2}[(a_{11} - p_d^*) + \Delta p_d](q_d - q_x^*) + \Delta q_x - (a_{11} - p_d^*)(q_d - q_x^*)] = \quad (24) \\ &= \frac{1}{2}[\Delta p_d(q_d - (q_x^* - \Delta q_x)) + (a_{11} - p_d^*)\Delta q_x] = \\ &= \frac{1}{2}\Delta q_x[b_{11}(q_d - (q_x^* - \Delta q_x)) + (a_{11} - p_d^*)] > 0.\end{aligned}$$

Делая подстановку $\Delta p_d = b_1 \Delta q_x$ (см. (19)), получаем положительный результат для ΔCS_x , так как $a_{11} < p_d^*$ и $q_d > (q_x^* - \Delta q_x)$. Таким образом, потребители выигрывают от введения пошлины.

Доход государства в результате введения экспортной пошлины составит $hq_x p_x$.

Для производителей ситуация не столь очевидна, поскольку возможный прирост стоимости единицы продукции от повышения мировых цен на внешнем рынке может быть компенсирован сокращением объемов экспорта, а прирост дохода на одном рынке сбыта — снижением дохода на другом.

В представленной модели прибыль производителей складывается из прибыли, получаемой производителями на внутреннем и внешнем рынках.

Прирост прибыли производителей от продаж продукции на внутреннем рынке равен:

$$\begin{aligned}\Delta \pi_d &= (p_d^* - \Delta p_d - mc_d) \times \\ &\times (q_d - (q_x^* - \Delta q_x)) - (p_d^* - mc_d)(q_d - q_x^*) = \\ &= (p_d^* - mc_d)\Delta q_x - b_{11}\Delta q_x(q_d - (q_x^* - \Delta q_x)) = \quad (25) \\ &= \Delta q_x(p_d^* - mc_d - b_{11}(q_d - q_x^* + \Delta q_x)).\end{aligned}$$

Прирост прибыли производителей от продаж продукции на внешнем рынке составит:

²¹ Стандартная спецификация для оценки излишка потребителя: $CS = \frac{1}{2}(a - p)q$, где a — максимальная цена, которую потребитель готов заплатить за товар, p и q — равновесные цена и количество товара соответственно.

$$\begin{aligned}
\Delta \pi_x &= ((p_x^* + \Delta p_x)(1-h) - (mc_d + \Delta mc_x)) \times \\
&\quad \times (q_x^* - \Delta q_x) - (p_x^* - (mc_d + \Delta mc_x)) q_x^* = \\
&= -(hp_x^* - \Delta p_x(1-h)) q_x^* - \Delta q_x ((p_x^* + \Delta p_x)(1-h) - (mc_d + \Delta mc_x)) = \\
&= (-hp_x^* q_x^* + hp_x^* \Delta q_x) + (h \Delta p_x \Delta q_x - \Delta p_x h q_x^*) + \\
&\quad + \Delta p_x q_x^* - \Delta q_x ((p_x^* + \Delta p_x) - (mc_d + \Delta mc_x)) = \\
&= -h(q_x^* - \Delta q_x)(p_x^* + \Delta p_x) + \Delta p_x(q_x^* - \Delta q_x) - \\
&\quad - \Delta q_x(p_x^* - (mc_d + \Delta mc_x)) = \\
&= ((p_x^* + \Delta p_x) - (mc_d + \Delta mc_x))(q_x^* - \Delta q_x) - \\
&\quad - (p_x^* - (mc_d + \Delta mc_x)) q_x^* - h(q_x^* - \Delta q_x)(p_x^* + \Delta p_x) = \\
&= \Delta p_x(q_x^* - \Delta q_x) - \Delta q_x(p_x^* - mc_d - \Delta mc_x) - hp_x q_x.
\end{aligned} \tag{26}$$

Спецификация изменения прибыли производителей на двух рынках может быть представлена в следующем виде (см. (25) и (26)):

$$\begin{aligned}
\Delta \pi_{d,x} &= \Delta q_x(p_d^* - mc_d - b_{11}(q_d - q_x^* + \Delta q_x)) + \\
&\quad + \Delta p_x(q_x^* - \Delta q_x) - \Delta q_x(p_x^* - mc_d - \Delta mc_x) - hp_x q_x = \\
&= \Delta q_x(p_d^* - b_{11}(q_d - q_x^* + \Delta q_x) - p_x^* + \Delta mc_x) + \\
&\quad + \left(b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})}\right) \Delta q_x(q_x^* - \Delta q_x) - hp_x q_x = \\
&= \Delta q_x \left(p_d^* - b_{11}(q_d - q_x^* + \Delta q_x) - p_x^* + \Delta mc_x + \right. \\
&\quad \left. + \left(b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})}\right)(q_x^* - \Delta q_x) \right) - hp_x q_x = \\
&= \Delta q_x \left(p_d^* - b_{11}q_d - p_x^* + \Delta mc_x + \right. \\
&\quad \left. + \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})}\right)q_x \right) - hp_x q_x.
\end{aligned} \tag{27}$$

Запишем производную функции прибыли производителей страны-экспортера (сценарий без пошлины, см. (7) при $h = 0$) следующим образом (с учетом того, что $q'_w(q_x) = -\frac{b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})}$ из (12)):

$$\begin{aligned}
\pi'_d(q_x) &= (a_{11} - b_{11}(q_d - q_x^*) - mc_d)'(q_d - q_x^*) - (p_d^* - mc_d) + \\
&\quad + (a_{31} - b_{31}q_x^* - b_{32}q_w^* - (mc_d + \Delta mc_x))'q_x^* + p_x^* - (mc_d + \Delta mc_x) = \\
&= p_x^* - p_d^* - \Delta mc_x + b_{11}q_d - \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})}\right)q_x^* = 0.
\end{aligned} \tag{28}$$

Делая подстановку в (27), получим:

$$\begin{aligned}\Delta\pi_{d,x} &= \Delta q_x \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) (q_x - q_x^*) - hp_x q_x = \\ &= -\Delta q_x^2 \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) - hp_x q_x.\end{aligned}\tag{29}$$

Утверждение 3. Введение экспортной пошлины сокращает прибыль производителей страны-экспортера на величину $\Delta q_x^2 \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) + hp_x q_x$.

Из этого следует, что совокупный прирост прибыли производителей и доходов бюджета при введении пошлины всегда будет отрицательным и равным $-\Delta q_x^2 \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right)$.

Оценка влияния экспортной пошлины на потребителей, производителей и бюджет страны-экспортера

В табл. 1 представлены полученные спецификации, характеризующие изменения в доходах производителей, бюджета и потребителей, а также в приросте благосостояния страны-экспортера.

Т а б л и ц а 1

Рост и потери благосостояния страны-экспортера при введении экспортной пошлины

T a b l e 1

Increase or Decrease of Welfare in an Exporting Country With Introduction of an Export Duty

Наименование показателя	Спецификация	Комментарии
Выигрыш потребителей	$\frac{1}{2} \Delta q_x \left[b_{11} (q_d - (q_x^* - \Delta q_x)) + (a_{11} - p_d^*) \right]$	Увеличится
Доходы производителей	$-\Delta q_x^2 \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) - hp_x q_x$	Снизятся
Доходы бюджета	$hq_x p_x$	Увеличатся
Благосостояние	$\frac{1}{2} \Delta q_x \left[b_{11} (q_d - (q_x^* - \Delta q_x)) + (a_{11} - p_d^*) \right] - \Delta q_x^2 \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right)$	Возрастет при выполнении условия (см. далее утверждение 4)

Рассмотрим условия, при которых прирост благосостояния страны-экспортера (сумма выигрыша потребителей, прироста прибыли производителей и дохода бюджета) от введения экспортной пошлины будет положительным:

$$\Delta W = \Delta q_x \left[\frac{1}{2} [b_{11}(q_d - (q_x^* - \Delta q_x)) + (a_{11} - p_d^*)] - \left(b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) \Delta q_x \right] > 0 \quad (30)$$

или с учетом (2):

$$\begin{aligned} & b_{11}(q_d - q_x^*) - \left(\frac{1}{2}b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) (q_x^* - q_x) \Leftrightarrow \\ & \Leftrightarrow b_{11}(q_d - q_x^*) > \left(\frac{1}{2}b_{11} + b_{31} - \frac{b_{32}b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})} \right) (q_x^* - q_x) \Leftrightarrow \quad (31) \\ & \Leftrightarrow \frac{q_d - q_x^*}{q_x^* - q_x} > \frac{1}{2} + \frac{b_{31}}{b_{11}} - \frac{b_{32}b_{42}}{2b_{11}(b_{21} + b_{41})}. \end{aligned}$$

Таким образом, прирост благосостояния в стране-экспортере от введения экспортной пошлины в краткосрочном периоде зависит от соотношения между предложением продукции на внутреннем рынке до введения пошлины и приростом предложения на внутреннем рынке после ее применения и будет положительным при $\frac{q_d - q_x^*}{q_x^* - q_x} > \frac{1}{2} + \frac{b_{31}}{b_{11}} - \frac{b_{32}b_{42}}{2b_{11}(b_{21} + b_{41})}$ (утверждение 4).

Наличие ограничения можно прокомментировать следующим образом. При достаточно большой доле экспорта в объемах производства страны-экспортера попытка резко ограничить экспорт может привести к крайне избыточному предложению продукции на внутреннем рынке, в результате цены производителей упадут настолько, что их потери перекроют излишек потребителя и убывающие доходы бюджета.

Предположим, что экспортная пошлина снижает экспорт в ψ раз, то есть $q_x = \psi q_x^*$, где $0 < \psi \leq 1$.

Тогда неравенство в (31) можно представить в виде:

$$q_d > \left(1 + (1 - \psi) \left(\frac{1}{2} + \frac{b_{31}}{b_{11}} - \frac{b_{32}b_{42}}{2b_{11}(b_{21} + b_{41})} \right) \right) q_x^*, \quad (32)$$

то есть при более высоком соотношении q_d/q_x^* (или при более низкой доле экспорта в объемах производства q_x^*/q_d) появляется

возможность применять более высокие пошлины и в большей мере снижать экспорт (большее ψ). Фактически потенциальный горизонт повышения экспортной пошлины без потери благосостояния зависит от доли экспорта в объемах производства до введения пошлины.

При $\psi = 0$ левая часть неравенства принимает максимальное значение, то есть можно утверждать, что благосостояние повысится при любых значениях экспортной пошлины, если выполняется условие:

$$q_d > \left(\frac{3}{2} + \frac{b_{31}}{b_{11}} - \frac{b_{32}b_{42}}{2b_{11}(b_{21} + b_{41})} \right) q_x^*. \quad (33)$$

Выделим множество решений более конкретно. Заметим, что большее значение коэффициентов b_{1i} означает, что дополнительные единицы продукции ценятся потребителями всё меньше и меньше, что ограничивает потребление [Choné, Linnemer, 2019]. Следовательно, при условии $b_{11} = b_{31}$ наблюдается достаточно схожая ценность потребления дополнительных единиц продукции в стране-экспортере и стране-импортере. Если принять симметричное допущение для глобального экспортера $b_{21} = b_{41}$, то в таком случае максимальное значение $\frac{b_{32}b_{42}}{2b_{11}(b_{21} + b_{41})}$ составит $1/4$, так как $b_{21} + b_{41} = 2b_{41} > 2b_{42}$ и $2b_{11} = 2b_{31} > 2b_{32}$.

Следовательно, неравенство (33) можно представить как

$$q_d \geq \frac{9}{4} q_x^*. \quad (34)$$

Таким образом, благосостояние будет повышаться при любых значениях экспортной пошлины, если до ее введения объем производства в стране-экспортере примерно двукратно (в $9/4$ раза) превышал объемы экспорта²².

В мировой практике существуют примеры того, когда значительные объемы произведенной в стране продукции экспортируются. В частности, доля экспорта Австралии — крупнейшего в мире экспортера овечьей шерсти (доля в мировом экспорте — 60% в 2022 году²³) в объемах собственного производства составляет 94%.

Вместе с тем если в экономике страны-экспортера действует перерабатывающая промышленность, исходным сырьем в которой является продукция рассматриваемой отрасли, то в этом слу-

²² Тем не менее случай запретительной пошлины, когда весь экспорт обнуляется, может потребовать дополнительного обсуждения.

²³ <https://www.fao.org/faostat/en/#data/TCL>.

чае возможные потери благосостояния могут быть снижены или даже исключены при введении ограничений на рынке сырья.

В работе [Waschik, Fraser, 2007] на основе динамической модели общего равновесия оценивается влияние экспортной пошлины на рынок шерсти в Австралии. В модели все рынки являются рынками совершенной конкуренции и сырьевые товары потребляются промышленностью в качестве промежуточных ресурсов. Сценарный анализ показал, что в краткосрочной перспективе экспортная пошлина на шерсть в размере 42,2% будет оптимизировать благосостояние Австралии прежде всего за счет отраслей, использующих шерсть в качестве сырья. В этом случае объем производства перерабатывающей промышленности возрастет на 42–61%.

Анализ влияния экспортной пошлины на благосостояние страны-импортера и глобального экспортера вынесен в Приложение.

В качестве возможной альтернативы экспортной пошлине целесообразно перейти от ее использования к введению дополнительного налога на доход или на прибыль производителей, который бы рассчитывался ежегодно в зависимости от фактического экспорта продукции. На основании полученных в этой работе результатов можно говорить о существовании решения такой задачи в теоретической постановке. В частности, оценка ставки налога на доход (τ), при условии что величина взимаемого налога должна быть равна доходу бюджета от экспортной пошлины, имеет следующий вид:

$$\tau = 1 - \frac{p_x(1-h)q_x}{p_d^*(q_d - q_x^*) + p_x^*q_x^*} = 1 - \frac{(p_x^* + b_{31}\Delta q_x)(q_x^* - \Delta q_x)}{p_d^*(q_d - q_x^*) + p_x^*q_x^*}. \quad (35)$$

В этом уравнении для переменных из правой части в рамках данного исследования получены решения.

5. Последствия введения экспортного тарифа за пределами краткосрочного периода

Рассмотрим последствия, которые могут ожидать производителей страны-экспортера за рамками краткосрочного периода.

Последствия введения экспортного тарифа в среднесрочном периоде

В работе [Yu et al., 2011] для оценки эффектов введения экспортных пошлин в странах-экспортерах и снижения импортных тарифов в странах-импортерах используется система моделей частичного равновесия основных сельскохозяйственных культур (пшеницы, кукурузы, ячменя, сорго, риса, соевых бобов, рапса

и подсолнечника). Введенные изменения в экспортные ограничения и импортную политику (для стабилизации внутренних цен на продовольствие), принятые крупнейшими странами в ответ на рост цен в 2007/08 маркетинговом году, рассматриваются в течение трехлетней среднесрочной перспективы (2008/09–2010/11).

В результате введения торговых ограничений мировые цены на основные виды зерновых и масличных культур в 2007–2008 годах повысились. В наибольшей степени выросли мировые цены на рис (на 88 долл./т, или на 24,0%) и пшеницу (на 35 долл./т, или на 14,3%) — основные продукты питания во многих развивающихся странах.

Рис. Вследствие введения торговых ограничений мировое производство риса увеличилось на 7,3 млн т (+1,7%), потребление и экспорт снизились на 0,62 и 5,0% соответственно.

В странах-экспортерах средневзвешенные цены выросли на 15,0% в развивающихся странах и на 20,1% — в развитых. Производство в развивающихся странах (в терминах теоретической модели — страна-экспортер, поскольку экспортные пошлины применяются главным образом этой группой стран) увеличилось на 4,8 млн т (+1,6%), в развитых странах (в терминах модели — глобальный экспортер) — на 1 млн т (+15,7%), внутреннее потребление снизилось на 0,5 и 2,5% для развивающихся и развитых стран соответственно. Экспорт в развивающихся странах снизился на 2,2 млн т (–8,7%), в то время как в развитых странах рост экспорта составил 1,1 млн т (+50,5%).

Поскольку развивающиеся страны-импортеры для улучшения поставок продовольствия на внутренний рынок снижали импортные пошлины, которые в нашей модели не учитываются, были рассмотрены последствия для стран-импортеров из числа развитых стран (в терминах модели — страна-импортер). Средневзвешенная цена в развитых странах-импортерах увеличилась на 3,8%, при этом производство выросло на 1,9%, а внутреннее потребление и импорт снизились на 1,7 и 4,0% соответственно.

Пшеница. На рынке пшеницы такие экспортеры, как Аргентина и Россия, проводили политику ограничения экспорта и сократили экспортные поставки на мировой рынок; вместе с тем мировой экспорт увеличился на 5,8%. Мировая цена на пшеницу выросла на 35 долл./т (+14,29%), производство и потребление снизились на 3,6 млн т (–0,55%) и 2,5 млн т (–0,39%) соответственно.

Рост цены экспортеров из числа развитых стран (в терминах модели — глобальный экспортер) составил 5,11%, прирост производства — 3,05 млн т (+1,26%), экспорт вырос на 7,6 млн т (+12,41%), и потребление снизилось на 3,07 млн т (–2,06%). Для экспортеров из числа развивающихся стран (в терминах модели — страна-экспортер) средневзвешенная цена снизилась на

8,80%, производство и экспорт сократились на 1,4 млн т (–1,21%) и 2,6 млн т (–8,69%) соответственно. Потребление этой группы выросло на 1,1 млн т (+1,29%). Средневзвешенная цена в группе нетто-импортеров развитых стран (в терминах модели — страна-импортер) выросла на 13,61%, при этом объем производства увеличился на 1,45%. В результате потребление и чистый импорт сократились на 13,28 и 15,08% соответственно.

Потери благосостояния (потери производителей, излишек потребителей и тарифная выручка) России по трем продуктам, в отношении которых вводились экспортные ограничения (пшенице, ячменю и кукурузе), за трехлетний период составили 1234,1 млн долл. (3463,8 млн долл. — потери производителей, 1588,9 млн долл. — излишек потребителей и 640,8 млн долл. — доход бюджета). На Украине, которая не вводила ограничений (в модели страна также была представлена тремя культурами: пшеницей, ячменем и кукурузой), прирост благосостояния составил 214,7 млн долл. (379,9 млн долл. — прибыль производителей и потери потребителей — 123,6 млн долл.).

Следует отметить, что эмпирические оценки, относящиеся к среднесрочной динамике, в основном соответствуют выводам теоретической модели. В связи с тем что в теоретической модели объемы производства считаются неизменными, определенный интерес представляет динамика производства за рамками краткосрочного периода, в частности то, насколько среднесрочная динамика производства (риса и пшеницы) соответствует оценкам для долгосрочного периода.

Рынок страны-экспортера. Принято считать, что применение пошлины в долгосрочном периоде и связанное с этим снижение цены внутреннего рынка приведут к сокращению производства в стране-экспортере [Piermartini, 2004]. В то время как для рынка пшеницы это условие в среднесрочной перспективе выполняется, на рынке риса, напротив, наблюдается рост производства, что связано с положительной динамикой цены внутреннего рынка стран-экспортеров на рис (+15%) по сравнению с ценой на пшеницу (–8,8%). Со стороны спроса преимущественный рост цен на рис объясняется тем, что он (в отличие от пшеницы) является основным продуктом питания для более чем половины населения планеты, прежде всего для жителей развивающихся стран, у которых доля продовольствия в расходах намного выше, чем у потребителей из развитых стран, поэтому при неэластичном спросе²⁴ быстрая ценовая динамика может стать не столько экономической, сколько политической проблемой. Со стороны пред-

²⁴ Соответствующие оценки эластичностей спроса и предложения приведены в [Yu et al., 2011].

ложения доля мирового экспорта риса в объемах глобального производства является достаточно низкой (5–7%), поэтому когда Индия — крупнейший мировой экспортер риса (доля в мировом экспорте — 18,7%) в 2007 году объявила о запрете на экспорт риса, введенные экспортные ограничения не привели к снижению внутренних цен в течение среднесрочного периода.

Рынок глобального экспортера. Тезис о том, что в долгосрочной перспективе производители в остальном мире (в терминах модели — в глобальном экспортере и стране-импортере) увеличат свое предложение в ответ на рост цен [Mitra, Josling, 2009], вполне можно применить и к среднесрочной перспективе. Следует также обратить внимание на то, что возможный прирост благосостояния от введения экспортных ограничений в краткосрочном периоде может смениться на противоположную тенденцию уже в среднесрочной перспективе: благосостояние снижается прежде всего вследствие быстро растущих потерь производителей и снижения доходов бюджета.

Последствия введения экспортного тарифа для экономики

Рассмотрим три источника возможных потерь благосостояния от введения экспортного тарифа для экономики в целом.

1. Страны-экспортеры могут устанавливать свои собственные ограничения в ответ на экспортные пошлины, введенные другими экспортерами. На рынках продовольствия мультипликационный эффект этих мер в 2008–2010 годах вызвал глобальную инфляцию, что привело к значительному росту цен, в том числе в странах-экспортерах, применяющих экспортные ограничения [Giordani et al., 2016]. Если учесть высокую долю расходов на продукты питания в развивающихся странах [OECD — FAO., 2020], то с ростом цен на продовольствие население этих стран будет сокращать потребление непродовольственных товаров.

2. Чтобы обеспечить внутренний спрос в Аргентине на соевые бобы, экспортная пошлина в мае 2008 года была увеличена на 35%, что привело к забастовкам фермеров [Parra, Schubert, 2016]. Результатом противостояния между фермерами и правительством стало снижение инвестиций в аграрный сектор страны²⁵. Таким образом, введение экспортной пошлины в долгосрочном периоде может привести к миграции инвестиций в другие сектора экономики с более низкой отдачей.

3. Население страны-экспортера, применяющего экспортную пошлину, будет увеличивать потребление регулируемого това-

²⁵ Argentina: Drought and a Parched Economy // Worldview. 2009. 21 January. <https://worldview.stratfor.com/article/argentina-drought-and-parched-economy>.

ра и снижать спрос на его заменители. При этом производство, а вместе с ним — занятость и заработная плата в целевом сырьевом секторе будут снижаться, прежде всего для неквалифицированных работников, что может привести к снижению заработной платы в других отраслях, использующих в основном неквалифицированную рабочую силу. Причем уровень снижения реальной заработной платы в долгосрочной перспективе может превышать ее снижение в краткосрочном периоде [Warr, 2002].

Заключение

В отличие от существующих теоретических подходов наличие взаимосвязи между внутренним и внешним рынками сбыта в модели частичного равновесия на основе предпосылки о фиксированности объемов производства дает возможность получать оценки краткосрочных эффектов экспортной пошлины. Доказано, что прирост благосостояния в стране-экспортере от введения экспортной пошлины прямо пропорционально зависит от величины соотношения между предложением продукции на внутреннем рынке до введения пошлины и приростом внутреннего предложения после ее введения и будет положительным при выполнении найденного условия. Фактически потенциальный горизонт повышения экспортной пошлины без потерь благосостояния зависит от доли экспорта в объемах производства до введения пошлины. При вполне реалистичных оценках коэффициентов функций обратного спроса доказано, что благосостояние будет повышаться при любых значениях экспортной пошлины, если до ее введения объем производства в стране-экспортере примерно в два раза (в $\frac{9}{4}$ раза) превышал объемы экспорта. Таким образом, введение ограничений и запретов на экспорт требует предварительной оценки последствий в зависимости от исходной величины (до введения экспортной пошлины) предложения продукции на внутреннем рынке.

В работе также получены оценки распределения выигрышей и потерь от введения экспортной пошлины для трех основных субъектов — производителей, потребителей и бюджета на всех рынках сбыта, а также обоснованы изменения в благосостоянии каждой рассматриваемой страны.

Для иллюстрации теоретических построений модели проанализированы эффекты введения экспортного тарифа на российском рынке пшеницы в 2021 году, которые подтвердили адекватность модели. В дополнение к этому выполнен анализ последствий введения экспортного тарифа за рамками краткосрочного периода, который показал, что эмпирические оценки эффектов, взятые из

других источников, в основном соответствуют выводам теоретической модели для краткосрочной перспективы.

П р и л о ж е н и е

Влияние введения экспортной пошлины на потребителей страны-импортера

A p p e n d i x

Impact of Introducing an Export Duty on Consumers in the Importing Country

Вследствие удорожания продукции страны-экспортера и глобального экспортера потребители страны-импортера в результате введения экспортной пошлины понесут потери.

В соответствии с выражением (21) изменение излишка потребителей страны-импортера (ΔCS_{m1}) от снижения поставок продукции страны-экспортера составит:

$$\begin{aligned}\Delta CS_{m1} &= CS_{m1,h} - CS_{m1,0} = \frac{1}{2}(a_{31} - p_x)q_x - \frac{1}{2}(a_{31} - p_x^*)q_x^* = \\ &= \frac{1}{2}[(a_{31} - p_x^*) - \Delta p_x](q_x^* - \Delta q_x) - (a_{31} - p_x^*)q_x^* = \quad (1\Pi) \\ &= \frac{1}{2}[-\Delta p_x(q_x^* - \Delta q_x) - (a_{31} - p_x^*)\Delta q_x] < 0,\end{aligned}$$

где $CS_{m1,h}$ и $CS_{m1,0}$ — излишек потребителя после и до введения пошлины соответственно.

В результате роста цены зарубежных поставок глобального экспортера изменение излишка потребителей страны-импортера (см. (22)) составит:

$$\begin{aligned}\Delta CS_{m2} &= CS_{m2,h} - CS_{m2,0} = \\ &= \frac{1}{2}(a_{41} - p_w)q_w - \frac{1}{2}(a_{41} - p_w^*)q_w^* = \\ &= \frac{1}{2}[(a_{41} - p_w^*) - \Delta p_w](q_w^* + \Delta q_w) - (a_{41} - p_w^*)q_w^* = \\ &= \frac{1}{2}[-\Delta p_w(q_w^* + \Delta q_w) + (a_{41} - p_w^*)\Delta q_w] = \\ &= \frac{1}{2}\Delta q_w[-(2b_{21} + b_{41})(q_w^* + \Delta q_w) + (a_{41} - p_w^*)] = \quad (2\Pi) \\ &= \frac{1}{2}\Delta q_w[-(2b_{21} + b_{41})(q_w^* + \Delta q_w) + (b_{41}q_w^* + b_{42}q_x^*)] = \\ &= \frac{1}{2}\Delta q_w[-2b_{21}q_w^* - (2b_{21} + b_{41})\Delta q_w + b_{42}q_x^*] = \\ &= \frac{1}{2}\Delta q_w\left[-2b_{21}q_w + b_{42}q_x + b_{42}\Delta q_x\left(1 - \frac{2b_{21} + b_{41}}{2(b_{21} + b_{41})}\right)\right].\end{aligned}$$

Знак полученного выражения неоднозначен, поскольку он фактически зависит от знака разности $(b_{42}q_x - 2b_{21}q_w)$.

Общие потери благосостояния потребителей (ΔCS_m) представляют собой сумму изменения излишков потребителей по каждому из двух источников:

$$\Delta CS_m = \frac{1}{2} \left[-\Delta p_x(q_x^* - \Delta q_x) - (a_{31} - p_x^*)\Delta q_x - \right. \\ \left. -\Delta p_w(q_w^* + \Delta q_w) + (a_{41} - p_w^*)\Delta q_w \right]. \quad (3\Pi)$$

Рассмотрим знак суммы двух членов из правой части:

$$\begin{aligned} & -(a_{31} - p_x^*)\Delta q_x + (a_{41} - p_w^*)\Delta q_w = \\ & = \Delta q_x \left(-(b_{31}q_x^* + b_{32}q_w^*) + \frac{b_{42}}{2(b_{21} + b_{41})}(b_{41}q_x^* + b_{42}q_w^*) \right) = \\ & = \frac{\Delta q_x}{2(b_{21} + b_{41})} \left(-[2b_{31}(b_{21} + b_{41}) - b_{41}b_{42}]q_x^* - \right. \\ & \quad \left. -[2b_{32}(b_{21} + b_{41}) - b_{42}^2]q_w^* \right) < 0. \end{aligned} \quad (4\Pi)$$

Для функций предпочтений Диксита [Dixit, 1979] выполняется условие $b_{42} = b_{32}$, которое в данном случае мы используем для обоснования полученного неравенства в (4П). Поскольку два остальных члена в правой части выражения (3П) имеют отрицательный знак, потребители страны-импортера будут нести потери благосостояния в результате введения страной-экспортером экспортной пошлины.

В нашей модели действует предположение о том, что фирмы страны-импортера не могут конкурировать с продукцией стран-экспортеров и ценовую политику на ее внутреннем рынке определяют страна-экспортер и ее глобальный конкурент. Тем не менее за рамками модели производители страны-импортера выиграют от введения экспортной пошлины, так как повышение внутренней цены будет стимулировать увеличение объемов производства и рост занятости. В целом в стране-импортере произойдет перераспределение доходов от потребителей к производителям.

Оценка влияния экспортной пошлины на потребителей и производителей глобального экспортера

Assessing the Impact of an Export Duty on Consumers and Producers of a Global Exporter

Потери потребителей в глобальном экспортере (ΔCS_g) составят:

$$\begin{aligned}
\Delta CS_g &= CS_{g,h} - CS_{g,0} = \\
&= \frac{1}{2}(a_{21} - p_g)(q_g - q_w) - \frac{1}{2}(a_{21} - p_g^*)(q_g - q_w^*) = \\
&= \frac{1}{2} \left[((a_{21} - p_g^*) - \Delta p_g)(q_g - q_w^* - \Delta q_w) - (a_{31} - p_x^*)(q_w^* + \Delta q_w) \right] = \\
&= \frac{1}{2} \left[-\Delta p_g(q_g - q_w^* - \Delta q_w) - (a_{21} - p_g^*)\Delta q_w \right] = \\
&= \frac{1}{2} \Delta q_w \left[-b_{21}(q_g - q_w^* - \Delta q_w) - (a_{21} - p_g^*) \right] = \\
&= \Delta q_w \left[-b_{21}(q_g - q_w^*) + \frac{1}{2}b_{21}\Delta q_w \right] < 0,
\end{aligned} \tag{5П}$$

где $CS_{m1,h}$ и $CS_{m1,0}$ — излишек потребителя после и до введения пошлины соответственно.

Рассмотрим прирост прибыли производителей глобального экспортера отдельно на внутреннем и внешнем рынках. Прирост прибыли от продаж продукции на внутреннем рынке (с учетом того, что $\Delta p_g = b_{21}\Delta q_w$) равен:

$$\begin{aligned}
&(p_g^* + \Delta p_g - mc_g)(q_g - q_w^* - \Delta q_w) - (p_g^* - mc_g)(q_g - q_w^*) = \\
&= -(p_g^* - mc_g)\Delta q_w + b_{21}\Delta q_w(q_g - q_w^* - \Delta q_w) = \\
&= \Delta q_w(-p_g^* + mc_g + b_{21}(q_g - q_w^* - \Delta q_w)).
\end{aligned} \tag{6П}$$

Так как переход к новому равновесию был вызван изменением объема экспорта страны-экспортера (в результате введения экспортной пошлины), взаимосвязь между приростом экспорта глобального экспортера (Δq_w) и приростом внешних поставок страны-экспортера (Δq_x) определяется выражением (12), а также его упрощенной версией в приростном виде (см. (20))

$$\Delta q_w = \frac{b_{42}\Delta q_x}{2(b_{21} + b_{41})}, \text{ из чего следует: } \Delta q_x = \frac{2(b_{21} + b_{41})}{b_{42}}\Delta q_w.$$

Делаем подстановку выражения для Δq_x в (22) и получаем:

$$\begin{aligned}
\Delta p_w &= -b_{41}\Delta q_w + b_{42}\Delta q_x = \\
&= -b_{41}\Delta q_w + b_{42} \frac{2(b_{21} + b_{41})}{b_{42}}\Delta q_w = (2b_{21} + b_{41})\Delta q_w.
\end{aligned} \tag{7П}$$

Это позволяет определить прирост прибыли производителей от продаж продукции на внешнем рынке (с учетом (22)):

$$\begin{aligned}
& (p_w^* + \Delta p_w - (mc_g + \Delta mc_x))(q_w^* + \Delta q_w) - (p_w^* - (mc_g + \Delta mc_x))q_w^* = \\
& = (p_w^* - (mc_g + \Delta mc_x) + (2b_{21} + b_{41})\Delta q_w) \times \\
& \times (q_w^* + \Delta q_w) - (p_w^* - (mc_g + \Delta mc_x))q_w^* = \quad (8П) \\
& = \Delta q_w (p_w^* - (mc_g + \Delta mc_x) + (2b_{21} + b_{41})\Delta q_w (q_w^* + \Delta q_w)) = \\
& = \Delta q_w (p_w^* - (mc_g + \Delta mc_x) + (2b_{21} + b_{41})(q_w^* + \Delta q_w)).
\end{aligned}$$

Прирост прибыли производителей глобального экспортера на двух рынках равен:

$$\begin{aligned}
& \Delta q_w (-p_g^* + b_{21}(q_g - q_w^* - \Delta q_w)) + \\
& + \Delta q_w [(q_w^* + \Delta q_w)(2b_{21} + b_{41}) + p_w^* - \Delta mc_x] = \quad (9П) \\
& = \Delta q_w (p_w^* - p_g^* - \Delta mc_x + b_{21}q_g + (q_w^* + \Delta q_w)(b_{21} + b_{41})).
\end{aligned}$$

Таким образом, прирост прибыли производителей глобально-го экспортера будет положительным при любых условиях, так как для всех случаев выполняется неравенство²⁶:

$$q_w^* + \Delta q_w = q_w > 0 > -\frac{p_w^* - p_g^* - \Delta mc_x + b_{21}q_g}{b_{21} + b_{41}}. \quad (10П)$$

Общий прирост благосостояния глобального экспортера будет положительным в том случае, если прирост прибыли производителей превысит прирост потерь потребителей (или с учетом $\Delta q_w > 0$):

$$\begin{aligned}
& (p_w^* - p_g^* - \Delta mc_x + b_{21}q_g + (q_w^* + \Delta q_w)(b_{21} + b_{41})) > \\
& > \frac{1}{2} [-b_{21}(q_g - q_w^* - \Delta q_w) - (a_{21} - p_g^*)] = \quad (11П) \\
& = b_{21}(q_g - q_w^*) - \frac{1}{2}b_{21}\Delta q_w,
\end{aligned}$$

что выполняется при всех условиях.

Таким образом, эффекты от введения экспортной пошлины для трех стран могут быть представлены следующим образом (табл. 1П).

²⁶ В этом случае автор исходит из предположения, что экспортеры не демпингуют и экспортная цена глобального экспортера не меньше суммы цены внутреннего рынка и расходов на транспортировку единицы продукции ($p_w^* \geq p_g^* + \Delta mc_x$).

Т а б л и ц а 1 П

Эффекты от введения страной-экспортером экспортной пошлины

T a b l e 1 A

Effects of Introducing an Export Duty by an Exporting Country

Наименование показателя	Страна-экспортер	Страна-импортер	Глобальный экспортер
Доходы производителей	–	+	+
Выигрыш потребителей	+	–	–
Доходы бюджета	+	0	0
Благосостояние	+ возрастает при условии (см. утверждение 4)	–	+

Примечание. Знаки «+» и «–» означают повышение и снижение соответственно, 0 — отсутствие изменений.

Следует заметить, что если глобальный конкурент является страной с развитой экономикой и низкой долей расходов населения на продовольствие, то в результате введения пошлины страной-экспортером никаких заметных последствий жители глобального экспортера не почувствуют, при том что его производители усилят свои позиции на внешнем рынке.

Литература

1. Бородин К. Г. Влияние экспорта на внутренний рынок экспортера // Экономическая наука современной России. 2021а. № 4. С. 49–67. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-49-67.
2. Бородин К. Г. Тарифно-таможенное регулирование экспорта АПК в России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021b. № 10. С. 20–27. DOI: 10.33938/2110-20.
3. Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. Модернизация или консервация: роль экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты // Экономическая политика. 2012. № 3. С. 5–19.
4. Bellemare M. Rising Food Prices, Food Price Volatility, and Social Unrest // American Journal of Agricultural Economics. 2015. Vol. 97. No 1. P. 1–21. DOI: 10.1093/ajae/aau038.
5. Bishop R. The Effects of Specific and Ad Valorem Taxes // The Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82. No 2. P. 198–218.
6. Bouet A., Laborde Debucquet D. Food Crisis and Export Taxation: The Cost of Non-cooperative Trade Policies // Review of World Economics. 2012. Vol. 148. No 1. P. 209–233. DOI: 10.1007/s10290-011-0108-8.
7. Brander J., Spencer B. Export Subsidies and Market Share Rivalry // Journal of International Economics. 1985. Vol. 18. No 1–2. P. 83–100.
8. Choné P., Linnemer L. The Quasilinear Quadratic Utility Model: An Overview. CESifo. Working Paper No 7640. 2019.
9. Clarke R., Collie D. Export Taxes Under Bertrand Duopoly // Economics Bulletin. 2006. Vol. 6. No 6. P. 1–8.
10. Clarke R., Collie D. Welfare in the Nash Equilibrium in Export Taxes Under Bertrand Duopoly // Bulletin of Economic Research. 2008. Vol. 60. No 2. P. 183–189. DOI: 10.1111/j.0307-3378.2008.00273.x.
11. Collie D., De Meza D. Comparative Advantage and the Pursuit of Strategic Trade Policy // Economics Letters. 2003. Vol. 81. No 2. P. 279–283.
12. Corden W. Trade Policy and Economic Welfare. Oxford: Clarendon Press, 1974.
13. Dixit A. A Model of Duopoly Suggesting a Theory of Entry Barriers // Bell Journal of Economics. 1979. Vol. 10. No 1. P. 20–32.

14. Giordani P., Rocha N., Ruta M. Food Prices and the Multiplier Effect of Trade Policy // *Journal of International Economics*. 2016. Vol. 101. No C. P. 102–122.
15. Kamin S., Marazzi M., Schindler J. The Impact of Chinese Exports on Global Import Prices // *Review of International Economics*. 2006. Vol. 14. No 2. P. 179–201.
16. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade // *American Economic Review*. 1980. Vol. 70. No 5. P. 950–959.
17. Laborde Dubucquet D., Estrades C., Bouët A. A Global Assessment of the Economic Effects of Export Taxes // *The World Economy*. 2013. Vol. 36. No 10. P. 1333–1354.
18. Melitz M. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity // *Econometrica*. 2003. Vol. 71. No 6. P. 1695–1725.
19. Mitra S., Josling T. Agricultural Export Restrictions: Welfare Implications and Trade Disciplines. Washington, DC: International Food and Agricultural Trade Policy Council, 2009.
20. OECD — FAO Agricultural Outlook 2020–2029. Paris: OECD Publishing; Rome: FAO, 2020.
21. Parra M., Schubert S. Export Taxes and Other Restrictions on Raw Materials and Their Limitation Through Free Trade Agreements: Impact on Developing Countries. Directorate-General for External Policies of the Union Policy Department. Strasbourg: European Parliament, 2016.
22. Piermartini R. The Role of Export Taxes in the Field of Primary Commodities. WTO. Discussion Paper No 4. 2004.
23. Rodrik D. Optimal Trade Taxes for a Large Country With Non-atomistic Firms // *Journal of International Economics*. 1989. Vol. 26. No 1–2. P. 157–167.
24. Sanchez-Ugarte F., Modi J. Are Export Duties Optimal in Developing Countries? // *Supply Side Tax Policy: Its Relevance to Developing Countries*. Washington, DC: International Monetary Fund, 1987.
25. Turner J., Buongiorno J., Katz A., Zhu S. Implications of the Russian Roundwood Export Tax for the Russian and Global Wood Products Sectors // *Scandinavian Journal of Forest Research*. 2008. Vol. 23. No 2. P. 154–166.
26. Warr P. Export Taxes and Income Distribution: The Philippines Coconut Levy // *Review of World Economics*. 2002. Vol. 138. No 3. P. 437–458.
27. Waschik R., Fraser I. A Computable General Equilibrium Analysis of Export Taxes in the Australian Wool Industry // *Economic Modelling*. 2007. Vol. 24. No 4. P. 712–736.
28. Yu T.-H., Tokgoz S., Wailes E., Chavez E. A Quantitative Analysis of Trade Policy Responses to Higher World Agricultural Commodity Prices // *Food Policy*. 2011. Vol. 36. No 5. P. 545–561.

References

1. Borodin K. G. Vliyaniye eksporta na vnutrenniy rynek eksportera [The Impact of Exports on the Exporter's Domestic Market]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii [Economics of Contemporary Russia]*, 2021a, no. 4, pp. 49–67. DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-49-67. (In Russ.)
2. Borodin K. G. Tarifno-tamozhennoe regulirovanie eksporta APK v Rossii [Tariff and Customs Regulation of Agricultural Exports in Russia]. *Ekonomika, trud i upravleniye v sel'skom khozyaystve [Economy, Labor and Management in Agriculture]*, 2021b, no. 10, pp. 20–27. DOI: 10.33938/2110-20. (In Russ.)
3. Idrisov G., Sinelnikov-Murylev S. Modernizatsiya ili konservatsiya: rol' eksportnoy poshliny na nef't' i nefteprodukty [Modernization or Conservation: The Role of the Export Duty in Oil and Petroleum Products]. *Ekonomicheskaya politika [Economic Policy]*, 2012, no. 3, pp. 5–19. (In Russ.)
4. Bellemare M. Rising Food Prices, Food Price Volatility, and Social Unrest. *American Journal of Agricultural Economics*, 2015, vol. 97, no. 1, pp. 1–21. DOI: 10.1093/ajae/aau038.
5. Bishop R. The Effects of Specific and Ad Valorem Taxes. *The Quarterly Journal of Economics*, 1968, vol. 82, no. 2, pp. 198–218.

6. Bouet A., Laborde Debucquet D. Food Crisis and Export Taxation: The Cost of Non-cooperative Trade Policies. *Review of World Economics*, 2012, vol. 148, no. 1, pp. 209-233. DOI: 10.1007/s10290-011-0108-8.
7. Brander J., Spencer B. Export Subsidies and Market Share Rivalry. *Journal of International Economics*, 1985, vol. 18, no. 1-2, pp. 83-100.
8. Choné P., Linnemer L. The Quasilinear Quadratic Utility Model: An Overview. *CESifo*, Working Paper no. 7640, 2019.
9. Clarke R., Collie D. Export Taxes Under Bertrand Duopoly. *Economics Bulletin*, 2006, vol. 6, no. 6, pp. 1-8.
10. Clarke R., Collie D. Welfare in the Nash Equilibrium in Export Taxes Under Bertrand Duopoly. *Bulletin of Economic Research*, 2008, vol. 60, no. 2, pp. 183-189. DOI: 10.1111/j.0307-3378.2008.00273.x.
11. Collie D., De Meza D. Comparative Advantage and the Pursuit of Strategic Trade Policy. *Economics Letters*, 2003, vol. 81, no. 2, pp. 279-283.
12. Corden W. *Trade Policy and Economic Welfare*. Oxford, Clarendon Press, 1974.
13. Dixit A. A Model of Duopoly Suggesting a Theory of Entry Barriers. *Bell Journal of Economics*, 1979, vol. 10, no. 1, pp. 20-32.
14. Giordani P., Rocha N., Ruta M. Food Prices and the Multiplier Effect of Trade Policy. *Journal of International Economics*, 2016, vol. 101, no. C, pp. 102-122. DOI: 10.1016/j.jinteco.2016.04.001.
15. Kamin S., Marazzi M., Schindler J. The Impact of Chinese Exports on Global Import Prices. *Review of International Economics*, 2006, vol. 14, no. 2, pp. 179-201. DOI: 10.1111/j.1467-9396.2006.00569.x.
16. Krugman P. Scale Economies, Product Differentiation, and the Pattern of Trade. *American Economic Review*, 1980, vol. 70, no. 5, pp. 950-959.
17. Laborde Dubucquet D., Estrades C., Bouët A. A Global Assessment of the Economic Effects of Export Taxes. *The World Economy*, 2013, vol. 36, no. 10, pp. 1333-1354. DOI: 10.1111/twec.12072.
18. Melitz M. The Impact of Trade on Intra-Industry Reallocations and Aggregate Industry Productivity. *Econometrica*, 2003, vol. 71, no. 6, pp. 1695-1725.
19. Mitra S., Josling T. *Agricultural Export Restrictions: Welfare Implications and Trade Disciplines*. Washington, DC, International Food & Agricultural Trade Policy Council, 2009.
20. *OECD - FAO Agricultural Outlook 2020-2029*. Paris, OECD Publishing, Rome, FAO, 2020.
21. Parra M., Schubert S. *Export Taxes and Other Restrictions on Raw Materials and Their Limitation Through Free Trade Agreements: Impact on Developing Countries*. Directorate-General for External Policies of the Union Policy Department. Strasbourg, European Parliament, 2016.
22. Piermartini R. The Role of Export Taxes in the Field of Primary Commodities. *WTO*, Discussion Paper no. 4, 2004.
23. Rodrik D. Optimal Trade Taxes for a Large Country with Non-atomistic Firms. *Journal of International Economics*, 1989, vol. 26, no. 1-2, pp. 157-167.
24. Sanchez-Ugarte F., Modi J. Are Export Duties Optimal in Developing Countries? *Supply Side Tax Policy: Its Relevance to Developing Countries*. Washington, DC, International Monetary Fund, 1987.
25. Turner J., Buongiorno J., Katz A., Zhu S. Implications of the Russian Roundwood Export Tax for the Russian and Global Wood Products Sectors. *Scandinavian Journal of Forest Research*, 2008, vol. 23, no. 2, pp. 154-166. DOI: 10.1080/02827580801995307.
26. Warr P. Export Taxes and Income Distribution: The Philippines Coconut Levy. *Review of World Economics*, 2002, vol. 138, no. 3, pp. 437-458.
27. Waschik R., Fraser I. A Computable General Equilibrium Analysis of Export Taxes in the Australian Wool Industry. *Economic Modelling*, 2007, vol. 24, no. 4, pp. 712-736.
28. Yu T.-H., Tokgoz S., Wailes E., Chavez E. A Quantitative Analysis of Trade Policy Responses to Higher World Agricultural Commodity Prices. *Food Policy*, 2011, vol. 36, no. 5, pp. 545-561.

История народного хозяйства

Хозяйственная жизнь города Севастополя
на рубеже XVIII–XIX веков**Алексей Геннадиевич Баранов**

ORCID: 0000-0001-9882-307X

Кандидат экономических наук,
заведующий кафедрой «Экономика
предприятия» Института финансов,
экономики и управления, Севастопольский
государственный университет (РФ, 299053,
Севастополь, Университетская ул., 33)
E-mail: agbaranov@mail.sevsu.ru

Таисия Анатольевна Лопатина

ORCID: 0009-0005-6356-1635

Ассистент кафедры «Экономика
предприятия» Института финансов,
экономики и управления, Севастопольский
государственный университет (РФ, 299053,
Севастополь, Университетская ул., 33)
E-mail: talopatina@mail.sevsu.ru

Елена Петровна Гармашова

ORCID: 0000-0002-2269-1397

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры «Экономика предприятия»
Института финансов, экономики
и управления, Севастопольский
государственный университет (РФ, 299053,
Севастополь, Университетская ул., 33)
E-mail: epgarmashova@mail.sevsu.ru

Дарья Владимировна Пунга

ORCID: 0009-0003-1063-1068

Ассистент кафедры «Экономика
предприятия» Института финансов,
экономики и управления, Севастопольский
государственный университет (РФ, 299053,
Севастополь, Университетская ул., 33)
E-mail: dvpunga@mail.sevsu.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей хозяйственной жизни Севастополя с момента основания в 1783 году и до начала XIX века. Цель работы — выявление особенностей развития экономики города на рубеже XVIII–XIX веков. В результате проведенного анализа авторами статьи было выявлено пять ключевых особенностей развития хозяйственной жизни Севастополя в этот период. Во-первых, экономическое развитие города проходило под воздействием интеграционной политики, которая заключалась в формировании лояльного отношения со стороны местного населения к России, заселения территории крестьянами, объявления Севастополя открытым для дружественных народностей, активного гражданского и военного строительства. Во-вторых, в структуре населения города в конце XVIII века доля военного населения составляла более 95%, в связи с чем в работе предложено структуру городского населения называть военно ориентированной. В-третьих, слабое развитие сельского хозяйства в Севастополе явилось предпосылкой высокого уровня цен и в то же время способствовало развитию торговли. В-четвертых, в городе наблюдалась достаточно узкая специализация промышленности с доминированием казенных предприятий в судоремонтной, строительной и пищевой отраслях. Возникавший дефицит промышленной продукции частично компенсировался ремесленным производством и домашней промышленностью (производством несельскохозяйственной продукции в домашних условиях). В-пятых, интенсивность развития торговли, по сути, явилась инструментом решения проблем сельского хозяйства и промышленности, то есть торговая специализация Севастополя способствовала преодолению дефицита сельскохозяйственной и промышленной продукции в городе.

Ключевые слова: экономическая история, экономика города, Балаклава, экономическая интеграция.

JEL: N13, N93, R11.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 24-28-00148 «Экономическая история Севастополя: исследование региональных особенностей, закономерностей и опыта хозяйственной жизни в конце XVIII — начале XXI века».

History of the National Economy

The Economic Life of Sevastopol During the Late 18th and Early 19th Centuries

Aleksey G. Baranov

ORCID: 0000-0001-9882-307X

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University,^a
e-mail: agbaranov@mail.sevsu.ru

Taisiya A. Lopatina

ORCID: 0009-0005-6356-1635

Assistant Professor, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University,^a
e-mail: talopatina@mail.sevsu.ru

Elena P. Garmashova

ORCID: 0000-0002-2269-1397

Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University,^a
e-mail: epgarmashova@mail.sevsu.ru

Darya V. Punga

ORCID: 0009-0003-1063-1068

Assistant Professor, Enterprise Economy Department, Institute of Finance, Economics and Management, Sevastopol State University,^a
e-mail: dvpunga@mail.sevsu.ru

^a 33, Universitetskaya ul., Sevastopol, 299053, Russian Federation

Abstract

This article examines aspects Sevastopol's economy from its founding in 1783 through the beginning of the nineteenth century in order to identify the main components in the city's economic development during that period. Five key patterns in Sevastopol's economic development emerged from this analysis. First, the city's economic development was influenced by a policy that favored integration by making the local population loyal to Russia, settling farmers in the surrounding territory, declaring the city open to friendly nations, and undertaking ambitious civil and military construction. Second, over 95 percent of the population in Sevastopol at the end of the eighteenth century was military, and for the purposes of this study that fact justifies designating the urban population military oriented. Third, the inadequate development of agriculture around Sevastopol ensured high prices but also contributed to increased trade. Fourth, there was a rather narrow sectoral specialization of industry, which was dominated by state-owned enterprises in ship repair, construction, food, and building material. The resulting shortage of industrial products in the city was partially offset by handicraft production and home industry. Fifth, the fast pace of trade development was essentially a way of compensating for the deficits in agriculture and industry; that is, Sevastopol's specialization as a trading center helped it overcome the shortage of agricultural and industrial goods in the city.

Keywords: economic history, economics, economy of the city, Balaklava, economic integration.

JEL: N13, N93, R11.

Acknowledgements

This study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation under research project No. 24-28-00148 "Economic History of Sevastopol: A Study of Regional Characteristics, Patterns and Experience of Economic Life in the Late 18th and early 21st centuries."

Введение

Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Российской и Османской империями, заключенный 10 (21) июля 1774 года, завершил Русско-турецкую войну, объявил независимость Крымского ханства и легитимизировал переход во владение Российской империи города Керчи и близлежащей крепости Еникале.

На поддержание в Крыму «независимого» от России буферного ханства — на подарки и субсидии хану и знати — с 1774 по 1782 год российская казна потратила 7 млн руб. Траты эти сочли малоэффективными, и 8 апреля 1783 года был подготовлен манифест о присоединении Крымского ханства к Российской империи. 28 декабря 1783 года Россия и Турция подписали «Акт о мире, торговле и границах обоих государств», которым отменялась статья 3 (артикул 3) Кючук-Кайнарджийского мирного договора о независимости Крымского ханства. Присоединение Крыма к Российской империи в 1783 году носило мирный характер, однако ему сопутствовали весьма сложные дипломатические процессы: переговоры с крымской знатью, подписание населением «присяжных листов», в которых было обозначено, что жители присягают на верность России. Только создание на юге страны полноценной губернии с лояльным к российской власти населением могло обезопасить южные границы страны. Основание города Севастополя стало результатом многоэтапных военно-политических и экономических усилий России.

Создание системы крепостей и укрепленных городов по береговой линии Черного моря было призвано обеспечить Российскому государству безопасное развитие южных территорий. Удобство и военно-стратегическое значение Ахтиарской бухты обусловило интерес военного командования к местности, где в будущем был основан город Севастополь. Военные критерии расположения базы, такие как безопасность стоянки судов и минимальное время прибытия в любую точку Черного моря, стали также экономическими предпосылками размещения на берегах Ахтиарской бухты торгового порта. Достижение политических и военных задач зачастую требовало развития экономического потенциала территорий.

Цель статьи заключается в исследовании опыта и особенностей хозяйственной жизни Севастополя с момента основания и до начала XIX века.

Задачи данного исследования заключаются не только в выявлении влияния общегосударственных экономических тенденций на

городское хозяйство Севастополя на рубеже XVIII–XIX веков, но и в характеристике экономики города в период его становления. Отдельным аспектам хозяйственной жизни города Севастополя посвящены работы [Головачев, 1872; История Севастополя, 2021; Коваленко, 2019; 2020а; 2020b; Левченко, 2006; Неделин и др., 1960; Хапаев, 2016]. В частности, в работах [Коваленко, 2019; 2020а; 2020b] уделяется внимание отдельным экономическим проблемам города на рубеже XVIII–XIX веков, таким как нехватка пресной воды, сложности в снабжении продуктами питания, топливом, строительными материалами, а также исследуются особенности городского строительства. При этом все экономические вопросы автор рассматривает в контексте вклада отдельных исторических личностей (Григория Александровича Потемкина, Федора Федоровича Ушакова, Фомы Фомича Мекензи) в развитие города. В [История Севастополя, 2021] при исследовании экономики и демографии Севастополя перед Крымской войной описываются недостатки, характерные для всего начального периода развития города. В [Хапаев, 2016] рассматривается развитие земель северного Причерноморья, в том числе и Севастополя, на основании анализа личных распоряжений Г. А. Потемкина. Работа [Неделин и др., 1960] является первой попыткой систематизации и периодизации истории Севастополя с момента основания. Авторы рассматривают историю города в контексте развития Черноморского флота, не уделяя внимания экономическим вопросам. Поэтому вопросы характеристики экономики города Севастополя и выявления ключевых особенностей его функционирования в конце XVIII века остаются актуальными.

Настоящая работа опирается также на источники, посвященные истории Юга России. При этом следует отметить, что нехватка статистических данных вынуждает экономистов обращаться к различным воспоминаниям, наблюдениям очевидцев, очеркам и другим относительно субъективным источникам. Так, в работе [Паллас, 1999] можно найти отдельные данные об организации городского хозяйства. В книге [Сумароков, 1800] описаны проблемы становления города. В записках графа Луи-Филиппа де Сегюра о пребывании в России в царствование Екатерины II присутствует описание Севастополя [Сегюр, 1865].

Кроме того, в основу настоящей статьи были положены материалы фондов Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива Военно-морского флота, Российского государственного исторического архива. Используемые исторические источники уже были введены в на-

учный оборот другими авторами, однако не проводился анализ экономических данных, имеющих в этих источниках. Так, в настоящей статье проанализированы показатели из ведомостей Семена Семеновича Жегулина и Платона Александровича Зубова, характеризующие хозяйственную жизнь города.

1. Предпосылки и направления экономической интеграции

Манифест императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 года провозгласил присоединение Крыма к России¹, что стало правовой основой для немедленной организации русскими войсками на берегу Ахтиарской бухты военного поселения и начала строительства укреплений.

Указ Екатерины II князю Г. А. Потемкину об устройстве крепостей в Екатеринославском наместничестве и Таврической области и основании военного порта Севастополь от 10 февраля 1784 года является официальным документом исключительно военного содержания, в котором впервые упоминается топографическое наименование «Севастополь»². В соответствии с этим указом Севастополь был одной из множества крепостей и укрепленных поселений, заложенных на южных рубежах России после присоединения Крыма. Такое активное военное строительство, накопление военных формирований на новых территориях и создание единой сети фортификационных сооружений стало основой обеспечения военной безопасности.

В указе императрицы Севастополь назван «военный порт», однако в самом документе Екатерина приказывает устроить укрепление — «крепость большую Севастополь», в состав которой должны входить адмиралтейство, верфь для кораблей первого ранга, порт и военное поселение. Создание и развитие всех указанных объектов крепости Севастополь были призваны обеспечить рост военного потенциала Черноморского флота.

С момента основания до момента присвоения военному поселению на берегу Ахтиарской бухты статуса «крепость» с официальным наименованием «Севастополь» прошло более 9 месяцев, в течение которых поселение активно развивалось в военном

¹ Манифест императрицы Екатерины II о присоединении Крыма и Кубани к России // РГИА. Ф. 1239. Оп. 1. Д. 153. Л. 294 — 296а.

² Указ Екатерины II князю Г. А. Потемкину об устройстве крепостей в Екатеринославском наместничестве и Таврической области и основании военного порта Севастополь от 10 февраля 1784 года // РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 798. Л. 117–118.

и гражданском направлениях. Дальнейшие социально-экономические изменения Севастополя происходили в соответствии со Всеподданнейшим докладом князя Потемкина от 10 августа 1785 года. В указанном документе помимо подробной географической характеристики местности, военно-инженерных требований и принципов, которые соблюдались при проектировании укреплений, содержатся сводные данные об укрупненных плановых расходах на строительство крепости Севастополь (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Укрупненные плановые расходы на строительство крепости Севастополь

T a b l e 1

Cost Overruns for Construction of the Sevastopol Fortress

№	Статья расходов	Сумма
1.	На окружное крепостное строение	1 504 396 руб. 60 коп.
2.	На внутреннее <обустройство> как то: жилища для военных людей и для начальников, пороховые погреба, адмиралтейство, доки, разного рода запасные магазины, водохранины, церкви и главные ворота	2 404 458 руб.
3.	На каменную плотину (mole) и четыре замка, из которых в море три, на берегу один	719 620 руб. 74 ¼ коп.
Всего		4 628 474 руб. 37 ¼ коп.

Источник: [Потемкин, 1893].

Строительство планировалось закончить за десять лет. В течение первого года должны были проводиться подготовительные работы и доставляться необходимые припасы. Также во Всеподданнейшем докладе князя Потемкина от 10 августа 1785 года указывалось, что для завершения всех работ в положенное время планировалось ежедневно привлекать рабочих солдат или матросов в количестве до 3000 человек, а также мастеровых (каменщиков, плотников и прочих) в количестве до 500 человек.

После основания города Севастополя одной из ключевых задач являлось заселение новых земель путем организации переселения:

- с территорий других стран вольных лиц (иностранных подданных), лояльных к России, при этом главным инструментом стало выделение земли, что привело к росту этой категории населения. Так, например, в 1784 году между Балаклавой и Ялтой были расселены архипелагские (островные) греки — 741 человек мужского пола. Им даровали земли, на которых образовалось семь поселений. Особый интерес проявляли

власти к опытным специалистам, которые могли бы способствовать развитию сельского хозяйства и промышленности, росту городского и сельского населения. Иммигранты могли не только населять город, но и получить российское гражданство;

- из центральных губерний Российской империи, с Поволжья и из других регионов помещичьих и государственных крепостных крестьян, отставных солдат, церковнослужителей и других категорий населения. Государственных крестьян селили на государственных землях, на которых образовывали отдельные или смешанные поселения (в крымскотатарских селах).

Экономическая интеграция Севастополя и других южных регионов в Российскую империю происходила по следующим направлениям:

- формирование лояльного отношения со стороны местного населения и юридическое закрепление лояльности подписанием «присяжных листов»;
- заселение территории крестьянами из центральных губерний страны, что способствовало дальнейшему укреплению трудового потенциала территории;
- объявление города Севастополя и ряда других городов открытыми для дружественных народностей (греков, армян, евреев и т. д.), что послужило основой иммиграционных процессов;
- гражданское и военное строительство, что способствовало развитию экономического потенциала территории.

2. Формирование военно ориентированной структуры населения

В первые годы после основания Севастополь представлял собой населенный пункт, экономическая жизнь которого была направлена на удовлетворение военных нужд, что обуславливало преобладание численности военного населения над гражданским и, соответственно, мужского населения — над женским. О составе и структуре населения Таврической области, в том числе и города Севастополя, можно судить на основании данных ведомости, представленной императрице Екатерине II правителем Таврической области С. С. Жегулиным в 1792 году (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Структура населения Таврической области в 1792 году (чел.)

T a b l e 2

Population Distribution in the Tauride Region in 1792 (persons)

Город	Мужчины	Женщины	Население, всего	Мужчины (%)	Женщины (%)
Симферополь	1373	564	1937	70,9	29,1
Феодосия	314	141	455	69,0	31,0
Евпатория	2155	1720	3875	55,6	44,4
Перекоп	627	432	1059	59,2	40,8
Севастополь	197	49	246	80,1	19,9
Бахчисарай	3043	2531	5574	54,6	45,4
Карасубазар (Белогорск)	2167	1769	3936	55,1	44,9
Еникале	226	145	371	60,9	39,1
Керчь	204	188	392	52,0	48,0
Балаклава и округ	1283	713	1996	64,3	35,7
Всего по городам	11 589	8252	19 841	58,4	41,6
Всего по уездам без учета городов	74 216	63 076	137 292	54,1	45,9
Итого	85 805	71 328	157 133	54,6	45,4

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о количестве дворов, мельниц, числе жителей и домашнего скота в городах и уездах Таврической области, представленная императрице Екатерине II правителем области С. С. Жегулиным (после 30 июня 1792 г.) // РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 59. Л. 17 об. — 18.

Статистика 1792 года свидетельствует о том, что численность мужского населения превышает численность женского как отдельно по городам, так и в целом по Таврической области. В этот период в Севастополе проживали 246 человек гражданского населения. В основном это были семьи военнослужащих, отставные чины, мастеровые, торговцы и ремесленники. Следует отметить высокую неравномерность половой структуры гражданского населения: в городе проживали 49 женщин (20% населения города) и 197 мужчин (соответственно 80%). Этнический состав населения города включал русских, украинцев, белорусов, греков, евреев, караимов, немцев и др.

В Балаклаве и ее окрестностях насчитывалось почти 2000 жителей, 64,3% которых составляли мужчины (1283) и 35,7% — женщины (713). Основным населением Балаклавы и окрестностей были греки, которые активно переселялись в Крым из Османской империи.

Представленная выше статистика населения города Севастополя не учитывает численность пребывавших в городе военных

и моряков Черноморского флота. Так, в донесении вице-адмирала Петра Кондратьевича Карцова о состоянии севастопольского порта от 16 апреля 1797 года указывается, что общая численность чинов составляла 10 088 в составе: флотских чинов — 7126; артиллерийских чинов — 1238; солдатских чинов — 1129; чинов комиссариатского и интендантского ведомств — 590; гарнизонных чинов — 5 [Карцов, 1902].

Незначительная доля гражданского населения в городе подтверждается и наблюдением Павла Ивановича Сумарокова в 1799 году: «Ахтиар есть настоящий военный город; гарнизон, морские батальоны, матросы и другие команды составляют жителей оною; а обывателей в нем самое небольшое количество» [Сумароков, 1800. С. 113].

Особый статус города Севастополя сформировал специфические условия жизни населения и обусловил особенности социальной структуры, а именно значительное преобладание численности военного населения над гражданским. Такую структуру населения в настоящей работе предлагаем называть военно ориентированной, поскольку гражданское население не только составляло малую долю, но и было занято в сферах, обслуживающих Черноморский флот.

Следует отметить, что увеличение военного гарнизона способствовало развитию торговли и росту численности гражданского населения. Более того, активное расширение военной инфраструктуры в Севастополе приводило к притоку финансовых ресурсов в город, повышая тем самым привлекательность региона. Росту численности населения города в последующие годы способствовало также наличие льгот на землю под строительство для прибывающих из других регионов империи и из-за рубежа.

3. Неразвитость сельского хозяйства как предпосылка высокого уровня цен

Характер сельского хозяйства на территории Севастополя определили природно-климатические условия. Город расположен на юге степной зоны, почвы которой пригодны для выращивания отдельных сельскохозяйственных культур, садов и виноградников, не требующих обильного полива. Так, при описании окрестностей Херсонеса в [Паллас, 1999. С. 40] почва охарактеризована как желто-красная «с щебнем и высохшим дерном в более или менее толстом слое; на возвышениях часто обнажается камень... У морских берегов... известняки представляют скалистые края».

Подобные почвенно-климатические условия более всего способствовали развитию виноградарства и виноделия в окрестностях города. Преобладало белое недолго хранящееся вино, за которое платили от 70 до 80 копеек за ведро [Паллас, 1999. С. 34]. Однако существовал ряд препятствий для процветания виноградарства. Во-первых, высокие цены трудовых ресурсов из-за малого числа жителей. Во-вторых, недостаточно активный рост лозы и ее частые болезни вследствие засух, отсутствия источников для орошения и распространения насекомых-вредителей [Паллас, 1999].

Развито было в окрестностях и садоводство, особенно вдоль немногочисленных рек. Сады обладали «замечательным превосходством в обилии и отличных качествах плодовых сортов; особенно выделяется это место вывозом из него яблок синапа» [Паллас, 1999, С. 34]. Проблема доставки сельскохозяйственной продукции из окрестных деревень в город решалась строительством больших заезжих домов на Северной стороне несколькими торговцами и доставкой продукции оттуда через рейд на шлюпках [Паллас, 1999]. В черте города развивалось огородничество. Штаб-офицерам и экипажам кораблей выделялись земельные участки для организации хуторов с огородами с целью улучшения снабжения продуктами питания как военнослужащих, так и членов их семей.

Еще одной отраслью, способствовавшей улучшению обеспечения продуктами питания, являлось рыболовство. «Шлюпки каждого морского капитана ходят на рыбную ловлю и продают добытое на рынке. В числе рыбы особенно встречается в бухте кефаль, маленькая макрель или пеламида, и султанка, но только самой мелкой породы — всё это в больших количествах... открыли, что в порту есть и устрицы» [Паллас, 1999. С. 39].

Однако ведущее место в сельском хозяйстве Таврической области в конце XVIII — начале XIX века занимало животноводство, поскольку население Крымского полуострова занималось кочевым и полукочевым скотоводством. В табл. 3 дана информация о поголовье скота Таврической области в 1792 году в разрезе отдельных населенных пунктов.

На основании данных, содержащихся в табл. 3, можно сделать вывод, что в Таврической области наибольшую долю в общем поголовье скота составляли овцы — 81,3% (1 045 106 голов). Подобная ситуация характерна также для Балаклавы и округа — 43,35% (1219 голов). Значительное поголовье овец говорит о том, что потребность региона в мясе (без учета ввозного мяса)

Т а б л и ц а 3

Поголовье скота в Таврической области в 1792 году (голов)

T a b l e 3

Livestock in the Tauride Region in 1792 (heads of livestock)

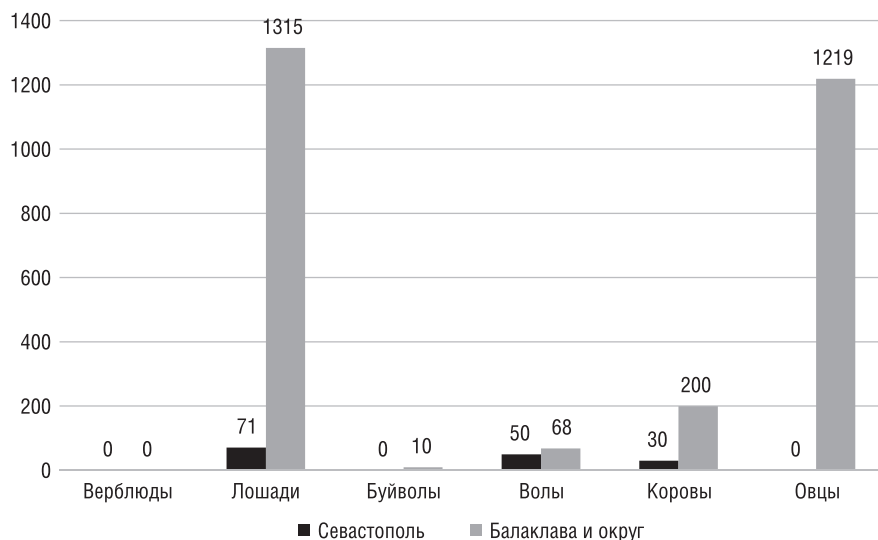
Город	Верблюды	Лошади	Буйволы	Волы	Коровы	Овцы	Всего
Симферополь	0	445	0	184	582	382	1593
Феодосия	0	195	0	150	355	0	700
Евпатория	0	196	0	300	471	1651	2618
Перекоп	8	180	0	116	219	789	1312
Севастополь	0	71	0	50	30	0	151
Бахчисарай	0	500	0	36	1480	711	2727
Карасубазар (Белогорск)	0	210	0	60	800	1700	2770
Еникале	0	40	0	10	60	0	110
Керчь	0	38	0	12	89	0	139
Балаклава и округ	0	1315	10	68	200	1219	2812
Всего по городам	8	3190	10	986	4286	6452	14932
Всего по уездам без учета городов	2791	58 305	527	61 384	108 640	1 038 654	1 270 301
Итого	2799	61 495	537	62 370	112 926	1 045 106	1 285 233

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о количестве дворов, мельниц, числе жителей и домашнего скота...

в основном удовлетворялось за счет баранины. Поголовье коров в Таврической области было меньше, чем поголовье овец, примерно в десять раз. Коров выращивали прежде всего с целью производства молочной продукции. В качестве тягловых животных (подъяремного скота) использовались лошади, волы, буйволы и верблюды. При этом буйволы служили тягловой силой для обработки земли и в других сельскохозяйственных работах, а лошади, волы и верблюды — для перевозки людей и грузов.

На рис. 1 представлено поголовье скота отдельно в Севастополе и Балаклаве.

Общее поголовье скота в Севастополе в 1792 году составляло 151, в основном лошади — 71 и волы — 50. Овец не разводили, коров было всего 30 голов, что подтверждает сделанный выше вывод о слабом развитии сельского хозяйства в городе, потребность которого в продовольствии обеспечивалась поставками из окрестностей или из других регионов. В Севастополе преобладал тягловой скот, который, по сути, был ключевым элементом транспортной инфраструктуры городского хозяйства. Причиной малого поголовья скота являлись высокие цены на корма для жи-

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о количестве дворов, мельниц, числе жителей и домашнего скота...

Рис. 1. Поголовье скота в Севастополе и Балаклаве, 1792 год (голов)

Fig. 1. Livestock in Sevastopol and Balaklava, 1792 (heads of livestock)

вотных. «...Небольшое количество собираемого местами сена и привозимого татарами с гор так недостаточно для корма лошадей и коров горожан, что в долгие зимы часто платят от 80 копеек до рубля за пуд» [Паллас, 1999. С. 39].

Как уже было сказано выше, Балаклава и округ являлись сельскохозяйственным районом и специализировались на разведении овец (1219 голов) и лошадей (1315 голов).

4. Первые этапы промышленного развития города: узкая отраслевая специализация

Промышленность города Севастополь в конце XVIII века была представлена казенными предприятиями, ремесленным и домашним производством.

Казенные предприятия в городе были сосредоточены в основном в следующих отраслях: судостроительной и судоремонтной, строительной и строительных материалов, пищевой. Самым крупным предприятием в городе оставалось адмиралтейство. «К весне 1785 года молодое адмиралтейство несколько расширилось и приняло надлежащий производственный вид: солидно возвышалась каменная кузница, мачтовый и шлюпочный сарай, несколько складов и других служебных помещений. Через некоторое время

здесь разместилось дополнительно слесарная, плотницкая, парусная и блоковая мастерские, административное здание для управление портом и адмиралтейством. Вся эта территория отделялась от города деревянной решеткой» [Зубов, 1990. С. 131].

Особенностью экономического развития всех регионов России конца XVIII века было доминирование домашнего производства и ремесел. Домашняя промышленность представляла собой обработку сырья, произведенного в своем хозяйстве и, соответственно, была более характерна для окрестностей города. Ремесло как мелкое ручное производство готовых изделий из сырых материалов с помощью простых орудий труда было более присуще городскому населению и крупным помещичьим хозяйствам. Так, в [Паллас, 1999. С. 34] отмечено, что адмирал Николай Семено-

Т а б л и ц а 4

Количество объектов промышленности в Таврической области, 1792 год (ед.)

T a b l e 4

Number of Industrial Facilities in the Tauride Region in 1792 (units)

Город	Кожевенные заводы	Водяные мельницы	Ветряные мельницы	Земляные мельницы	Итого объектов промышленности	Доля в области (%)	Доля среди городов области (%)	Доля в Симферопольском уезде (%)
Симферополь	0	1	0	0	1	0,16	1,39	0,58
Феодосия	0	0	0	0	0	0,00	0,00	–
Евпатория	6	0	18	0	24	3,87	33,33	–
Перекоп	0	0	8	0	8	1,29	11,11	–
Севастополь	0	0	0	0	0	0,00	0,00	0,00
Бахчисарай	16	5	0	0	21	3,39	29,17	12,14
Карасубазар (Белогорск)	11	7	0	0	18	2,90	25,00	10,40
Еникале	0	0	0	0	0	0,00	0,00	–
Керчь	0	0	0	0	0	0,00	0,00	–
Балаклава и округ	0	0	0	0	0	0,00	0,00	0,00
Итого в городах	33	13	26	0	72	11,61	100,00	–
Итого в уездах,	0	177	104	267	548	88,39	–	–
в том числе в Симферопольском уезде без учета городов	0	133	0	0	133	21,45	–	76,88
в том числе в Симферопольском уезде с учетом городов	27	146	0	0	173	27,90	–	100,00
Итого по Таврической области	33	190	130	267	620	100,00	–	–

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о количестве дворов, мельниц, числе жителей и домашнего скота...

вич Мордвинов в деревне Эгиз-оба (в долине реки Кача) устроил «сначала слесарное и кузнечное заведение, затем — превосходный кожевенный завод, управляемый немецким мастером; наконец, завел превосходный питомник, взращивая в нем лучшие сорта плодовых деревьев, местных и иностранных, для общего и своего пользования».

В ведомости, представленной императрице Екатерине II правителем Таврической области Жегулиным в 1792 году, имеется информация об объектах промышленности (в то время кожевенных заводах и различных мельницах) в Таврической области (табл. 4).

Судя по данным об объектах промышленности на 1792 год, в Севастополе и Балаклаве отсутствовали кожевенные заводы и мельницы. Соответствующая продукция доставлялась из Симферопольского уезда, к которому относился город и в котором было 146 мельниц и 27 кожевенных заводов. Потребности и спрос населения города во многом удовлетворялся за счет торговли, которая активно развивалась.

5. Торговая специализация города

Развитие торговых отношений в Севастополе следует рассматривать по двум направлениям: местная и портовая коммерческая торговля.

Местная торговля Севастополя была направлена на удовлетворение потребностей горожан в товарах и услугах и имела ряд ключевых особенностей, первая из которых определялась специфической военно ориентированной структурой населения города. Наибольшую долю населения составляли военные, которые были на обеспечении Черноморского флота и не предъявляли спрос на товары и услуги первой необходимости на местном рынке. При этом особо остро стояла проблема снабжения флота мясом [Паллас, 1999]. Вторая особенность была связана с удаленностью Севастополя от регионов, производящих большинство товаров, что приводило к ограниченности ассортимента и высоким ценам. «В Ахтиаре морской торговли почти не производится; продажа по лавкам весьма маловажна, и дороговизна в нем для жизни чрезмерна; дрова покупаются по 10 рублей за сажень, ржаной муки четверть по 6 и 7 рублей, живность с трудом найти можно, а прочие вещи, привозимые из столицы, выходят уже из цены» [Сума-роков, 1800. С. 115].

На основании информации из указанной выше ведомости можно судить о развитии местной торговли Севастополя по сравнению с другими городами Таврической области (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

Количество лавок и магазинов (складов) в Таврической области, 1792 год

T a b l e 5

Number of Shops and Stores (Warehouses) in the Tauride Region in 1792

Город	Лавки и магазины (склады) (ед.)	Доля в области (%)	Доля в Симферопольском уезде (%)
Симферополь	83	3,60	6,03
Феодосия	86	3,73	–
Евпатория	501	21,73	–
Перекоп	225	9,76	–
Севастополь	211	9,15	15,32
Бахчисарай	752	32,61	54,61
Карасубазар (Белогорск)	310	13,44	22,51
Еникале	67	2,91	–
Керчь	50	2,17	–
Балаклава и округ	21	0,91	1,53
В том числе в городах Симферопольского уезда	1377	59,71	100,00
Итого в городах	2306	100,00	–
Итого в уездах	0	0,00	–
Итого по Таврической области	2306	100,00	–

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о количестве дворов, мельниц, числе жителей и домашнего скота...

В Севастополе торговля развивалась достаточно активно, о чем свидетельствует работа 211 лавок и магазинов (складов) на 1792 год, что составляло 9,15% общего количества лавок и магазинов всей Таврической области, а также 15,32% среди городов Симферопольского уезда. Тенденция активного развития торговли связана со слабым развитием промышленности и сельского хозяйства, функционированием торгового порта в городе, а также с ростом платежеспособного спроса со стороны военных, проходящих службу в Севастополе.

Портовая коммерческая торговля Севастополя была тесно связана с функционированием портовой таможни и коммерческого порта.

Толчком к развитию внешней торговли стал Манифест от 22 февраля 1784 года об облегчении торговли в Херсоне, Севастополе и Феодосии и приглашении туда иностранцев, который объявлял, что «...все помянутые народы на собственных их или наемных судах под флагами их могут свободно, безопасно и беспрепятственно к тем городам приплывать или сухим путем при-

езжать, нагружать суда из и оттуда отплывать или отъезжать по своему произволению поступая, что до платежа пошлины за привозимые и вывозимые товары касается по тарифам и установлениям таможенным»³.

С 1 мая 1784 года при торговом порте Севастополя стала функционировать таможня. В состав Севастопольской таможенной конторы входила отдельным подразделением Балаклавская таможенная застава. Увеличение объемов товарооборота привело к тому, что в 1789 году была учреждена портовая контора. Севастопольская таможня действовала до 1804 года, то есть до объявления Севастополя главным военным портом Черноморского флота.

Объемы торгового оборота в черноморском бассейне на рубеже XVIII–XIX веков показывали беспрецедентный рост. Это было отмечено в первых абзацах введения к статистическому сборнику 1803 года, посвященному государственной торговле: «На Черном море привозы и отпуски в 1803 году удвоились во всех отношениях против 1802 года; отпуски привлекли туда драгоценных металлов почти на полмиллиона рублей более...»⁴

Составить представление о ввозимых через торговый порт Севастополя товарах, их стоимости и объемах можно на основании ведомости о купеческих судах, пришедших к таврическим портам с 1 по 16 апреля 1795 года, представленной графом П. А. Зубовым императрице Екатерине II 18 июня (табл. 6).

6. Активное градостроительство и формирование инфраструктуры города

Строительство города Севастополя началось на западном берегу Южной бухты, где матросы сначала под командованием вице-адмирала Федота Алексеевича Клокачева, а затем контр-адмирала Фомы Фомича Мекензи начали расчищать территорию от кустарников и деревьев, строить пристани, склады и другие служебные помещения, а также казармы и жилые дома, которые «делали из плетня, обмазывали глиной, белили известью, крыли камышом на манер малороссийских хат»⁵.

³ Манифест императрицы Екатерины II об облегчении торговли в Херсоне, Севастополе, Феодосии и об открытии их для всех дружественных народов с приглашением иностранцев, желающих поселиться в городах и селениях Таврической области // РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 798. Л. 75 — 77 об.

⁴ Государственная торговля 1803 года в разных ее видах. СПб.: Государственная коммерц-коллегия, 1804. С. 2.

⁵ Из записок адмирала Д. Н. Сенявина о закладке первых зданий в городе Севастополе // РГАВМФ. Ф. 315. Оп. 1. Д. 443. Л. 22.

Т а б л и ц а 6

Сводная таблица с информацией о товарообороте Севастопольского торгового порта, 1–16 апреля 1795 года

Т а б л и ц а 6

Summary Table of Turnover at the Sevastopol Commercial Port, 1–16 April 1795

Название судна	Кушцы-фрахтовальщики	Наименование привезенного товара	Количество привезенного груза		Стоимость всего (руб.)	Тарифная пошлина (руб.)
Российское двухмачтовое судно «Франциско Паоло», принадлежащее херсонскому купцу Салазанию Чингрику с компанией. Шкипер — венецианский поданный славянин Илья Драглопин из Царьграда	Евпаторийский купец Иван Глинка	Желуди дубовые для выделки кож; оливки	565	пуд.	297	119,1
	Иван Панаист Влахули	Фрукты свежие, лимоны	10 000	шт.	50	без пошлин
	Матрос Симон Познакович	Ром в 3 ящиках	2	анкер.	42	28
		Масло деревянное	11	пуд.		
Российское двухмачтовое судно «Панатия Турлиани», корабельщик — отставной прапорщик Харлампий Купа из Царьграда	Армянин Гаврил Аванесов	Рожки турецкие; ягоды винные и изюм	21	фунт.	69,15	6,91
			850	пуд.	1500	312

Продолжение таблицы 6

Название судна	Куш-фрахтовальщики	Наименование привезенного товара	Количество привезенного груза	Стоимость всего (руб.)	Тарифная пошлина (руб.)
Российское двухмачтовое судно «Панатия Турлиани»... (продолжение)	Армянин Ариутин Попов	Холст подкладочный бумажный	1500 аршин.	90	15
		Бумажная турецкая материя крашеная; бумажные утиральники; бумажные передники простые; наволоки бумажные простые; москательный товар: трубки глиняные табачные простые; полушелковая материя турецкая; колпаки шерстяные	1665 шт.	223,55	59,79
		Шелк-сырец	3 фунт.	9	без пошлин
	Армянин Могдаси Мелкисетов	Холст подкладочный бумажный	12 000 аршин.	720	120
		Камлот шерстяной простой; полушелковая материя турецкая	19 шт.	198	59,4
	Евреин Новах Хаджас	Москательный товар; шелк-сырец	34 пуд., фунт.	91,5	3,15
		Бумажная турецкая материя крашеная; трубки табачные простые глиняные	1620 шт.	123,75	36,45
		Москательный товар	52,5 пуд.	78,75	23,62
	Татарин Гусейн Кара оглу	Холст подкладочный бумажный	375 аршин.	22,5	3,75
		Бумажная турецкая материя; пилы одноручные малые	50 шт.	40	9,14
	Евреин Самоил Данилович	Ягоды винные и изюм	7 пуд.	14	2,8
		Книги еврейской печати	2 ящик	100	без пошлин
		Ягоды винные	3 пуд.	6	1,2
	Татарин Фетт Аджи	Колпаки шерстяные; полушелковая ткань; турецкие шали	16 шт.	21	5,7
	Татарин Девлетт Сулейман	Холст подкладочный бумажный	1500 аршин.	90	15
		Килимы шерстяные валяные постельные простые	50 шт.	125	37,5
		Табак турецкий листовый; москательный товар; ягоды винные и изюм; рожки турецкие	571 пуд.	1557,75	312,87

Продолжение таблицы 6

Название судна	Купцы-фрахтовальщики	Наименование привезенного товара	Количество привезенного груза	Стоимость всего (руб.)	Тарифная пошлина (руб.)
Российское двухмачтовое судно «Панатия Турлиани»... (окончание)	Татарин Исмаил Базас-Чамай	Бумажная турецкая материя; трубки табачные простые глиняные	1120 шт.	122,5	36,3
		Бумага пряденая белая; ягоды винные и изюм	71,6 пуд.	157,25	28,92
		Москательный товар	2 сундук	36	7,2
Российское двухмачтовое судно «Святой Андрей», принадлежащее умершему майору Метакеру. Шкипер — венецианский подданный грек Спирос Потала из Царьграда	Татарин Дервиш-али	Полушелковая материя, турецкая шаль; колапки шерстяные	10 шт.	18,5	4,75
	Армянин Карабег Капрелов	Бумажная турецкая материя крашенная; бумажные передники простые; кушаки шерстяные мужские простые; полушелковая материя турецкая; колапки шерстяные; кушаки полушелковые женские в тесьмах	345 шт.	458	134,4
		Холст подкладочный бумажный; выбойка бумажная турецкая и чемерная простая	3075 аршин.	187,5	32,25
		Серебро в деле; шелк-сырец	16 фунт.	105,84	3
	Армянин Мелкон Назаров	Бумажная турецкая материя; полушелковая материя турецкая; кушаки полушелковые женские в тесьмах; колапки шерстяные	474 шт.	380	111,88
		Холст подкладочный бумажный; выбойка бумажная турецкая и чемерная простая	1590 аршин.	99	17,7
		Шелк-сырец; москательный товар; бумага пряденая белая	6 пуд., фунт.	192,75	11,17
	Армянин Сарлам Аганелов	Бумажная турецкая материя крашенная; колапки шерстяные; кушаки полушелковые женские в тесьмах	169 шт.	135	39,3
		Холст подкладочный	1500 аршин.	90	15
		Табак турецкий листовый; шелк-сырец; выбойка бумажная чемерная простая	51,7 пуд.	530,5	65,25
Еврейин Вениамин Сачер		Бумажная турецкая материя; кушаки полушелковые женские в тесьмах; кушаки шерстяные женские простые; полушелковая материя турецкая; трубки табачные простые глиняные; колапки шерстяные	3568 шт.	574,5	168
		Бумага пряденая белая; шелк-сырец; москательный товар; оливки; ягоды винные и изюм	149,33 пуд., фунт.	465,15	61,92
		Холст подкладочный бумажный; выбойка бумажная турецкая и чемерная простая	990 аршин.	64,2	7,3
		Москательный товар	1 сундук	36	7,2

О к о н ч а н и е т а б л и ц ы 6

Название судна	Купцы-фрагтовальщики	Наименование привезенного товара	Количество привезенного груза	Стоимость всего (руб.)	Тарифная пошлина (руб.)
Российское двухмачтовое судно «Святой Андрей»... (окончание)	Евреин Максимаджи огу	Холст подкладочный бумажный; выбойка бумажная чемерная простая	9136	аршин.	553,5
		Бумажная турецкая материя крашенная; кушаки шерстяные мужские простые; килимы шерстяные валяные постельные простые; кушаки полушелковые женские в тесьмах	197	шт.	146,7
		Бумага пряденая белая; шелк-сырец	75	пуд., фунт.	563,25
	Евреин Садук Барух	Бумажная турецкая материя; утиральники бумажные; платки турецкие бумажные; кушаки женские шерстяные в тесьмах; колпаки шерстяные суконные; трубки глиняные табачные простые; кушаки полушелковые женские в тесьмах	3325	шт.	221,5
		Краска для вожжей; кофе турецкий; москательный товар; сок, называемый нардеком; табак турецкий листовый; ягоды винные и изюм	434,5	пуд.	1055,35
Итого	Евреин Галет Калфу	Бумажная турецкая материя крашенная; трубки глиняные табачные простые; кушаки полушелковые женские в тесьмах	3050	шт.	91,5
		Холст подкладочный	1500	аршин.	90
		Москательный товар; ягоды винные и изюм	101,5	пуд.	194,25
				12037,69	2433,40
В пользу города с каждого пошлинного рубля по 2 коп. — 48 руб. 66 коп.					
За гербовую бумагу — 101 руб. 20 коп.					
Прибыльных — 80 коп.					
Итого — 150 руб. 66 коп.					

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о купеческих судах, пришедших к таврическим портам с 1 по 16 апреля, представленная графом П. А. Зубовым императрице Екатерине II (18 июня 1795 г.) // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 59139. Л. 42–52.

В записке Дмитрия Николаевича Сенявина можно найти также описание строительства первых четырех каменных зданий — объектов военной и гражданской инфраструктуры. Адмирал Ф. Ф. Мекензи заложил 3 июня 1783 года четыре здания. «Первое — часовню во имя Николая Чудотворца... Другое — дом для себя; третье — пристань очень хорошую против дома своего; четвертое — кузницу в адмиралтействе. Здания эти все каменные, приведены к концу весьма скоро и почти невероятно. Часовня освящена 6-го августа, кузница готова в 3 недели, пристань сделана с небольшим в месяц, а в дом перешел адмирал и дал бал на новоселие 1 ноября...»⁶ Дата 3 (14) июня 1783 года принята за дату основания города Севастополя.

2 (13) июля 1783 года Ф. Ф. Мекензи писал графу Ивану Григорьевичу Чернышеву: «Нынче мы упражняемся в Ахтиарской гавани — делаем казармы, магазины; также завел уже маленькое адмиралтейство. Я имел счастье в Ахтиарской гавани повалить корабль “Хотин” до киля, и оный исправил, и нашел ту течь, которая была весьма для него опасна»⁷.

С 1784 года силами солдат начали возводиться дороги, которые связали Севастополь с Бахчисараем и другими населенными пунктами Крыма, а также каменные мосты через многочисленные реки и ручьи. В 1785–1786 годах дороги были закончены и вдоль них установлены каменные знаки с обозначением миль и верст, изготовленные по рисункам, присланным от Г. А. Потемкина [Болотина, 2014].

С 1786 года Севастополь продолжил строиться под руководством капитана, а затем вице-адмирала графа Марко Ивановича Войновича, назначенного на место умершего Ф. Ф. Мекензи. О развитии города и его инфраструктуры за первые три-четыре года с момента основания есть два в некоторой степени противоречащих друг другу источника.

Как свидетельствуют воспоминания севастопольского старожила: «Во время путешествия Императрицы Екатерины II по Таврическому полуострову от основания Севастополя протекло уже три года; в продолжение этого времени он имел всех строений не более сорока, казенных и партикулярных (невоенных, штатных); в порте не было еще никаких укреплений, и адмиралтейство только еще устраивалось, а нагорное возвышение, где расположен теперь почти весь город, покрыто было лесом» [З. А., 1852].

⁶ Из записок адмирала Д. Н. Сенявина...

⁷ Из донесения командующего Черноморской эскадрой, сосредоточенной в Ахтиарской гавани, контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи Морскому министру И. Г. Чернышеву об использовании Ахтиарской гавани для ремонта кораблей от 2 июля 1783 года // РГАВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 39. Л. 12 — 12 об.

По свидетельству же французского посланника Сегюра, сопровождавшего императрицу в 1787 году в Крым, «...мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь, построенный Екатериною. Несколько зданий для складов товаров, адмиралтейство, городские укрепления, 400 домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани торговые и карантинные — всё придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым, каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретенном крае Потемкин нашел возможным воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот, утвердить порт и поселить столько жителей. Это действительно был подвиг необыкновенной деятельности» [Сегюр, 1865. С. 214].

Т а б л и ц а 7

Количество дворов в Таврической области, 1792 год

T a b l e 7

Number of Households in the Tauride Region in 1792

Город	Количество дворов (ед.)	Доля в области (%)	Доля среди городов области (%)	Доля в Симферопольском уезде (%)
Симферополь	292	1,06	6,86	3,23
Феодосия	132	0,48	3,10	—
Евпатория	854	3,09	20,06	—
Перекоп	214	0,77	5,03	—
Севастополь	28	0,10	0,60	0,31
Бахчисарай	1560	5,64	36,64	17,26
Карасубазар (Белогорск)	895	3,24	21,02	9,90
Еникале	76	0,27	1,78	—
Керчь	72	0,26	1,69	—
Балаклава и округ	135	0,49	3,17	1,49
Итого в городах, ед.	4258	15,39	100,00	—
Итого в уездах без учета городов,	23 404	84,61	—	—
в том числе в Симферопольском уезде без учета городов	6129	22,16	—	67,81
Итого по Таврической области,	27 662	100,00	—	—
в том числе в Симферопольском уезде с учетом городов	9039	32,68	—	100,00

Примечание. Двор представлял собой дом со всеми хозяйственными надворными постройками (то есть отдельное хозяйство) и являлся единицей счета (величина населенного пункта определялась количеством дворов).

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о количестве дворов, мельниц, числе жителей и домашнего скота...

Для количественного описания гражданских домовладений Севастополя рассмотрим структуру дворов в городах Таврической области в 1792 году (табл. 7).

В 1792 году в Севастополе, Балаклаве и округе насчитывалось 163 двора, что составляло 0,59% общего количества дворов всей Таврической области и 1,8% количества дворов Симферопольского уезда. Если сравнивать города Таврической области, то молодой Севастополь, которому в 1792 году было девять лет с момента основания, по количеству дворов оставался самым маленьким. Вследствие того, что город развивался как военная крепость, а в его экономике существенную долю составляла сфера торговли, количество постоянных дворов в городе уже через девять лет после его основания было значительным (табл. 8).

Постоялые дворы в Таврической области располагались только в городах. В Севастополе в 1792 году насчитывалось уже десять постоянных дворов (10,1% общего числа постоянных дворов области). Такая относительно большая доля объяснялась развитием торговли и ростом города как военной крепости, что сопровождалось постоянным движением гражданского населения и военных.

Т а б л и ц а 8

Количество постоянных дворов в Таврической области, 1792 год

T a b l e 8

Number of Inns in the Tauride Region in 1792

Город	Постоялые дворы (ед.)	Доля в области (%)	Доля в Симферопольском уезде (%)
Симферополь	12	12,12	19,67
Феодосия	9	9,09	–
Евпатория	12	12,12	–
Перекоп	15	15,15	–
Севастополь	10	10,10	16,39
Бахчисарай	16	16,16	26,23
Карасубазар (Белогорск)	23	23,23	37,70
Еникале	1	1,01	–
Керчь	1	1,01	–
Балаклава и округ	0	0,00	0,00
В том числе в городах Симферопольского уезда	61	61,62	100,00
Итого в городах	99	100,00	–
Итого в уездах	0	0,00	–
Итого по Таврической области	99	100,00	–

Источник: систематизировано и рассчитано авторами на основе: Ведомость о количестве дворов, мельниц, числе жителей и домашнего скота...

Серьезной проблемой строящегося города оставался дефицит пресной воды. Один колодец «глубиной в четыре сажени» с пресной питьевой водой находился «за пять верст по Балаклавской дороге», второй — «при входе в Малую гавань подле полковых казарм» и, соответственно, был присвоен сухопутными войсками, другие же колодцы в черте города содержали солоноватую воду, что способствовало «развитию скорбута» (цинги) [Паллас, 1999. С. 39–40].

Непротиворечивые данные о развитии городского хозяйства Севастополя можно найти у Павла Ивановича Сумарокова, который через двенадцать лет, в 1799 году, характеризовал Севастополь как «очень хороший город, построенный в наши времена на глухой степи в новейшем европейском вкусе... на берегу Южной бухты, к которой склоняются амфитеатром несколько рядов улиц, одна другой выше... по другую сторону видны большие здания, как то: морской арсенал, флотская и артиллерийская казармы и слобода поселенных невольников» [Сумароков, 1800. С. 112]. В 1799 году в городе было «две церкви, Российская и Греческая, 610 морских, 45 отставных штаб- и обер-офицерских, 68 купеческих, мещанских, поповских и 18 невольничьих домов, что всего составит, не считая казарм, 741 дом, притом 86 лавок» [Сумароков, 1800. С. 113].

Заключение

Проведенное исследование хозяйственной жизни Севастополя с момента основания в 1783 году и до начала XIX века позволило выявить следующие ключевые экономические особенности:

- экономическое развитие города под воздействием интеграционных процессов, среди которых наиболее значимыми были формирование лояльного отношения к России со стороны местного населения, заселение территории крестьянами, объявление города открытым для дружественных народностей (греков, армян, евреев и др.), активное гражданское и военное строительство;
- формирование структуры населения с преобладающей долей военных (более 95%), названной авторами военно ориентированной;
- слабое развитие сельского хозяйства, что послужило предпосылкой высокого уровня цен, но в то же время способствовало развитию торговли;
- узкая отраслевая специализация промышленности с доминированием казенных предприятий в судоремонтной, строительной, строительных материалов и пищевой отраслях;

- торговля как инструмент решения проблем сельского хозяйства и промышленности — торговая специализация Севастополя способствовала преодолению дефицита сельскохозяйственной и промышленной продукции в городе.

Литература

1. Болотина Н. Ю. Потемкин. М.: Вече, 2014.
2. Головачов В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб.: Тип. департамента уделов, 1872.
3. З. А. Отрывки из записок севастопольского старожила // Морской сборник. 1852. Т. 7. № 1. С. 33–47.
4. Zubov B. N. Razvitie korablestroeniya na yuge Rossii. Kaliningrad: Kaliningradskoe knizhnoe izd-vo, 1990.
5. История Севастополя: в 3 т. Т. 2: Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века — 1917 год / под. ред. Е. Б. Алтабаевой, Ю. А. Петрова. М.: Историческая литература, 2021.
6. Карцов П. К. Всеподданнейшее донесение о состоянии севастопольского порта // Материалы для истории Русского флота. Ч. XVI / под ред. С. Ф. Огородникова. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1902. С. 86–88.
7. Коваленко В. В. Полуденная столица // Парадигмы истории и общественного развития. 2019. № 15–16. С. 41–49.
8. Коваленко В. В. После Потемкина: Севастополь в 90-е годы XVIII в. // Парадигмы истории и общественного развития. 2020а. № 17–18. С. 23–30.
9. Коваленко В. В. После Ушакова: Севастополь в первое десятилетие XIX века // Парадигмы истории и общественного развития. 2020б. № 19. С. 23–30.
10. Левченко Л. Історія Миколаївського і Севастопольського військового губернаторства (1805–1900). Миколаїв: МДГУ ім. П. Могили, 2006.
11. Неделин А. И., Тарле Е. В., Семин Г. И., Губенко Г. Н., Зоткин Н. Ф. История города-героя Севастополя: 1783–1917. Киев: Изд-во Академии наук УССР, 1960.
12. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999.
13. Потемкин Г. А. Всеподданнейший доклад князя Потемкина. 10 августа 1785 г. // Бумаги Князя Григория Александровича Потемкина-Таврического: 1774–1788 гг. / под ред. Н. Ф. Дубровина СПб.: Изд. Военно-Ученого Комитета Гл. Штаба, 1893. Т. XVI. С. 121–134.
14. Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб.: Тип. В. Н. Майкова, 1865.
15. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест. М.: Университетская тип. у Ридигера и Клаудия, 1800.
16. Хапаев В. В., Бичаков С. А. Вклад Г. А. Потемкина в экономическое развитие Новороссии // Парадигмы истории и общественного развития. 2016. № 2–3. С. 36–40.

References

1. Bolotina N. Yu. *Potemkin [Potemkin]*. Moscow, Veche, 2014. (In Russ.)
2. Golovachov V. F. *Istoriya Sevastopolya kak russkogo porta [The History of Sevastopol as a Russian Port]*. Saint-Petersburg, Tip. departamenta udelov, 1872. (In Russ.)
3. Z. A. *Otryvki iz zapisok sevastopol'skogo starozhila [Excerpts From the Notes of a Sevastopol Old-Timer]*. *Morskoy sbornik [Marine Collection]*, 1852, vol. 7, no. 1, pp. 33–47. (In Russ.)
4. Zubov B. N. *Razvitie korablestroeniya na yuge Rossii [The Development of Shipbuilding in the South of Russia]*. Kaliningrad, Kaliningradskoe knizhnoe izd-vo, 1990. (In Russ.)

5. Altbaevoy E. B., Petrova Yu. A. (eds.). *Istoriya Sevastopolya: v 3 t. T. 2: Sevastopol' v epokhu Rossiyskoy imperii. Konets XVIII veka - 1917 god* [The History of Sevastopol. In 3 vols. Vol. 2: Sevastopol in the Era of the Russian Empire - End of the 18th Century to 1917]. Moscow, Istoricheskaya literatura, 2021. (In Russ.)
6. Kartsov P. K. Vsepoddanneyshee donesenie o sostoyanii sevastopol'skogo porta [Most Respectfully Submitted Report on the State of the Sevastopol Port]. In: Ogorodnikova S. F. (ed.). *Materialy dlya istorii Russkogo flota. Ch. XVI [Materials for the History of the Russian Navy. Part XVI]*. Saint-Petersburg, Tip. Morskogo Ministerstva, 1902, pp. 86-88. (In Russ.)
7. Kovalenko V. V. Poludennaya stolitsa [High Noon of a Capital]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya* [Paradigms of History and Social Development], 2019, no. 15-16, pp. 41-49. (In Russ.)
8. Kovalenko V. V. Posle Potemkina: Sevastopol' v 90-e gody XVIII v. [After Potemkin: Sevastopol in the 1790s]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya* [Paradigms of History and Social Development], 2020a, no. 17-18, pp. 23-30. (In Russ.)
9. Kovalenko V. V. Posle Ushakova: Sevastopol' v pervoe desyatiletie XIX veka [After Ushakov: Sevastopol in the First Decade of the 19th Century]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya* [Paradigms of History and Social Development], 2020b, no. 19, pp. 23-30. (In Russ.)
10. Levchenko L. *Istoriya Mykolaivskogo i Sevastopol'skogo viyskovogo gubernatorstva (1805-1900)* [History of the Nikolaev and Sevastopol Military Governorates (1805-1900)]. Mykolaiv, Mykolaiv State Humanitarian University named after P. Mohyla, 2006. (In Ukr.)
11. Nedelin A. I., Tarle E. V., Semin G. I., Gubenko G. N., Zotkin N. F. *Istoriya goroda-geroya Sevastopolya: 1783-1917* [The History of the Hero City of Sevastopol: 1783-1917]. Kiev, Izd-vo Akademii nauk USSR, 1960. (In Russ.)
12. Pallas P. S. *Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793-1794 godakh* [Observations Made During a Trip to the Southern Governorates of the Russian State in 1793-1794]. Moscow, Nauka, 1999. (In Russ.)
13. Potemkin G. A. Vsepoddanneyshey doklad knyazya Potemkina. 10 avgusta 1785 goda [Most Respectfully Submitted Report of Prince Potemkin. 10 August 1785]. In: *Bumagi Knyazya Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Tavricheskogo: 1774-1788 gg.* [Papers of Prince Grigory Alexandrovich Potemkin-Tavrichesky: 1774-1788]. Saint-Petersburg, Izd. Voenno-Uchenogo Komiteta Gl. Shtaba, 1893, pp.121-134. (In Russ.)
14. Segur L. F. *Zapiski grafa Segura o prebyvanii ego v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785-1789)* [Notes by Count Segur on His Stay in Russia During the Reign of Catherine II (1785-1789)]. Saint-Petersburg, Tip. V. N. Maykova, 1865. (In Russ.)
15. Sumarokov P. I. *Puteshestvie po vsemu Krymu i Bessarabii v 1799 godu. S istoricheskim i topograficheskim opisaniem vseh tekhn mest* [A Trip Throughout the Crimea and Bessarabia in 1799: With a Historical and Topographical Description of All Those Places]. Moscow, Universitetskaya tip. u Ridigera i Klaudiya, 1800. (In Russ.)
16. Khapaev V. V., Bichakov S. A., Vklad G. A. Potemkina v ekonomicheskoe razvitie Novorossii [G. A. Potemkin's Contribution to the Economic Development of Novorossiia]. *Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya* [Paradigms of History and Social Development], 2016, no. 2-3, pp. 36-40. (In Russ.)

**«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА»
В ИНТЕРНЕТЕ**

В электронном виде

- <http://ecpolicy.ru/>
- <http://www.econbiz.de/>
- ulrichsweb.serialssolutions.com/
- <https://e.lanbook.com/>
- <http://dlib.eastview.com/>
- <http://elibrary.ru/>
- <https://ideas.repec.org/>
- <http://cyberleninka.ru/>
- <http://biblioclub.ru/>
- <http://ipscience.thomsonreuters.com/>

Адрес редакции: 125009, Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Тел.: +7 (495) 691-77-21

E-mail: mail@ecpolicy.ru

Сайт: <http://ecpolicy.ru/>

Отпечатано в типографии ООО «Онлайн Принт»

115487, Москва, ул. Нагатинская, д. 16Б.

Тираж 100 экз.

Editorial address: 3–5, str. 1, Gazetnyy per.,

Moscow, 125009, Russian Federation

Tel.: +7 (495) 691-77-21

E-mail: mail@ecpolicy.ru

Printed by "Online Print" Ltd. Address: 16B, ul. Nagatinskaya,

Moscow, 115487, Russian Federation

100 copies